

СБОРНИКЪ
Учено - Литературнаго
Общества

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Юрьевскомъ Университетѣ.

Томъ VI.

ЮРЬЕВЪ.
Типографія К. Маттисена.
1903.

Печатано по опредѣленію Учено - Литературнаго Общества при
Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества:
проф. М. Е. Красноженъ.

Содержаніе.

Отдѣлъ офіціальный.

Отчетъ о дѣятельности Общества за 1901—1902 г.

I. Засѣданія Общества	VII
II. Совѣтъ Общества	XVIII
III. Касса Общества	XIX
IV. Смѣта на 1902—1903 г.	XX
V. Протоколъ ревизіонной комиссіи	XXI
VI. Заключение Совѣта по поводу протокола ревизіон- ной комиссіи	XXI
VII. Отчетъ о состояніи бібліотеки Общества	XXII
VIII. Списокъ членовъ Общества	XXIV
IX. Совѣтъ Общества на 1902—1903 г.	XXVIII
Степанъ Ивановичъ Роше. (Некрологъ)	XXIX

Отдѣлъ научный.

1. Памяти великихъ русскихъ писателей Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского (Торжественныя засѣданія Общества).	1—4
2. I. I. Змигродскій. Гоголь на сценахъ города Юрьева Лифляндской губерніи	5—35
3. Я. И. Лаутенбахъ. В. А. Жуковскій и Н. В. Гоголь въ латышской литературѣ	36—44
4. П. Н. Сосновскій. Гоголь и Пушкинъ	45—61
5. А. Н. Троицкій. М. А. Мойеръ въ жизни и поэзіи Жуковского	62—79
6. С. В. Кузнецовъ. Гоголь и Тургеневъ: нѣсколько параллелей изъ ихъ жизни	80—105
7. Я. И. Лаутенбахъ. В. А. Жуковскій въ латышской поэзіи	106—110
8. Проф. протоіерей А. С. Царевскій. Рѣчь, произне- сенная въ Александро-Невской церкви при Юрьевскомъ Университетѣ по поводу исполнившагося пятидесяти- лѣтія со дня кончины Н. В. Гоголя	111—118
9. Онъ же. Рѣчь передъ панихидою по В. А. Жуковскому въ торжественномъ собраніи Учено-Литературнаго Об- щества	119—121
10. Проф. В. Г. Алексѣевъ. Михаилъ Васильевичъ Остро- градскій (съ портретомъ М. В. Остроградскаго)	122—155
11. Проф. Б. И. Срезневскій. Вліяніе климатовъ на че- ловѣка	156—189
12. Н. Я. Кипріановичъ. Ливонская хроника Генриха Латыша	190—212
13. Проф. М. Е. Красноженъ. Къ исторіи византійской отреченной письменности	213—215

Отдѣлъ офіціальный.

Отчетъ

о дѣятельности Учено - Литературнаго Общества при
ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ за
1901—1902 годъ.

I. Засѣданія Общества.

Въ истекшемъ, пятомъ году своего существованія Учено-Литературное Общество продолжало выполнять, по мѣрѣ силъ, свои задачи и посвятило своимъ дѣламъ, кромѣ годичнаго (закрытаго) засѣданія, 8 закрытыхъ и 14 открытыхъ засѣданій; въ числѣ послѣднихъ — также два торжественныхъ засѣданія, посвященныя юбилейнымъ чествованіямъ памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского.

Въ годичномъ засѣданіи 27 мая 1901 г. былъ заслушанъ отчетъ о дѣятельности Общества въ теченіи 1900—1901 года, а также отзывъ ревизіонной комиссіи, состоявшей изъ членовъ Общества: В. Г. Алексѣева, С. К. Богушевскаго, Н. З. Матвѣева, и было постановлено утвердить этотъ отчетъ и смѣту расходовъ на 1901—1902 годъ, составленную Казначеемъ Общества. Затѣмъ, въ годичномъ засѣданіи были произведены выборы должностныхъ лицъ Общества на 1901—1902 г., и выбранными оказались слѣдующіе члены Общества: предсѣдателемъ — А. Н. Ясинскій, секретаремъ — А. В. Никитскій, казначеемъ — Е. А. Гравитъ, членами Совѣта — Н. Я. Кипріановичъ, Н. И. Ивановъ и В. Г. Алексѣевъ, бібліотекаремъ — М. Н. Столяровъ.

Наконецъ, въ этомъ же годичномъ засѣданіи по предложенію нѣкоторыхъ членовъ Общества былъ избранъ бывшій Предсѣдатель Общества, членъ Совѣта Министра

Народнаго Просвѣщенія А. С. Будиловичъ — почетнымъ членомъ Общества, во вниманіе къ его общепризнаннымъ научнымъ заслугамъ и его дѣятельности на пользу Общества. Въ остальныхъ закрытыхъ засѣданіяхъ докладывались текущія дѣла, прошедшія предварительно черезъ Совѣтъ Общества, и наиболѣе важныя изъ послѣднихъ подлежали всестороннему обсужденію и рѣшенію Общаго Собранія; такъ, напримѣръ, Общее Собраніе въ засѣданіи 13 октября 1901 г. обсуждало вопросъ объ изданіяхъ трудовъ Общества и передало Совѣту Общества свои полномочія по этимъ изданіямъ, при чемъ было постановлено, чтобы объемъ отдѣльной статьи, помѣщаемой въ Сборникъ съ разрѣшенія Совѣта, не превышалъ пяти печатныхъ листовъ. Въ закрытыхъ засѣданіяхъ производились также выборы въ дѣйствительные члены Общества посредствомъ закрытой баллотировки, при чемъ кандидаты предлагались каждый разъ не менѣе, какъ тремя дѣйствительными членами Общества, и эти предложенія предварительно проходили черезъ Совѣтъ Общества. Избрано въ отчетномъ году въ дѣйствительные члены Общества 5 лицъ: Г. Ф. Бауэръ, С. В. Кузнецовъ, В. М. Головинъ, М. В. Бречкевичъ и І. І. Змигродскій. По заявленію (безъ избранія) вступилъ въ дѣйствительные члены Общества профессоръ Юрьевскаго Университета П. Н. Ардашевъ. Выбылъ изъ числа дѣйствительныхъ членовъ Общества одинъ — умершій С. И. Роше. Къ концу отчетнаго года дѣйствительными членами Общества состоятъ 63 лица; въ этомъ числѣ преподавателей: университета 25, Юрьевскаго ветеринарнаго института 3, другихъ учебныхъ заведеній 24, и другихъ лицъ 11. Дѣйствительныхъ членовъ, живущихъ въ г. Юрьевѣ, 54, въ другихъ городахъ и за-границей — 9.

Въ первомъ закрытомъ засѣданіи (13 окт. 1901 г.) былъ избранъ Товарищемъ Предсѣдателя — М. Е. Красноженъ и членами ревизіонной коммисіи: С. К. Богушевскій, Н. З. Матвѣевъ и В. К. Мальмбергъ.

Въ седьмомъ закрытомъ засѣданіи (2 марта 1902 г.), по предложенію нѣкоторыхъ членовъ Общества, былъ избранъ бывшій Секретарь Общества, ординарный профессоръ Московскаго Университета А. В. Никитскій — почетнымъ членомъ Общества, во вниманіе къ его выдающимся научнымъ заслугамъ по греческой исторіи и филологіи и его дѣятельности на пользу Общества. Такимъ образомъ, къ концу

отчетного года, Общество имѣетъ, кромѣ вышеуказанныхъ 63 дѣйствительныхъ членовъ, еще два почетныхъ.

Въ 14 открытыхъ засѣданіяхъ Общества были сдѣланы 26 сообщеній, и большею частью эти сообщенія подлежали обсужденію, какъ со стороны членовъ Общества, такъ и со стороны нѣкоторыхъ изъ посѣтителей.

Сообщенія сдѣлали слѣдующіе члены Общества:

I-е засѣданіе — 27 мая 1901 г.

А. С. Будиловичъ: Объ основныхъ воззрѣніяхъ червонно-русскаго мыслителя и дѣятеля А. И. Добрянскаго.

Референтъ обрисовалъ основныя воззрѣнія Добрянскаго, особенно же тѣ, которыя опредѣляютъ принадлежность этого славянскаго дѣятеля къ числу дѣятелей кирилло-меоодіевскаго направленія. Для этой цѣли референтъ подробно разобралъ слѣдующіе вопросы:

1) какъ смотрѣлъ Добрянскій на догматическія и историческія отношенія христіанскихъ церквей, въ ихъ взаимодействіи съ другими сторонами народной и культурной жизни славянъ?

2) въ какомъ видѣ рисовались ему идеалы политической жизни славянъ?

и 3) какъ представлялъ онъ себѣ ихъ нормальныя отношенія въ области научно-литературной, въ частности по вопросу объ общеславянскомъ языкѣ?*)

II-е засѣданіе — 13 октября 1901 г.

В. А. Афанасьевъ: Къ 80-лѣтію профессора Р. Вирхова.

(Это сообщеніе будетъ напечатано въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ Сборника.)

III-е засѣданіе — 27 октября 1901 г.

В. Г. Алексѣевъ: Къ вопросу о необходимости для естествоиспытателей изученія математики. По поводу обнаружившагося совпаденія формальныхъ методовъ химіи и алгебры. (Это сообщеніе напечатано въ V томѣ Сборника).

*) Резюмировано Секретаремъ Общества. Этотъ рефератъ напечатанъ въ цѣломъ видѣ въ протоколахъ С.Петербургскаго Славянскаго Общества.

IV-засѣданіе — 17 ноября 1901 г.

А. Н. Ясинскій: „Основныя черты законодательства и судоустройства Чехии въ XIV—XV вв.“ (Это сообщеніе напечатано въ V томѣ Сборника.)

Н. И. Ивановъ: „Краткая замѣтка о періодическомъ изданіи Галицко-русской Матицы.“

V-е засѣданіе — 24 ноября 1901 г.

Б. И. Срезневскій: „О вліяніи климатовъ на человека.“ (Это сообщеніе будетъ напечатано въ VI томѣ Сборника.)

VI-е засѣданіе — 8 декабря 1901 г.

Засѣданіе было посвящено чествованію столѣтняго юбилея (10 нояб. 1801 — 10 нояб. 1901) со дня рожденія В. И. Даля. Послѣ вступительнаго слова Предсѣдателя, слѣдующіе ораторы произнесли рѣчи:

Е. В. Пѣтуховъ: „Біографическій очеркъ В. И. Даля.“

Референтъ представилъ сначала, на основаніи имѣющихся печатныхъ данныхъ, біографическія свѣдѣнія о В. И. Далѣ. Влад. Ив. Даль род. 10 ноября 1801 года въ Лугани; первоначальное образованіе получилъ въ семьѣ, подъ руководствомъ умнаго и строгаго отца и весьма образованной матери, рожд. Фрейтагъ. Въ 1814 году Д. былъ отданъ въ Морской Кадетскій Корпусъ въ Петербургъ, по окончаніи курса въ которомъ въ 1819 году выпущенъ былъ мичманомъ и опредѣленъ на службу въ Черноморскій флотъ; оттуда Д. перешелъ въ Балтійскій флотъ, а черезъ два года вышелъ въ отставку и отправился въ Дерптъ изучать медицину: это было въ 1826 году. Въ 1829 году, со степенью доктора медицины, Д. былъ назначенъ военнымъ врачомъ въ дѣйствующую армію. Пребываніе на полѣ военныхъ дѣйствій, въ Турціи, а затѣмъ въ Польшѣ (1830—1831) сблизило его съ простымъ русскимъ народомъ и дало много матеріала для его Словаря, начало которому положено было еще раньше. Дальнѣйшая жизнь Д. проходитъ то въ Петербургѣ, гдѣ онъ впервые выступаетъ на литературное поприще (1832), то въ Оренбургѣ (1833—1840), то снова въ Петербургѣ при Л. А. Перовскомъ (1841—1849), затѣмъ въ Нижнемъ-Новгородѣ

(1849—1859) и въ Москвѣ — до самой смерти (22 сент. 1872). Далѣ, референтъ остановился на ученыхъ и литературныхъ трудахъ В. И. Даля, особенно на его „Словарѣ“ и повѣстяхъ, и далъ въ концѣ общую характеристику личности знаменитаго русскаго этнографа и лексикографа. *)

А. В. Никитскій: „Справки о Далѣ въ архивѣ Юрьевскаго Университета.“ (Это сообщеніе напечатано въ V томѣ Сборника.)

В. А. Афанасьевъ: „О диссертациі Даля на степень доктора медицины. (Это сообщеніе будетъ напечатано въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ Сборника.)

М. Н. Столяровъ: „В. И. Даль въ Дерптѣ.“

Въ своемъ сообщеніи „В. И. Даль въ Дерптѣ“ М. Н. Столяровъ къ официальнымъ даннымъ, сообщеннымъ проф. А. В. Никитскимъ, присоединилъ нѣсколько подробностей о студенческихъ годахъ Даля. Даль пріѣхалъ въ Дерптъ въ началѣ 1826 года на 25 году своей жизни въ чинѣ отставнаго лейтенанта. Въ Дерптѣ онъ жилъ вмѣстѣ со своей матерью и младшимъ братомъ, зарабатывая средства уроками русскаго языка (получалъ по 1 р. асс. за часъ). Со стороны профессоровъ онъ встрѣтилъ „необычайно радушный пріемъ“, но поступить въ университетъ тотчасъ же по пріѣздѣ не могъ вслѣдствіе незнанія латинскаго языка. Первые полтора года своего пребыванія въ Дерптѣ Даль состоялъ вольнослушателемъ, посѣщая лекціи по естественнымъ наукамъ и въ то же время изучая латинскій языкъ („почти съ азбуки“), главнымъ образомъ, во время прогулокъ по окрестностямъ Дерпта. Будучи еще вольнослушателемъ, Даль получилъ серебряную медаль за работу о скважности, написанную на нѣмецкомъ языкѣ. Въ началѣ 1828 г. Даль былъ внесенъ въ студенческіе матрикулы и тогда же, по всей вѣроятности, получилъ казенную стипендію въ 200 руб. Эта стипендія помѣшала Далю пройти въ Дерптѣ полный курсъ медицинскихъ наукъ. Въ 1829 г. казенныхъ стипендіатовъ потребовали на театръ русско-турецкой войны, и Даль изъ Дерпта отправился подѣ Силистрію, получивъ предварительно, благодаря снисходительности проф. Мойера, степень доктора медицины и хирургіи. Среди студентовъ и даже въ нѣмецкомъ обществѣ Даль пользовался большою популярностью, какъ

*) Резюмировано авторомъ.

искусный операторъ, увлекательный рассказчикъ, хорошій актеръ-комикъ, мастеръ въ производствѣ бездѣлушекъ изъ цвѣтного стекла и т. д. Вообще, по свидѣтельству Пирогова, Даль былъ мастеръ на всѣ руки. Особенно онъ выдавался своими способностями подражанія и передразниванія, а также всякаго рода комическими выходками и чудачествами, о которыхъ много говорится въ воспоминаніяхъ Пирогова и Юрія Арнольда. Отъ студенческихъ кутежей Даль уклонялся, но зато въ шалостяхъ и проказахъ студентовъ принималъ самое дѣятельное участіе. Въѣстѣ со своими друзьями Анке (впослѣдствіи профессоръ Москов. ун.) и Дейчемъ (?) Даль часто являлся инициаторомъ разнаго рода продѣлокъ. Изъ нихъ наиболѣе серьезной было перенесеніе ночью большого деревяннаго крыльца къ казенной квартирѣ одного профессора, у котораго крыльцо совсѣмъ развалилось. — О своихъ студенческихъ годахъ Даль до конца своей жизни хранилъ самыя свѣтлыя воспоминанія. „Ничто въ мірѣ — говоритъ онъ въ повѣсти „Болгарка“ — не можетъ замѣнить эти три года, протекшіе въ безмятежномъ и безкорыстномъ рвеніи усвоить себѣ науку... Это было время восторга, золотой вѣкъ нашей жизни.“ *)

VII-е засѣданіе — 15 декабря 1901 г.

В. Г. Алексѣевъ: „По поводу столѣтняго юбилея знаменитаго математика М. В. Остроградскаго.“ (Это сообщеніе будетъ напечатано въ VI томѣ Сборника.)

В. П. Курчинскій: „Очеркъ научной дѣятельности профессора М. Ненцаго.“ (Это сообщеніе напечатано въ V томѣ Сборника.)

VIII-е засѣданіе — 2 марта 1902 г.

П. Н. Ардашевъ: „Вопросъ о централизаціи въ старой Франціи.“

Общая для всей страны схема административнаго строя до-революціонной Франціи такова: а) въ центрѣ — „король въ своемъ совѣтѣ“, окруженный шестью министрами; б) въ области — агентъ и делегатъ центральной власти — интен-

*) Резюмировано авторомъ.

дантъ со своими непосредственно ему подчиненными агентами, субделегатами (subdélégués).

Власть интенданта простирается на одинъ изъ тридцати двухъ административныхъ округовъ, называемыхъ обыкновенно, хотя и не совсѣмъ точно, генеральствами (généralités), и которые было бы правильнѣе называть интендантствами (intendances): Власть субделегата простирается на одинъ изъ болѣе или менѣе многочисленныхъ округовъ, на которые раздѣлено каждое интенданство, и которые носятъ наименованіе субделегатствъ (subdélégations).

Съ точки зрѣнія административно-правовой, схема эта представляетъ собою, безспорно, не что иное, какъ административную систему централизаціи. Тѣмъ не менѣе, характеризовать администрацію до-революціонной Франціи, какъ систему централизаціи, безъ всякихъ оговорокъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ исторической литературѣ, было бы ошибочно, и это по двумъ слѣдующимъ обстоятельствамъ.

Во-первыхъ, въ ту схему, о которой шла рѣчь, далеко не укладывается цѣликомъ весь административный строй старой Франціи. Если въ немъ есть извѣстные элементы централизаціи, которые покрываются этой схемой, то далеко не послѣднюю роль играютъ въ немъ также и не укладывающіеся въ эту схему многочисленные элементы децентрализаціи.

Во-вторыхъ, въ той части административнаго строя старой Франціи, которая укладывается въ названную схему, начало централизаціи далеко не имѣетъ безусловнаго господства: на дѣлѣ оно сплошь да рядомъ парализуется, какъ въ административной организаціи, такъ и въ административной методѣ, нѣкоторыми присущими „старому порядку“ особенностями. *)

IX-е засѣданіе — 9 марта 1902 г.

Е. В. Пѣтуховъ: „Страница изъ исторіи Дерптскаго университета.“

Докладчикъ представилъ обзоръ общихъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ, направленій въ управленіи Дерптскимъ университетомъ во второй періодъ его существованія, съ

*) Резюмировано авторомъ.

1820 по 1865 годъ. Тутъ нашли себѣ мѣсто изображеніе и характеристика дѣятельности министровъ князя А. Н. Голицына, графа С. С. Уварова, попечителей графа К. А. Ливена, Г. Б. Крафстрема и Е. О. фонъ Брадке — въ отношеніе къ Дерптскому университету и къ судьбамъ народнаго просвѣщенія въ Прибалтійскомъ краѣ вообще. Въ частности, болѣе подробно были разсмотрѣны отношенія попечителя графа Ливена къ ректорамъ Г. Фр. Парроту и Густаву Эверсу.

Въ болѣе подробномъ видѣ рефератъ этотъ напечатанъ въ сочиненіи автора: „Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ за сто лѣтъ его существованія“, т. I (Юрьевъ 1902), стр. 323—359.*)

Х-е засѣданіе — 16 марта 1902 г.

А. С. Невзоровъ: „Изъ быта Челябинскаго уѣзда.“
(Это сообщеніе напечатано въ V томѣ Сборника.)

А. Н. Ясинскій: „Голодъ и его бѣдствія въ средніе вѣка.“

Ознакомивши слушателей съ главными данными книги Куршмана *Hungersnöte im Mittelalter*, вышедшей въ 1900 году въ составѣ издаваемой въ Лейпцигѣ коллекціи *Leipziger Studien aus dem Gebiet der Geschichte*, — референтъ сдѣлалъ только замѣчанія по поводу характера этой работы, ея значенія и указалъ на соотвѣтствующіе факты изъ русской исторіи.*)

XI-е засѣданіе — 23 марта 1902 г.

Н. Н. Бѣлявскій: „Школьные сберегательныя кассы.“
(Это сообщеніе напечатано въ V томѣ Сборника.)

XII-е засѣданіе — 30 марта 1902 г.

М. В. Бречкевичъ: „Святополкъ, князь Поморскій.“
(Это сообщеніе напечатано въ V томѣ Сборника.)

М. Н. Столяровъ: „Эпизодъ изъ жизни Тургенева.“
Сообщеніе М. Н. Столярова „Эпизодъ изъ жизни И. С. Тургенева“ было посвящено опроверженію широко-распространеннаго въ русской и иностранной литературѣ мнѣнія,

*) Резюмировано авторомъ.

будто бы Тургеневъ подвергнуть въ 1852 году аресту и высылкѣ въ деревню не столько за письмо по поводу смерти Гоголя, напечатанное въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, сколько за изданіе „Записокъ Охотника“ отдѣльной книгой. Докладчикъ указывалъ, что ни въ воспоминаніяхъ самого Тургенева, ни въ современныхъ аресту дневникахъ и письмахъ, ни въ официальныхъ документахъ III отдѣленія не упоминается о „Запискахъ Охотника“, да и не могло упоминаться, потому что рассказы Тургенева вышли изъ печати уже послѣ того, какъ онъ былъ освобожденъ изъ-подъ ареста. Что касается происхожденія указаннаго мнѣнія, выставяющаго Тургенева мученикомъ за протестъ противъ крѣпостного права, то докладчикъ, основываясь, главнымъ образомъ, на письмѣ знаменитаго писателя къ К. К. Случевскому отъ 8 марта 1869 года, высказалъ предположеніе, что творцомъ и распространителемъ этого ложнаго мнѣнія могъ быть самъ авторъ „Записокъ Охотника“.*)

ХШ-е засѣданіе — 7 апрѣля 1902 г.

Торжественное засѣданіе было посвящено юбилейному чествованію памяти Н. В. Гоголя. Послѣ панихиды по Н. В. Гоголю и вступительнаго слова Предсѣдателя Общества, произнесли рѣчи слѣдующіе ораторы:

Н. И. Ивановъ: „Гоголь въ Нѣжинѣ“;

І. І. Змигродскій: „Гоголь на сценахъ города Юрьева Лифляндской губерніи“;

П. Н. Сосновскій: „Гоголь и Пушкинъ“;

С. В. Кузнецовъ: „Гоголь и Тургеневъ: нѣсколько параллелей изъ ихъ жизни“.

Эти рѣчи, за исключеніемъ первой, напечатаны въ VI томѣ Сборника.

Основные мысли въ рѣчи Н. И. Иванова „Гоголь въ Нѣжинѣ“:

1. Гоголь представлялъ собою натуру чрезвычайно сложную, даже загадочную. Его литературныя произведенія и письма представляютъ обильныя данныя не только для исторіи литературы и художественной критики, но также и для психологіи и, быть можетъ, психопатологіи.

*) Резюмировано авторомъ.

2. Чрезвычайно важны въ указанныхъ отношеніяхъ „Письма Н. В. Гоголя“ въ 4-хъ тт., изд. В. И. Шенрокомъ, и Матеріалы изъ архива Нѣжинскаго историко-филологическаго Института кн. Безбородко, бывшей Гимназіи высшихъ наукъ, изданные въ „Гоголевскомъ сборникѣ“ Гоголевскою комиссіею при Институтѣ.

3. Учебное заведеніе, пріютившее Гоголя и давшее ему образованіе — Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко, представляла собою одно изъ немногихъ учебныхъ заведеній, по обстоятельствамъ времени весьма полное, выполнявшее важныя мѣстные культурныя задачи. Оно представляло соединеніе средняго учебнаго заведенія съ юридическимъ факультетомъ, при чемъ на послѣдній было отведено три послѣднихъ года изъ девяти.

4. Жизнь и ученіе въ Гимназіи высшихъ наукъ, при всемъ неблагоустройствѣ, царившемъ въ заведеніи во время ученія въ немъ Гоголя, имѣли тѣмъ не менѣе весьма важное вліяніе на развитіе художественно-литературнаго таланта Гоголя. Здѣсь не только положены основы развитія ума и вкуса къ литературѣ у Гоголя (чтеніе), но и началась проба художественно-литературнаго вкуса его (устройство театра и участіе въ представленіяхъ, первыя литературныя произведенія).

5. Какъ внутренняя жизнь учебнаго заведенія, такъ и особенности современной Гоголю городской жизни въ Нѣжинѣ дали значительную долю содержанія первымъ произведеніямъ Гоголя и отразились въ послѣдующихъ его произведеніяхъ. (Сатира на нѣжинцевъ, Ганць Кюхельгартель; доносы профессоровъ другъ на друга — срав. I д. I явл. „Ревизоръ“, персонажи Бобчинскихъ и Добчинскихъ; особенности торговой жизни Нѣжина — срав. соотв. мѣста изъ „Мертв. душъ“.)

6. Юридическій характеръ высшаго отдѣленія Гимназіи высшихъ наукъ сообщилъ особенное направленіе мысли и творчеству Гоголя. Факты дореформеннаго неправосудія и всяческой жизненной неправды при внѣшнемъ строгомъ режимѣ Николаевского царствованія и при врожденной необыкновенной впечатлительности Гоголя, кристаллизовались въ его творческой фантазіи въ яркіе образы и живые типы, исторгавшіе у нашего юмориста, при его высокихъ нрав-

ственно-юридическихъ идеалахъ, сквозь видимый міру смѣхъ незримыя слезы.

7. Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ лицѣ Гоголя сослужила важную службу нашему отечеству и должна занять видное мѣсто среди факторовъ нашего просвѣщенія и литературы XIX в. Она сообщала мысли нашего великаго писателя-юмориста идейное направленіе, развила его эстетическія наклонности, заложила въ немъ основы нравственно общественнаго воспитанія, вдохнула ему жажду общественной дѣятельности и направила мысль его на общественное зло.*)

XIV-е засѣданіе — 5 мая 1902 г.

Торжественное засѣданіе было посвящено юбилейному чествованію памяти В. А. Жуковскаго. Передъ панихидой по В. А. Жуковскомъ было произнесено слово протоіереемъ А. С. Царевскимъ. Послѣ панихиды и вступительнаго слова Предсѣдателя Общества, произнесли рѣчи слѣдующіе ораторы:

М. Н. Столяровъ: „Жуковскій какъ наставникъ Императора Александра II“;

А. Н. Троицкій: „М. А. Мойеръ въ жизни и поэзіи Жуковскаго“;

Я. И. Лаутенбахъ: „Гоголь и Жуковскій въ латышской поэзіи“.

Эти рѣчи, за исключеніемъ первой, напечатаны въ VI томѣ Сборника. Содержаніе рѣчи М. Н. Столярова слѣдующее:

Значеніе Ж. въ исторіи русскаго просвѣщенія. Историческое и педагогическое значеніе его поэзіи. Нравственная личность Ж., его необыкновенная доброта и гражданское мужество. Отзывы Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Кольцова, Н. Тургенева, И. Кирѣевскаго и др. лицъ о Ж. Педагогическіе интересы и занятія Ж. въ молодости и въ старости. Педагогическая дѣятельность Ж. при дворѣ. „Планъ воспитанія“, его достоинства и недостатки. Заботы о нравственномъ воспитаніи цесаревича. Роль исторіи. Необычайное трудолюбіе Ж.-го. Ж.-ий и Мердеръ. Историческое значеніе педагогической дѣятельности Ж.*)"

*) Резюмировано авторомъ.

Въ открытыхъ засѣданіяхъ, кромѣ членовъ Общества, бывали и посторонніе посѣтители, также принимавшіе участіе въ обсужденіяхъ докладовъ. Число лицъ, присутствовавшихъ на одномъ засѣданіи, колебалось отъ 20 до 40, а на торжественныхъ засѣданіяхъ — отъ 150—250.

II. Совѣтъ Общества.

Совѣтъ Общества имѣлъ 13 засѣданій: въ 1901 году — 30 мая, 21 окт., 4 и 22 ноября, 8 и 20 декабря; въ 1902 году — 3 февраля, 3, 16 и 31 марта, 28 апрѣля, 20 и 24 мая. Въ этихъ засѣданіяхъ обсуждались вопросы, касающіеся текущихъ нуждъ Общества:

1. Въ видахъ увеличенія средствъ Общества, Совѣтъ входилъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ о субсидіи, и таковая была разрѣшена въ видѣ единовременнаго пособія въ 500 рублей на изданія Общества.

2. Совѣтъ принималъ мѣры къ распространенію первыхъ четырехъ томовъ Сборника отдачей ихъ на комиссію въ книжные магазины, а также высылкой ихъ въ учебныя заведенія, которыя выписывали, главнымъ образомъ, первые три тома, уже рекомендованные Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

3. Совѣтъ обращался къ разнымъ учрежденіямъ и редакціямъ съ просьбой объ обмѣнѣ изданіями. Такимъ образомъ Общество получаетъ кромѣ журналовъ, перечисленныхъ въ предыдущихъ отчетахъ, еще новые: „Литературный Вѣстникъ“, „Научно - Литературный Сборникъ Галицко-русской Матицы“, „Мирный Трудъ“, „Вопросы воспитанія и обученія“ (Труды педагогическаго Общества при Московскомъ университетѣ).

4. Въ засѣданіи Совѣта 3 февраля 1902 года Секретарь Общества А. В. Никитскій сложилъ съ себя званіе секретаря Общества, вслѣдствіе перехода на службу въ Московскій Университетъ, и Совѣтъ Общества поручилъ исполненіе обязанности секретаря члену Совѣта В. Г. Алексѣеву.

5. Совѣтъ исполнялъ возложенное на него порученіе Общества завѣдывать печатаніемъ трудовъ Общества въ издаваемомъ имъ Сборникѣ. Въ настоящее время закончено печатаніе V-го тома Сборника, который на дняхъ выйдетъ

въ свѣтъ.*) Редакція V-го тома была поручена Совѣтомъ Предсѣдателю Общества.

6. Наконецъ, Совѣтъ озаботился въ отчетномъ году устроить торжественныя засѣданія Общества для юбилейныхъ чествованій памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. Съ этою цѣлью Совѣтъ образовалъ специальную комиссію изъ слѣдующихъ лицъ: Н. И. Иванова, Н. Я. Киприановича, Я. И. Лаутенбаха, Е. В. Пѣтухова, П. Н. Сосновскаго, М. Н. Столярова, А. Н. Троицкаго, А. С. Царевскаго и А. Н. Ясинскаго. Комиссія пригласила еще въ свой составъ Б. И. Срезневскаго, В. К. Мальмберга, С. В. Кузнецова, І. І. Змигродскаго и въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ выработала проекты программъ торжественныхъ засѣданій. Совѣтъ Общества принялъ проекты комиссіи и изыскалъ средства выполнить предложенныя программы во всѣхъ ихъ частяхъ на засѣданіяхъ 7 апрѣля и 5 мая сего 1902 года.

III. Касса Общества

за время съ 23 мая 1901 года по 21 мая 1902 года.

Приходъ.

Остатокъ 1900/1 года	34 руб. 44 к.
Членскіе взносы.	66 " — "
Отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія единовременное пособіе	500 " — "
Отъ Правленія Юрьевскаго Университета пособіе **)	150 " — "
Отъ продажи „Сборника“ Общества.	103 " 60 "
Итого .	854 руб. 04 к.

Расходъ.

Печатаніе IV т. „Сборника“ 1900/1 г.	509 руб. 09 к.
Печатаніе публикацій.	12 " 14 "
Канцелярскіе и почтовые	38 " 77 "
На библіотечный шкафъ и прочее.	150 " 86 "
Итого .	710 руб. 86 к.

*) Этотъ томъ будетъ разосланъ, немедленно по выходѣ въ свѣтъ, почетнымъ членамъ и тѣмъ изъ дѣйствительныхъ, которые уплатили членскіе взносы.

**) Назначенные Правленіемъ на весеннее полугодіе 1902 г. — 175 руб. въ пособіе Обществу къ 21 мая въ кассу Общества еще не поступили.

XX

Касса къ 21 мая 1902 г.

На текущемъ счету въ Псковскомъ Коммерч.

банкѣ 18 руб. 11 к.

Въ Государственной Сберегательной Кассѣ

по книж. № 493/29243 100 " — "

На рукахъ у Казначей Общества 25 " 07 "

Итого . 143 руб. 18 к.

IV. Смѣта на 1902/3 годъ.

Приходъ.

Остатокъ 1901/2 года 143 руб. 18 к.

Членскіе взносы 100 " — "

Отъ продажи Сборника 100 " — "

Отъ Правленія Юрьевского Университета

(175 р. + 350 р.) 525 " — "

Прочія поступленія 1 " 82 "

Итого . 870 руб. — к.

Расходъ.

За печатаніе т. V (1901/2 г.) и т. VI (1902/3 г.)

„Сборника“ 1200 руб. — к.

На публикаціи 20 " — "

На библіотеку Общества 50 " — "

На канцелярскіе и почтовые расходы 40 " — "

Итого . 1310 руб. — к.

V. Протоколъ

ревизионной комиссiи Учено - Литературнаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ.

Избранная 13 октября 1901 года въ засѣданiи Общества ревизионная комиссiя произвела 21 мая 1902 года повѣрку кассы и отчета за 1901/1902 годъ и нашла бумаги и книги Секретаря Общества въ исправности, денежные средства и все имущество Общества въ сохранности.

Кромѣ изложеннаго, комиссiя обращаетъ вниманiе на слѣдующее :

- 1) Членскiе взносы въ отчетномъ году поступали не вполнѣ исправно.
- 2) Предположенный по смѣтѣ на истекшiй отчетный годъ расходъ на библиотеку въ 50 руб. не былъ произведенъ.

Члены ревизионной комиссiи: С. Богушевскiй.
В. Мальбергъ.

VI. Заключение

Совѣта Учено-Литературнаго Общества по поводу протокола ревизионной комиссiи.

По поводу перваго пункта постановлено: Совѣтъ понималъ необходимость пополненiя средствъ Общества взысканiемъ членскихъ взносовъ и поэтому постановилъ выдавать новые томы Сборника только членамъ, уплатившимъ членскiе взносы.

По поводу втораго пункта, Совѣтъ считаетъ долгомъ обратить вниманiе членовъ Общества, что въ текущемъ

году произведенъ расходъ на бібліотеку въ 40 рублей, а именно — на приобрѣтеніе бібліотечнаго шкапа.

Совѣтъ Общества, въ заключеніе, благодарить ревизіонную комиссію за сдѣланныя ею указанія.

VII. Отчетъ

о состояніи бібліотеки Общества.

Къ 21 мая 1902 г. въ бібліотекѣ Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ состояло :

Книгъ 46 названій въ 61 т.

Брошюръ и отдѣльныхъ оттисковъ 66 названій въ 67 экз.

Періодич. изданій и сборниковъ 22 названія въ 225 №№.

Въ отчетномъ году изъ бібліотеки Общества было выдано 18 книгъ.

Въ 1900/1 и 1901/2 гг. въ бібліотеку Общества поступили слѣдующія книги:

Болотовъ. Описаніе четвертой эіюпской рукописи бібліотеки СѢбургской Духовной Академіи. СѢБ., 1898 г.

Змигродскій, І. І. „Памяти Жуковскаго.“ Юрьевъ, 1902.

Ивановъ, Н. И. О русской словесности какъ учебномъ предметѣ. Варшава, 1901.

Извѣстія Славянскаго благотворительнаго Общества. 1883—1886. (I—III).

Историко-Филологическій Институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ (1875—1900). Преподаватели и воспитатели. Нѣжинъ, 1900.

Лудмеръ, Я. И. Статистика Курляндской губерніи. Митава, 1900.

— Курляндская губернія. Сводъ статистическихъ данныхъ. Часть I. Митава, 1888.

Никитскій, А. В. Изслѣдованія въ области греческихъ надписей. Юрьевъ, 1901.

Отчетъ о состояніи С.-Петербургской Духовной Академіи за 1899 годъ. СѢБ., 1900.

Приложеніе ко всеподданнѣйшему отчету эстляндскаго губернатора за 1899 и 1900 года. Ревель, 1900, 1901.

- Прядкинъ, С. Н. Памяти Хованскаго. Воронежъ, 1899.
 Сборникъ матеріаловъ по вопросу объ Астраханской желѣзной дорогѣ. Астрахань, 1899.
- Суворовъ, Н. Объ юридическихъ лицахъ по римскому праву.
 Троицкій, М. Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Историко-этическое изслѣдованіе. Т. I и II, 2-ое изд. Москва, 1883.
- Труды Курляндскаго губернскаго статистическаго комитета.
 Т. XVIII. Подъ редакціей Я. И. Лудмера. Митава, 1890.
- Трутовскій, В. Нѣсколько словъ по поводу мѣднаго самаркандскаго дирхема, описаннаго г. В. В. Бартольдомъ. Москва, 1901.
- Трусманъ, Ю. Ю. (Переводъ.) Калевичъ (Kalevi poeg). Древняя эстонская сага въ 20 пѣсняхъ. Вып. I, Ревель-СПБ., 1886, Вып. II, Ревель, 1889.
- Чудскія письма. Изслѣдованіе. Ревель, 1896.
- Чудско-литовскіе элементы въ Новгородскихъ пятинахъ. Часть I. Пятины: Водьская, Деревская и Шелонская. Ревель, 1898.
- Этимологія мѣстныхъ названій Витебской губ. Ревель, 1897.
- Этимологія мѣстныхъ названій Псковскаго уѣзда. Ревель, 1897.
- Указатель книгъ и рукописей, поступившихъ въ бібліотеку С.-Петербургской Духовной Академіи въ 1898. СПб. 1899.
- Campehausen, G., Baron. Der Bauerlandverkauf auf den Privatgütern Kurlands in den Jahren 1864—1872. Eine statistische Studie. Mitau, 1873.
- Heyking, A. v., Baron. Land und Leute der Mitauschen Oberhauptmannschaft. 1. Lieferung. Das Kirchspiel Sessau. Mitau, 1867.

Періодическія изданія.

- Къ изданіямъ, перечисленнымъ въ прежнихъ отчетахъ, прибавились еще слѣдующія:
- Богословскій Вѣстникъ, 1901.
- Вопросы воспитанія и обученія. (Труды Педагогическаго Общества при Московскомъ Университетѣ.) I, 1901 г.

Литературный Вѣстникъ — 1, 2, 3, 4, 5, 7 (1901). СПБ. 1901.
 Мирный Трудъ, т. I, II. 1902.
 Научно-Литературный Сборникъ Галицко-Русской Матицы,
 т. I, книги 1, 2, 3, 4. Львовъ, 1901.
 Труды педагогическаго Общества при Московскомъ Универ-
 ситетѣ, т. I. 1900.
 Филологическія Записки (основ. Хованскимъ). т. I. Воронежъ,
 1902.

VIII. Списокъ

ч л е н о в ъ О б щ е с т в а . *)

Почетные члены:

1. *Будиловичъ, Антонъ Семеновичъ, членъ Совѣта
 Министра Народнаго просвѣщенія (д. членомъ Общества
 состоитъ съ 27 апрѣля 1897 г.)
2. *Никитскій, Александръ Васильевичъ, ординарный
 профессоръ Московскаго Университета (д. членомъ Об-
 щества состоитъ съ 27 апрѣля 1897 г.)

Дѣйствительные члены:

1. *Александровъ, Николай Александровичъ, профес-
 соръ Томскаго университета (съ 20 окт. 1897 г.).
2. Алексѣевъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, профессоръ
 университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
3. Ардашевъ, Павелъ Николаевичъ, профессоръ универ-
 ситета (съ 24 ноября 1901 г.).
4. Афанасьевъ, Вячеславъ Алексѣевичъ, профессоръ
 университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
5. Бауэръ, Генрихъ Фридриховичъ, преподаватель жен-
 ской гимназіи А. С. Пушкина въ Юрьевѣ (съ 8 де-
 кабря 1901 г.).
6. Бердниковъ, Илья Степановичъ, заслуженный про-
 фессоръ Императорскаго Казанскаго университета и Ка-
 занской духовной академіи (съ 10 мая 1898 г.).

*) Звѣздочкой обозначены г.г. иногородніе члены.

7. Богушевская, Людмила Сергѣевна, жена профессора университета (съ 23 октября 1897 г.).
8. Богушевскій, Сергѣй Казиміровичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
9. Бречкевичъ, Митрофанъ Васильевичъ, кандидатъ университета (со 2 марта 1902 г.).
10. Бѣлявскій, Николай Николаевичъ, профессоръ университета (съ 23 октября 1897 г.).
11. Васильевъ, Степанъ Михайловичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
12. *Ганзеръ, Мартынъ Антоновичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 26 августа 1898 г.).
13. Гаппихъ, Карлъ Карловичъ, профессоръ Юрьевского ветеринарнаго института (съ 29 мая 1899 г.).
14. Головинъ, Викторъ Михайловичъ, Предсѣдатель Съѣзда Мировыхъ Судей въ Юрьевѣ (съ 8 декабря 1901 г.).
15. Горюшкина, Надежда Никифоровна, надзирательница Юрьевской женской гимназіи А. С. Пушкина (съ 30 октября 1899 г.).
16. Гравитъ, Ермолай Ананьевичъ, помощникъ инспектора студентовъ Ю. университета (съ 29 января 1898 г.).
17. *Данилевичъ, Василій Ефимовичъ, учитель реального училища (съ 23 октября 1897 г.).
18. Дружининъ, Михаилъ Ивановичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
19. *Заицъ, Василій Осиповичъ, инспекторъ реального училища (съ 26 марта 1898 г.).
20. Зачинскій, Адамъ Францовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
21. Змигродскій, Іосифъ Іосифовичъ, бывшій преподаватель гимназіи (со 2 марта 1902 г.).
22. Золотаревъ, Дмитрій Николаевичъ, учитель гимназіи (съ 29 мая 1899 г.).
23. *Ивановъ, Николай Ивановичъ, директоръ Николаевской гимназіи въ Ригѣ (съ 19 декабря 1897 г.).
24. Игнатовскій, Афанасій Сергѣевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
25. Кима, Густавъ Карловичъ, учитель начального городского училища (съ 29 мая 1899 г.).
26. Кипріановичъ, Николай Яковлевичъ, инспекторъ гимназіи (съ 10 мая 1898 г.).

27. Кондаковъ, Иванъ Лаврентьевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
28. Корицъ, Иванъ Петровичъ, учитель Юрьевского начальн. учил. (съ 29 мая 1900 г.).
29. Красноженъ, Михаилъ Егоровичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
30. Крашенинниковъ, Михаилъ Никитичъ, профессоръ университета (съ 5 марта 1898 г.).
31. Кузнецовъ, Степанъ Васильевичъ, инспекторъ реального училища въ Юрьевѣ (съ 15 декабря 1901 г.).
32. Курчинскій, Василій Палладіевичъ, профессоръ университета (съ 23 октября 1897 г.).
33. Лаутенбахъ, Яковъ Инджевичъ, лекторъ и приватъ-доцентъ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
34. Мальмбергъ, Владиміръ Константиновичъ, профессоръ университета (съ 23 октября 1897 г.).
35. Матвѣевъ, Николай Захаровичъ, учитель реального училища (съ 30 сентября 1899 г.).
36. Михайловъ, Александръ Васильевичъ, ассистентъ Юрьевского ветеринарнаго института (съ 29 мая 1899 г.).
37. Нарускъ, Фрицъ Густавовичъ, учитель начального городского училища (съ 18 марта 1899 г.).
38. Невзоровъ, Александръ Серафимовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
39. Неготинъ, Яковъ Кузьмичъ, доцентъ Юрьевского ветеринарнаго института (съ 22 октября 1898 г.).
40. *Николаевскій, Александръ Васильевичъ, протоіерей посольской церкви въ Вѣнѣ (съ 23 октября 1897 г.).
41. Озе, Яковъ Фридриховичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
42. Петровъ, Василій Васильевичъ, учитель гимназіи (съ 23 октября 1897 г.).
43. Проданъ, Исидоръ Савичъ, учитель гимназіи (съ 30 сентября 1899 г.).
44. Пѣтуховъ, Евгеній Вячеславовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
45. Рейникъ, Мартынъ Діонисіевичъ, учитель начального городского училища (съ 18 марта 1899 г.).
46. Сахаровъ, Иванъ Ильичъ, учитель гимназіи (съ 30 сентября 1899 г.).

47. Семеновъ, Николай Михайловичъ, завѣдывающій 2-мъ Юрьевскимъ городскимъ училищемъ (съ 16 мая 1900 г.).
48. Скрябинъ, Николай Александровичъ, учитель гимназіи (съ 29 января 1898 г.).
49. Сосновскій, Петръ Николаевичъ, учитель реального учил. (съ 16 октября 1900 г.).
50. Срезневскій, Борисъ Измаиловичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
51. Столяровъ, Михаилъ Николаевичъ, наставникъ Юрьевской учительской семинаріи (съ 5 марта 1898 г.).
52. Томсонъ, Арведъ Ивановичъ, доцентъ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
53. Трефнеръ, Гуго Людвиговичъ, директоръ частной гимназіи въ г. Юрьевѣ (съ 26 марта 1898 г.).
54. Троицкій, Алексѣй Николаевичъ, учитель гимназіи (съ 16 мая 1900 г.).
55. *Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ, секретарь Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества (съ 30 октября 1899 г.).
56. Хвольсонъ, Владиміръ Даниловичъ, присяжный повѣренный въ Юрьевѣ (съ 30 октября 1899 г.).
57. Царевскій, Арсеній Семеновичъ, протоіерей, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
58. Черноусовъ, Евгений Александровичъ, учитель реального училища (съ 23 октября 1897 г.).
59. *Чирвинскій, Станиславъ Іосифовичъ, профессоръ университета (съ 5 марта 1898 г.).
60. *Шаталовъ, Иванъ Лонгиновичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 23 октября 1897 г.).
61. *Шаталовъ, Трофимъ Лонгиновичъ, учитель коммерческаго училища (съ 18 марта 1899 г.).
62. Юркатамъ, Иванъ Алексѣевичъ, учитель начального при учительской семинаріи училища (съ 22 октября 1898 г.).
63. Ясинскій, Антонъ Никитичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).

ІХ. Совѣтъ Общества на 1902/3 г.

Предсѣдатель — М. Е. Красноженъ.

Товарищъ Предсѣдателя — П. Н. Ардашевъ.

Секретарь — В. Г. Алексѣевъ.

Казначей — Е. А. Гравитъ.

Члены Совѣта: І. І. Змигродскій, В. К. Мальмбергъ,
Б. И. Срезневскій.

Библіотекаръ — М. В. Бречкевичъ.

Степанъ Ивановичъ Роше.

(Некрологъ.)

С. И. Роше, французскій подданный, родился въ 1847 году; получилъ домашнее образованіе.

Въ началѣ 70-хъ годовъ С. И. пріѣхалъ въ Россію и въ 1874 г. выдержалъ при Одесскомъ учебномъ округѣ испытаніе на званіе преподавателя французскаго языка. Былъ преподавателемъ французскаго языка въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ: въ Ярославской гимназіи, въ Тульской женской гимназіи, въ Александровскомъ лицей, въ С.-Петербургскомъ коммерческомъ училищѣ г. Жонта, въ Юрьевской гимназіи и Юрьевскомъ реальномъ училищѣ. Наконецъ, 17 ноября 1894 г. С. И. былъ назначенъ лекторомъ французскаго языка при Юрьевскомъ Университетѣ, въ каковой должности состоялъ до дня своей кончины — 29 октября 1901 г. Последніе годы С. И. страдалъ изнурительною болѣзью — сахарнымъ диабетомъ. Дѣйствительнымъ членомъ Учено-Литературнаго Общества С. И. состоялъ со дня основанія послѣдняго, т. е. съ 27 апрѣля 1897 г. Въ первый годъ существованія Общества С. И. состоялъ членомъ Совѣта Общества. 29 января 1898 г. С. И. сдѣлалъ докладъ: „О новѣйшихъ изслѣдованіяхъ по національной литературѣ Франціи IX—XII вв. и объ общемъ значеніи относящихся сюда произведеній“. Последнее время С. И. много работалъ для министерства финансовъ, выполняя различные переводы сочиненій о русской промышленности, предназначенныя для ознакомленія французовъ съ успѣхами русской промышленности. На подобныя же темы С. И. читалъ лекціи во Франціи, во время своихъ лѣтнихъ поѣздокъ на родину.

Проживъ много лѣтъ въ Россіи, С. И. Роше полюбилъ свое новое отечество и уже давно стремился принять православіе; послѣднее, наконецъ, осуществилъ онъ года за два до своей смерти.

Передъ панихидой по С. И. въ университетской Александров-

Невской церкви профессоръ православнаго богословія, протоіерей А. С. Царевскій сказалъ слѣдующее прочувствованное слово :

„Нынѣ собралъ насъ сюда почившій собратъ нашъ, рабъ Божій Стефанъ. Дадимъ, возлюбленные, послѣднее молитвенное утѣшеніе ему, отправляющемуся нынѣ въ путь всей земли. Мы мало знаемъ о его жизни, но судя по тому, что мы знаемъ о ней, можемъ сказать, что жизнь эта не улыбалась ему : терніе и волчцы предлагала она ему. Трудно ему было жить на своей далекой родинѣ и онъ оставилъ ее, отыскивая лучшей жизни на далекой для него чужбинѣ. Пришельцемъ и странникомъ явился онъ среди насъ и всей душою полюбилъ наше отечество. Но мало утѣшительнаго нашелъ онъ и здѣсь. Тяжелый учительскій трудъ, огорченія по службѣ, бѣдность и болѣзни обременяли его. Но онъ не падалъ духомъ и всегда казался веселымъ и беззаботнымъ, всегда онъ бодро смотрѣлъ на будущее. Никогда мы не слыхали отъ него жалобы на свою службу, никогда не осуждалъ онъ тѣхъ чуждыхъ Христовой любви лицъ, которые огорчали и жестоко обижали его. Въ тѣсныхъ обстоятельствахъ своихъ онъ искалъ только утѣшенія религіознаго и, не находя его въ церкви, въ которой родился, онъ принялъ православіе, сталъ членомъ св. православной Церкви и нашимъ собратомъ о Христѣ. Но и этотъ шагъ его въ нынѣшнее печальное время невѣрія и горделиваго пренебреженія къ Церкви православной со стороны лицъ интеллигентныхъ причинилъ ему не мало огорченій какъ отъ прежнихъ единовѣрцевъ его, такъ и отъ тѣхъ православныхъ, которые, именуясь православными, по жизни и цѣлямъ своимъ отреклись отъ православія. Видно Богу угодно было, чтобы на немъ исполнилось слово евангельское : „блаженни есте, егда поносятъ васъ и ижденутъ и рекутъ всякъ золь глаголь, на вы лжуще Мене ради; радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небеси“. Въ послѣднее время жизнь его, повидимому, стала благоустраниваться, но Господу не угодно было, чтобы она продолжалась, и Онъ взялъ его къ Себѣ. Нынѣ собратъ нашъ, рабъ Божій Стефанъ, предстоитъ Престолу Божію, чтобы отдать вѣчному и неумытному Судѣ отчетъ во всѣхъ грѣхахъ, которые онъ совершилъ на землѣ. Помолимся, чтобы Господь помиловалъ его на семъ судѣ, простилъ ему всѣ вольныя и невольныя согрѣшенія, за труды и огорченія земной жизни его вселилъ его въ царствѣ небесномъ, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни воздыханія, ни плача, ни вопля, но радость и веселіе вѣчныя и жизнь безконечная. Аминь.“

Памяти

великихъ русскихъ писателей

Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского.

Торжественныя засѣданія Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ 7 апрѣля и 5 мая 1902 г.

Въ воскресенье, 7 апрѣля 1902 года, въ актовомъ залѣ Юрьевской мужской гимназіи состоялось торжественное засѣданіе Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ, посвященное юбилейному чествованію памяти великаго русскаго писателя Н. В. Гоголя, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія со дня его кончины.

Актовый залъ гимназіи былъ декорированъ живыми растеніями; на высококомъ пьедесталѣ среди зелени помѣщался бюстъ великаго писателя земли русской.

Чествованіе памяти Н. В. Гоголя началось въ 1¼ часа дня, въ присутствіи большинства членовъ Общества и многочисленныхъ гостей.

Передъ открытіемъ засѣданія, законоучитель гимназіи о. С. Я. Оокко совершилъ панихиду по усопшемъ писателѣ, при чемъ пѣлъ студенческий хоръ подъ управленіемъ студента Дмитровскаго. Послѣ панихиды возшелъ на кафедру предсѣдатель Общества А. Н. Ясинскій и, произнеся краткую рѣчь о значеніи предстоящаго торжественнаго засѣданія, объявилъ засѣданіе открытымъ.

Первымъ ораторомъ выступилъ дѣйствительный членъ Общества, директоръ Юрьевской мужской гимназіи Н. И. Ивановъ, и произнесъ рѣчь на тему: „Гоголь въ Нѣжинѣ“. Послѣ рѣчи Н. И. Иванова была исполнена студентомъ Рамулемъ (на роялѣ) и струннымъ оркестромъ городской капеллы „Майская ночь“ Римскаго-Корсакова.

Затѣмъ слѣдовалъ докладъ дѣйствительнаго члена Общества І. І. Змигродскаго: „Гоголь на сценахъ города Юрьева Лифляндской губерніи.“

Послѣ этого доклада былъ исполненъ дѣйствительнымъ членомъ Общества, профессоромъ Б. И. Срезневскимъ (на роялѣ) и струннымъ оркестромъ городской капеллы „Гопакъ“ Чайковского.

Далѣе слѣдовала рѣчь дѣйствительнаго члена Общества, преподавателя Юрьевского реальнаго училища П. И. Сосновскаго: „Гоголь и Пушкинъ“.

Затѣмъ І. І. Змигродскій прочелъ отрывки изъ сочиненій Гоголя: „Ревизоръ“ и „Мертвыя души“.

Послѣ декламации І. І. Змигродскаго, студентомъ Яковлевымъ была исполнена арія изъ оперы „Ридзвяна нічъ“ Лисенка.

Засѣданіе закончилось рѣчью дѣйствительнаго члена Общества, инспектора Юрьевского реальнаго училища, С. В. Кузнецова: „Гоголь и Тургеневъ: нѣсколько параллелей изъ ихъ жизни.“

Въ воскресенье, 5 мая 1902 г., въ 1 ч. дня, въ актовомъ залѣ Университета состоялось торжественное засѣданіе Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ, посвященное чествованію памяти великаго русскаго поэта В. А. Жуковскаго, по случаю исполнявшагося пятидесятилѣтія со дня его кончины.

Въ актовомъ залѣ университета, гдѣ происходило это торжественное засѣданіе, на высокомъ пьедесталѣ помѣщался декорированный живыми растеніями бюстъ поэта.

Чествованіе памяти В. А. Жуковскаго началось панихидою, отслуженною дѣйствительнымъ членомъ Общества, протоіереемъ профессоромъ А. С. Царевскимъ, при чемъ пѣлъ студенческій хоръ.

Передъ панихидою А. С. Царевскій сказалъ слово, напечатанное ниже.

Послѣ панихиды и краткой вступительной рѣчи предсѣдателя Общества, профессора А. Н. Ясинскаго, на кафедрѣ возшелъ дѣйствительный членъ Общества, преподаватель Юрьевской учительской семинаріи М. Н. Столяровъ и произнесъ рѣчь: „Жуковскій, какъ наставникъ Императора Александра II.“ Послѣ рѣчи М. Н. Столярова, г-жа М. И. Кондакова исполнила: „Лѣсной царь“, слова Жуковскаго, муз. Шуберта.

Затѣмъ, дѣйствительный членъ Общества, преподаватель Юрьевской классической гимназіи А. Н. Троицкій произнесъ рѣчь: „М. А. Мойеръ въ жизни и поэзіи Жуковскаго“.

Послѣ рѣчи А. Н. Троицкаго, студентъ Боровковъ исполнилъ: „Старый рыцарь“, слова Жуковскаго, муз. Аренскаго.

Затѣмъ, дѣйствительный членъ Общества, лекторъ и приватъ-доцентъ Университета Я. И. Лаутенбахъ произнесъ рѣчь: „Гоголь и Жуковскій въ латышской поэзіи.“

Послѣ рѣчи Я. И. Лаутенбаха, квартетъ любителей исполнилъ: „Многи лѣта“, слова Жуковскаго, муз. Кленовскаго.

На торжественномъ засѣданіи присутствовали многіе изъ дѣйствительныхъ членовъ Общества и многочисленная публика.

Совѣтъ Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ считаетъ своимъ долгомъ публично выразить свою искреннюю благодарность всѣмъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ выполненіи программы чествованія памяти великихъ русскихъ писателей.

Гоголь на сценахъ города Юрьева Лифляндской губерніи.*)

Мм. Гг.

Кому изъ русскихъ людей не знакомо имя Гоголя, какъ драматурга! Не много драматическихъ произведеній написано Гоголемъ: одна пьеса, собственно говоря, — „Ревизоръ“ — прогремѣла на всю Россію, но и одной этой пьесы было достаточно, чтобы увѣковѣчить имя писателя, память котораго чествуется нами сегодня. Прошло 50 лѣтъ со дня кончины великаго юмориста, прошло 66 лѣтъ со дня перваго представленія „Ревизора“, но до сихъ поръ во всѣхъ концахъ Россіи и даже за границую не ослабѣлъ интересъ къ этому великому произведенію.

Рамки моего сегодняшняго доклада не позволяютъ мнѣ долго останавливаться на значеніи комедіи, составившей Гоголю имя выдающагося драматурга; все же я позволю себѣ хоть вкратцѣ коснуться его, основываясь преимущественно на мнѣніи самого Гоголя, понимавшаго, разумѣется, лучше всѣхъ настоящій смыслъ своего же „Ревизора“.

„Я рѣшился собрать все дурное, какое я зналъ,“ пишетъ Гоголь въ письмѣ къ Жуковскому 29-го декабря 1847 г., „и за однимъ разомъ надъ нимъ посмѣяться — вотъ происхожденіе „Ревизора“! Это было первое мое

*) Этотъ докладъ былъ прочитанъ, безъ большей части примѣчаній, 7-го апрѣля 1902 года, въ засѣданіи Уч.-Лит. Общ.

произведеіе, замышленное съ цѣлью произвести доброе вліяніе на общество, что впрочемъ не удалось: въ комедіи стали видѣть желаніе осмѣять узаконенный порядокъ вещей и правительственныя формы, тогда какъ у меня было намѣреніе осмѣять только самоуправное отступленіе нѣкоторыхъ лицъ отъ форменнаго и узаконеннаго порядка ¹⁾).

Уже до „Ревизора“ имѣются въ русской литературѣ драматическія произведенія обличительнаго характера; „Ревизоръ“ нашелъ для себя уже болѣе или менѣе приготовленную почву, но ни одна изъ предшествовавшихъ ему комедій, за исключеніемъ, разумѣется, „Горя отъ ума“ Грибоѣдова, не можетъ сравниться съ нимъ ни въ яркости красокъ, ни въ типичности и жизненности дѣйствующихъ лицъ; впрочемъ и отъ „Горя отъ ума“ отличается „Ревизоръ“ отсутствіемъ вліянія французскихъ пьесъ, отсутствіемъ любовной завязки, а также исключительнымъ, видимымъ преобладаніемъ отрицательныхъ типовъ. Близкое знакомство со сценою, недюжинный сценическій талантъ и, главное, глубокое пониманіе значенія комедіи вообще заставили Гоголя отрѣшиться отъ принятыхъ условныхъ театралныхъ правилъ и выступить новаторомъ на драматическомъ поприщѣ. Вышеприведенныя отличительныя черты „Ревизора“ были немаловажною причиною безчисленныхъ нареканій на эту комедію; даже первое появленіе ея на сценѣ могло только состояться благодаря заступничеству императора Николая I: „Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ“, пишетъ Гоголь Щепкину 29-го апрѣля 1836 года ²⁾. Первое представленіе „Ревизора“ окончательно смутило и огорчило Гоголя: „Ревизоръ сыгранъ -- и у меня на душѣ такъ

1) Сочиненія Н. В. Гоголя. Изд. 10-е, подъ ред. Н. Тихонова. Москва 1889; т. IV, стр. 280.

2) Соч. и письма Н. В. Гоголя. Изд. П. А. Кулиша. Спб. 1857; т. V, стр. 254. — Соч. Н. В. Гоголь. Изд. 10-е, подъ ред. Н. Тихонова. М. 1889; т. II, стр. 789, 790.

смутно, такъ странно“¹⁾. Актеры не удовлетворили автора своею игрою, а публика большею частію совершенно не поняла смысла пьесы или, вѣрнѣе, всякій понялъ по-своему. Подавленный всевозможными упреками, обвиненіями и журнальными толками, Гоголь тотчасъ же принялся за замѣтки въ защиту „Ревизора“; эти первоначальныя замѣтки, эти наброски послужили ему въ 1842 году для сцены „Театральный разъѣздъ“, тѣсную связь которой съ „Ревизоромъ“ не отрицаетъ и Тихонравовъ. Въ 1846 году пишетъ Гоголь сцену „Развязка Ревизора“. Эти два произведенія — „Театральный разъѣздъ“ и „Развязка Ревизора“ — иллюстрируютъ какъ нельзя лучше глубокой смыслъ первой комедіи Гоголя. Устами нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ въ этихъ сценахъ даетъ авторъ ясныя, замѣчательныя отвѣты на всѣ наветы, пересуды, упреки и обвиненія своихъ цѣнителей и судей.

Я ограничусь приведеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ этихъ отвѣтовъ.

Завязка любовная — „точный узелокъ на уголкѣ платка. Нѣтъ, комедія должна вязаться сама собою, всей своей массою, въ одинъ большой узелъ. Завязка должна обнимать всѣ лица, а не одно или два..... А завязать можетъ все: самый ужасъ, страхъ ожиданія, гроза идущаго вдали закона“²⁾.

„..... эта комедія вовсе не картина, а скорѣе фронтисписъ. Вы видите — и сцена и мѣсто дѣйствія идеальныя..... Только первая раздражительность приняла за личность то, въ чемъ нѣтъ и тѣни личности, и что принадлежитъ болѣе или менѣе личности всѣхъ людей. Это сборное мѣсто: отовсюду, изъ разныхъ угловъ

1) Соч. Н. В. Гоголя. Изд. 10-е, подъ ред. Н. Тихонравова. М. 1889; т. II, стр. 285, въ „Отрывкѣ изъ письма, писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія „Ревизора“ къ одному литератору“.

2) Соч. Н. В. Гоголя. Изд. 10-е т. II, стр. 487, 488, въ „Театр. разъѣздъ“ (2-й любит. иск.)

Россіи, стеклись сюда исключенія изъ правды, заблужденія и злоупотребленія, чтобы послужить одной идеѣ — произвести въ зрителѣ яркое, благородное отвращеніе отъ многого кое-чего низкаго. Впечатлѣніе еще сильнѣй оттого, что никто изъ приведенныхъ лицъ не утратилъ своего человѣческаго образа: человѣческое слышится вездѣ. Оттого еще глубже сердечное содроганье..... если бы хотя одно лицо честное было помѣщено въ комедію, и помѣщено со всей увлекательностью, то уже всѣ до одного перенесли бы на сторону этого честнаго лица и позабыли бы вовсе о тѣхъ, которые такъ испугали ихъ теперь“ ¹⁾.

„Развѣ все это накопленіе низостей, отступленій отъ законовъ и справедливости, не даетъ уже ясно знать, чего требуютъ отъ насъ законъ, долгъ и справедливость“ ²⁾?

„Въ ней [т. е. въ комедіи] сильнѣй и глубже всего поражено смѣхомъ лицемѣріе, благопристойная маска, подъ которою является низость и подлость....“ ³⁾.

„..... Даже хорошо то, что не выведенъ на сцену честный человѣкъ. Самолюбивъ человѣкъ: выстави ему при множествѣ дурныхъ сторонъ одну хорошую, онъ уже гордо выйдетъ изъ театра“ ⁴⁾.

„..... Да, было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все продолженіе ея. Это честное, благородное лицо былъ — смѣхъ“ ⁵⁾.

„..... Несправедливы тѣ, которые говорятъ, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противу которыхъ устремленъ...“ ⁶⁾.

1) Соч. Н. В. Гоголя. Изд. 10-е т. II, стр. 505, „Театр. р.“ (2-й зритель).

2) Тамъ же, стр. 488, „Театр. р.“ (2-й люб. иск.).

3) Тамъ же, стр. 490, (Очень скромно одѣтый человѣкъ).

4) Тамъ же, стр. 492, (Оч. скр. од. чел.).

5) Тамъ же, стр. 513, (Авторъ піесы).

6) Тамъ же, стр. 514, (Авторъ піесы).

„..... Стремление къ прекрасному и высокому—вотъ искусство. Это непремѣнный законъ искусства; безъ этого искусство — не искусство. А потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ оно быть безнравственно..... Если выставишь всю дрянь, какая ни есть въ человѣкѣ, и выставишь ее такимъ образомъ, что всякій изъ зрителей получить къ ней полное отвращеніе, спрашиваю: развѣ это не похвала всему хорошему? спрашиваю: развѣ это не похвала добру?.... Не то дурно, что намъ показываютъ въ дурномъ дурное, и видишь, что оно дурно во всѣхъ отношеніяхъ; но то дурно, если намъ представляютъ его такъ, что не знаешь, злое ли оно, или нѣтъ; то дурно, когда дѣлаютъ привлекательнымъ для зрителя злое; то дурно, что мѣшаютъ его въ такой степени съ добромъ, что не знаешь, къ которой сторонѣ пристать; то дурно, что доброе показываютъ намъ такимъ образомъ, что въ добрѣ не видишь добра“ ¹⁾).

„..... Этотъ грѣхъ водится за всѣми модными драмами, которыми мы должны потѣшать публику...“ ²⁾).

„Всмотритесь-ка пристально въ этотъ городъ, который выведенъ въ піесѣ! Всѣ до единого согласны, что такого города нѣтъ во всей Россіи: не слыхано, чтобы гдѣ были у насъ чиновники всѣ до единого такіе уроды; хотъ два, хотъ три бываетъ честныхъ, а здѣсь ни одного. Словомъ такого города нѣтъ. Не такъ ли? Ну, а что, если это нашъ же душевный городъ, и сидитъ онъ у всякаго изъ насъ?.... Ревизоръ этотъ наша проснувшаяся совѣсть, которая заставитъ насъ вдругъ и разомъ взглянуть во всѣ глаза на самихъ себя“ ³⁾).

1) Соч. Н. В. Гоголя. Изд. 10-е т. II, стр. 345, „Развязка Ревизора“ (Николай Николаичъ).

2) Тамъ же, стр. 346. „Развязка Рев.“ (Первый ком. актеръ.)

3) Тамъ же, стр. 349, 350. „Разв. Рев.“ (Перв. ком. акт.)

„Не одну эту комедию, но все, что бы ни показалось изъ-под пера какого бы то ни было писателя, смѣющагося надъ порочнымъ и низкимъ, приметъ прямо на свой собственный счетъ, какъ бы оно именно было на насъ лично написано: все отыщешь въ себѣ, если только опустишься въ свою душу не съ Хлестаковымъ, но съ настоящимъ и неподкупнымъ ревизоромъ“¹⁾.

Такъ вотъ какой глубокий, тонко-психологическій смыслъ вложенъ самимъ Гоголемъ въ „Ревизора“. При такой глубинѣ чувства и мысли можно примѣнить къ Гоголю слова, вложенныя имъ же въ уста двухъ дѣйствующихъ лицъ, т. е. можно сказать, что Гоголь, смѣявшійся, по мнѣнію многихъ, больше всѣхъ, часто проливалъ душевныя, глубокія слезы²⁾, и что смѣхъ Гоголя „не тотъ безпутный, которымъ пересмѣхаетъ въ свѣтѣ человѣкъ человѣка, который рождается отъ бездѣльной пустоты празднаго времени, но смѣхъ, родившійся отъ любви къ человѣку“³⁾.

Изображая въ „Ревизорѣ“ недостатки и пороки извѣстнаго класса русскаго общества въ извѣстное время, Гоголь этимъ же самымъ изобразилъ нравственный обликъ всѣхъ людей внѣ времени и пространства. Присущіе гоголевскимъ типамъ пороки не чужды и въ наше время ни сынамъ туманнаго Альбіона, ни странѣ, провозгласившей впервые права человѣка, ни народу поѣтовъ и мыслителей, ни странѣ долларовъ.

Своимъ „Ревизоромъ“, своими „Мертвыми душами“ и другими произведеніями Гоголь вступаетъ въ ряды тѣхъ писателей, которые не въ презрѣніи къ ближнимъ, не въ киваніи то на Оедота, то на Петра, но въ познаніи самого себя, въ самоусовершенствованіи отдѣльной человѣческой

1) Тамъ же, стр. 352. „Разв. Рев.“ (Пер. ком. акт.)

2) Ср. послѣднія слова Автора пьесы въ „Театр. раз.“, соч. Н. В. Гоголя. Изд. 10-е т. II, стр. 516.

3) „Развязка Ревизора“, слова Пер. ком, актера, соч. Н. В. Гоголя. Изд. 10-е т. II, стр. 352.

личности видятъ единственный путь къ оздоровленію того или другого общества и къ постепенному, возможному совершенству всей человѣческой семьи.

Перехожу къ существенной части моего доклада, а именно къ сообщеніямъ объ исполненіи произведеній Гоголя на юрьевскихъ сценахъ.

Матеріалами для этихъ сообщеній послужили мнѣ многочисленныя газетныя замѣтки, сохранившіяся объявленія и афиши, рассказы прежнихъ исполнительницъ и исполнителей, а также личныя воспоминанія.

Только 35 лѣтъ тому назадъ возвращено было городу Юрьеву, бывшему Дериту, право допускать у себя въ извѣстное время года, т. е. во время лѣтнихъ и зимнихъ вакацій, публичныя театральныя представленія пріѣзжихъ актеровъ¹⁾, а въ 1870 году воздвигается для нѣмецкихъ театральныхъ представленій въ саду Ремесленнаго Общества на средства частныхъ лицъ лѣтній театръ, рассчитанный на 800

1) До 1802 года странствующія труппы актеровъ имѣли право давать въ городѣ представленія во всякое время года. Для этой цѣли приспособилъ даже городской архитекторъ Бэйэрлэ (Baeuerle) въ концѣ XVIII столѣтія принадлежавшее ему по нынѣшней Александровской улицѣ зданіе [на грунтъ за № 108; въ домѣ этомъ — № 33 —, измѣнившемъ нѣсколько свой внѣшній видъ и принадлежащемъ г-жѣ Коаловой, помѣщается въ настоящее время фабрика минеральныхъ водъ Р. А. Редлиха и Ко.]; залъ имѣлъ партеръ и ложи и вмѣщалъ, судя по внѣшнимъ размѣрамъ дома, не болѣе 200 человѣкъ.

Со времени открытія университета такія представленія были запрещены; все же до 1812 года играютъ изрѣдка нѣмецкіе актеры въ вышеупомянутомъ зданіи во время университетскихъ каникулъ. Въ 1812 году происходятъ безпорядки въ театрѣ, вслѣдствіе чего въ теченіе слѣдующихъ 55 лѣтъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія не разрѣшались въ чертѣ города театр. представленія профессиональныхъ артистовъ. Только въ 1867 году вновь допускаются въ самый городъ на основаніи Высочайшаго же повелѣнія публичныя театральныя представленія заправскихъ актеровъ.

человѣкъ зрителей¹⁾. До этого времени, т. е. съ 1812 до 1867 года, театръ былъ въ загонѣ, и музы Талія и Мельпомена принуждены были ютиться или вблизи загородныхъ корчемъ или въ частныхъ домахъ и въ тѣсныхъ общественныхъ кружкахъ. Даже послѣ 1870 года нѣмецкая публика была осуждена весною, осенью и зимою посѣщать почти исключительно любительскіе спектакли. Что касается русской части публики, то она еще дольше принуждена была довольствоваться одними любительскими спектаклями, такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, первая труппа русскихъ профессиональныхъ артистовъ появилась въ Юрьевѣ въ 1890 году²⁾, и только въ самое послѣднее время оказались возможными гастроли даже первоклассныхъ русскихъ сценическихъ дѣятелей.

Первыми пионерами на поприщѣ русскихъ любительскихъ спектаклей были русскіе студенты, офицеры - топографы³⁾ и представители мѣстнаго русскаго купечества.

1) По поводу открытія лѣтняго театра (21-го іюня 1870 г.) въ саду нѣмецкаго Ремесленнаго Общества одна изъ мѣстныхъ газетъ „Neue Dörptsche Zeitung“ [№ 141, 22 VI 70], отмѣчаетъ высокое значеніе этого происшествія: „Halten wir uns noch so fern jeder Uebertreibung: wir können nicht umhin, die gestrige Eröffnung des Sommertheaters im Garten des Handwerker-Vereins als ein Ereigniss von folgenreichster Bedeutung für unsere Stadt zu bezeichnen — auf dem Gebiete des socialen Lebens zum Mindesten wüssten wir nichts, was, abgesehen von der Gründung unseres Handwerker-Vereins, von gleicher Bedeutung hier während des letzten Jahrzehnts ins Leben getreten wäre“.

2) Это подтверждается также нѣмецкою мѣстною газетою „Neue Dörptsche Zeitung“, которая пишетъ въ своемъ отзывѣ (№ 264) о первомъ спектаклѣ, состоявшемся 14-го ноября 1890 года, между прочимъ слѣдующее: „Wohl ist unserer Stadt in den letzten Jahren häufiger Gelegenheit geboten worden, Theater-Vorstellungen in russischer Sprache beizuwohnen. Das waren Vorstellungen zu wohlthätigem Zwecke von Liebhabern gegeben, deren Leistungsfähigkeit wiederholt anerkannt worden ist. Gegenwärtig nun sehen wir zum ersten Male in unserer Stadt Künstler von Profession, die aus St. Petersburg herübergekommen sind, uns drei dramatische Vorstellungen im Saale der Bürgermusse zu geben.“

3) Офицеры-топографы дали на пасхальной недѣлѣ 1858 года

Уже знаменитый хирургъ Пироговъ упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ одномъ домашнемъ любительскомъ спектаклѣ въ началѣ 30-хъ годовъ, а именно о представленіи „Недоросля“, въ которомъ онъ самъ съ успѣхомъ изобразилъ Митрофанушку¹⁾).

Всѣ русскіе любительскіе спектакли, за исключеніемъ бесплатныхъ домашнихъ и ученическихъ, а также платныхъ клубныхъ представлений, давались съ благотворительною цѣлью, а пьесы для этихъ спектаклей выбирались, насколько это было возможно, изъ классическихъ и вообще изъ лучшихъ драматическихъ произведеній русской литературы, такъ, напр., были играны нѣкоторыя изъ произведеній Гоголя, Островскаго, комедія „Горе отъ ума“ Грибоедова, „Свадьба Кречинскаго“ Сухово-Кобылина, „Маскарадъ“ Лермонтова и др.

Что касается обстановки пьесъ, то, разумѣется, нельзя было предъявлять къ ней большихъ требованій, а приходилось считаться съ тѣмъ, что имѣлось и что возможно было сдѣлать при тѣхъ скудныхъ средствахъ, которыми располагали русскіе любители; впрочемъ и нѣмецкій постоянный лѣтній театръ не могъ и не можетъ похвастаться въ большинствѣ случаевъ подходящею къ требованіямъ авторовъ пьесъ обстановкою.

Изъ драматическихъ произведеній Н. В. Гоголя были даваемы „Ревизоръ“, „Женитьба“ и „Тяжба“; кромѣ того были представлены „Записки сумасшедшаго“ въ сокращеніи Андреева-Бурлака; изъ „Мертвыхъ душъ“ были читаны отдѣльные отрывки. — Русскими исполнителями были большею частью любители; только одинъ разъ былъ сыгранъ „Ревизоръ“ пріѣзжею трупою петер-

въ домѣ № 6/3, находящемся на углу Рыцарской и Бочарной улицъ въ квартирѣ г. Медвѣдева 4 спектакля. Были ли между сыгранными пьесами произведенія Гоголя — къ сожалѣнію, не извѣстно. [Общая замѣтка объ этихъ спектакляхъ имѣется въ „Inland“ за 1858 г., въ № 14, ст. 229].

1) См. „Рус. Стар.“ 1885 г., т. XLV, стр. 506.

бургскихъ артистовъ и одинъ разъ были изображены „Записки сумасшедшаго“ профессиональнымъ актеромъ. — Два нѣмецкихъ представленія „Ревизора“ были даны исключительно артистами. — Три представленія „Женитьбы“ на эстонскомъ языкѣ дала труппа директора Виры, состоящая преимущественно изъ любителей.

Судя по газетнымъ даннымъ¹⁾, русскіе студенты сыграли въ началѣ 1859 года „Женитьбу“ и „Ревизора“ въ верхнемъ залѣ общества „Ressource“²⁾ въ пользу мѣстнаго пріюта для русскихъ дѣвочекъ. Афиши этихъ спектаклей не сохранились; въ этихъ представленіяхъ принималъ участіе въ качествѣ режиссера и исполнителя извѣстный русскій писатель П. Д. Боборыкинъ, бывшій въ то время студентомъ университета³⁾.

1) Въ „Inland“ 1859 г., № 10, 9 III, ст. 199, послѣ сообщенія о благотворительномъ концертѣ въ актовомъ залѣ университета въ пользу основанія пріюта для русскихъ дѣвочекъ прибавлено слѣдующее: „Euterpe und Melpomene aber durften nicht allein die Schutzgeister unserer Russ. Armen werden; auch Thalia sollte den Bund der Charitinnen schmücken, und durch zwei Vorstellungen in dem gefälligst bewilligten, zum Theaterlocale eingerichteten, oberen Saale der Ressource bewiesen unsere Studierenden Russ. Nation, dass auch sie den Kunstgenuss mit dem Sinn für Wohlthätigkeit zu vermählen wissen. Aufgeführt wurden die „Hochzeit“ von Gogol und der „Revisor“ von Gogol“.

Въ „Остзейскомъ Вѣстникѣ“ 1859 г., № 30, 14 III, имѣется объ этомъ тоже замѣтка: „Сверхъ того [т. е. концерта] въ залѣ дерптской рессурсы было дано тамошними русскими студентами два театральныя представленія въ пользу того же заведенія, а именно „Свадьба“ [sic!] Гоголя и „Ревизоръ“ того же самаго автора“.

2) Нѣмецкое общество „Ressource“ [помощь, пособіе, прибѣжище], замѣнившее 18 октября 1835 года общество „alte Musse“ или „grosse Musse“ [„Musse“ значитъ „досугъ“, а здѣсь — „клубъ“] и сдѣлавшееся владѣльцемъ дома этой Муссы [Большой Рынокъ, № 13], устроило въ пятидесятихъ годахъ въ верхнемъ залѣ небольшую сцену, на которой подвизались въ теченіе 18—20 лѣтъ нѣмецкіе и русскіе любители драматическаго искусства. Зало съ балкончикомъ вмѣщало не болѣе 200 человекъ.

3) Это подтверждается не только разсказами современниковъ,

За періодъ времени съ 1859 по 1872 годъ нѣтъ никакихъ точныхъ извѣстій о дѣятельности русскихъ любителей сценическаго искусства. — Г-жа Невдачина, сама неоднократно принимавшая участіе въ русскихъ любительскихъ спектакляхъ, сообщила мнѣ, что она помнитъ одно представленіе „Ревизора“, въ которомъ студентъ Степанъ Волковъ игралъ Хлестакова. Судя по „Album Academicum“¹⁾, это представленіе не могло быть раньше начала 60-хъ годовъ. Въ этомъ же представленіи исполнялъ роль Маріи Антоновны гимназистъ одного изъ высшихъ классовъ мѣстной гимназіи²⁾.

Благодаря сохранившимся афишамъ видно, что **10-го апрѣля 1873** года была сыграна „Женитьба“ Гоголя, а **2-го декабря** того же года „Ревизоръ“. Оба представленія состоялись въ верхнемъ залѣ общества „Ressource“³⁾.

но и С. А. Венгеровымъ въ его Критико-Биографическомъ Словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ. Г. Венгеровъ говоритъ въ т. IV, стр. 196, что во время студенчества П. Д. Боборыкина въ Юрьевскомъ (тогда Дерптскомъ) университетѣ ясно опредѣлились его литературныя стремленія и что онъ пожелалъ испытать себя на литературномъ поприщѣ. „Ближайшій поводъ дали товарищескія сборища 1858—59 гг., на которыхъ ставились, съ благотворительною цѣлью, цѣликомъ и въ отрывкахъ пьесы Гоголя, Островскаго, „Горе отъ ума“. П. Д. былъ режиссеромъ и однимъ изъ актеровъ. Подъ вліяніемъ этихъ постоянныхъ театральныхъ впечатлѣній онъ въ 1858 г. написалъ свою первую пьесу — „Шила въ мѣшкѣ не утаишь (въ переработкѣ „Фразеры“. Не напечатано)“.

1) Подъ № 7367 значится въ Alb. Acad. Степанъ Волковъ, изъ Москвы, род. 29 янв. 1843 г., изучалъ кам. н. съ 1861—1865 г., кончилъ канд. въ 1866 г., былъ чиновникомъ въ Вильнѣ, а потомъ мир. суд. въ Порховскомъ у. Псков. губ. † 29 янв. 1877 г.

2) Гимназистъ, изъ русской дворянской семьи, игралъ съ особаго разрѣшенія гимназическаго начальства, уступившаго просьбамъ нѣкоторыхъ знакомыхъ студентовъ. Выборъ гимназиста для роли Маріи Антоновны указываетъ также на похвальное стремленіе русскаго студенчества возможно лучше замѣнить настоящихъ исполнительницъ дамскихъ ролей, отсутствіе которыхъ [т. е. исполнительницъ женск. ролей] было однимъ изъ недостатковъ русскихъ любительскихъ спектаклей того времени.

3) О представленіи „Женитьбы“ 10-го апрѣля объявленія въ газетѣ нѣтъ; о представленіи 2-го декабря объявленіе въ газетѣ хотя и имѣется, но пьеса въ немъ не обозначена.

„Женитьбу“ играли исключительно лица, принадлежавшая къ купеческому сословію, при чемъ женскія роли тоже исполнялись мужчинами. Фамиліи почти всѣхъ г-дъ любителей отпечатаны на афишѣ¹⁾. Еще 10 лѣтъ послѣ этого представленія мнѣ передавали, что особенно удачно былъ изображенъ г-мъ Поповымъ типъ свахи.

„Въ „Ревизорѣ“ участвовали, кромѣ студентовъ, учителя и купцы; обѣ главныя женскія роли были исполнены впервые дамами мѣстнаго русскаго общества²⁾. По свидѣтельству видѣвшихъ этотъ спектакль пьеса была сыграна замѣчательно хорошо. Многочисленная, избранная публика осталась очень довольна; присутствовалъ на представленіи тогдашній попечитель учебнаго округа, а также многіе изъ нѣмецкихъ профессоровъ посѣтили русскій спектакль.

Семь лѣтъ спустя, **18-го февраля 1880 года** „въ залѣ гимнастическаго заведенія [in der Turnhalle]“³⁾ былъ данъ „Ревизоръ“ съ благотворительною цѣлью воспитанниками I учительской семинаріи подъ управленіемъ преподавателя русскаго языка г. Гуйскаго. Афиша не сохранилась. Всѣ исполнители были инородцы, и нужно было только удивляться,

1) Агафья Тихоновна — М. П. Маевскій; Арина Пантелеймоновна — А. И. Селюгинъ; Фекла Ивановна — П. А. Поповъ; Подколесинъ — А. В. Клементьевъ; Кочкаревъ — К. А. Барзовъ; Яичница — П. Н. Безносковъ; Анучкинъ — Ф. Ф. Лисенковъ; Жевакинъ — М. П. Безродный; Дуняшка — М. К. Норкинъ; Стариковъ — Н. И. Калетовъ; Степанъ — не извѣстно кто.

2) Анна Андреевна — г-жа Невдачина; Марья Антоновна — г-жа Тайлова; городничаго игралъ студ. Машковцевъ; онъ же сыгралъ слесаршу; Хлестакова — студ. Хайдэнрейхъ; Осипа — г. Махотинъ; почтмейстера — г. Жуковъ; Судью — студ. Нольдэ; Землянику — студ. Борткевичъ; Бобчинскаго — г. Поповъ; Добчинскаго — г. Калетовъ; Гибнера — г. Мазингъ; кто игралъ Хлопова — я не могъ узнать.

3) Зданіе тогдашняго „гимнастическаго заведенія“, называвшееся по-нѣмецки просто „Turnhalle“, въ 1890 году перестроено для помѣщенія въ немъ Городскаго Полицейскаго Управленія (на Компанейской улицѣ). До перестройки зданіе состояло изъ гимнастическаго зала, передней и небольшого балкона на одной сторонѣ зала; высота зала — около 2 $\frac{1}{2}$ саж.; залъ съ балкономъ

съ какою точностью былъ заученъ текстъ комедіи и съ какимъ вниманіемъ отнеслись исполнители къ режиссерскимъ указаніямъ своего преподавателя.

Тѣми же исполнителями была бойко сыграна **28-го февраля** того же года „Женитьба“ Гоголя въ залѣ Ремесленного Общества¹⁾.

Въ **1882 году 5-го февраля** былъ данъ студентами университета и ветеринарнаго института въ залѣ общества „Bürgermusse“²⁾ второй спектакль въ пользу недостаточныхъ студентовъ подъ управленіемъ проф. П. А. Висковатова и стараго театрала П. А. Попова, оказавшихъ своимъ содѣйствіемъ большую пользу русскимъ любительскимъ спектаклямъ.

вмѣщалъ во время театральныхъ представленій не болѣе 350 человѣкъ. Небольшое свободное пространство за задними кулисами замѣняло г-дамъ исполнителямъ уборныя. Участіе дамъ въ представленіяхъ, которыя давались въ „Turnhalle“, было уже вслѣдствіе отсутствія уборныхъ немисливо.

1) Нѣмецкое Ремесленное Общество, основанное въ 1861 году, находится съ 1868 года на Прудовой улицѣ въ собственномъ помѣщеніи. Залъ общества съ окнами на улицу и въ садъ, не особенно большой, не высокъ и вмѣщаетъ при театральныхъ представленіяхъ не болѣе 150 человѣкъ.

2) Общество „Bürgermusse“ (мѣщанская мусса, мѣщанскій клубъ) было основано въ 1791 году и до 1814 занимало себѣ помѣщенія. Въ концѣ 1814 года оно купило каменный домъ, принадлежавшій барону ф. Вольффу, по нынѣшней Ново-Рыночной улицѣ [эта улица называлась до 1814 года „Русскій Рынокъ“—„Russischer Markt“]. Въ 1880 году старое зданіе подверглось капитальной перестройкѣ, при чемъ залъ былъ расширенъ и вмѣщалъ уже вмѣстѣ съ балкономъ 400 человѣкъ. Насколько я помню, русскіе студенты первые начали давать публичныя представленія въ 1882 г. въ залѣ общ. „Bürgermusse“. До нихъ были представленія только для членовъ и для вводимыхъ ими гостей. Нѣмецкіе студенты играли или въ „Ressource“ или же главнымъ образомъ въ „Academische Musse“ (Академическій клубъ). — Постановка спектаклей въ 1882 г. въ „Bürgermusse“ причиняла русскимъ студентамъ множество хлопотъ: само общество давало только возвышеніе [около 20 [] саж.], кулисы же, занавѣсъ, мебель и лампы для сцены (газъ былъ проведенъ на сцену только въ 1891 году) нужно было брать на прокатъ или просить у знакомыхъ; ко всему этому присоединялось еще одно затрудненіе, а именно отказъ дамъ мѣстнаго русскаго общества участвовать въ первыхъ спектакляхъ, данныхъ въ „Bür-

На спектакль 5-го февраля была между прочимъ представлена въ первый разъ сцена Гоголя „Тяжба“ [Пролетова игралъ студ. Змигродскій; Бурдюкова — студ. Романовъ; Лакея — студ.-вет. Чудиновъ].

10-го ноября 1882 г. былъ данъ тѣмъ же кружкомъ студентовъ подъ управленіемъ тѣхъ же лицъ въ залѣ общества „Bürgermusse“ „Ревизоръ“. Въ этомъ спектаклѣ за отсутствіемъ дамъ пришлось выпустить сцены съ унтеръ-офицерской женой и со слесаршей¹⁾. — Мѣстная нѣмецкая газета назвала это представленіе въ общемъ весьма удачнымъ²⁾.

germusse“: тогда считали еще неприличнымъ для дамы выступать на подмосткахъ мѣщанскаго клуба. [По прошествіи какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ, т. е. послѣ прекращенія сдачи въ наемъ университетскаго актовaго зала, а также послѣ закрытія „Academische Musse“ залъ общ. „Bürgermusse“ дѣлается излюбленнымъ мѣстомъ не только для нѣмецкихъ студенческихъ спектаклей, но и для концертовъ, баловъ и представлений всѣхъ слоевъ мѣстнаго нѣмецкаго общества!] Во избѣжаніе каррикатурности при замѣнѣ дамы мужчиною русскому студенчеству пришлось приглашать изъ Петербурга нѣсколькихъ знакомыхъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ для участія въ первыхъ спектакляхъ. Черезъ полгода появляются женатые студенты, да и дамы мѣстнаго русскаго общества соглашаются играть и въ „Bürgermusse“, такъ что, напр., въ первомъ представленіи комедіи „Горе отъ ума“ въ декабрь 1883 года участвуютъ 11 дамъ.

Въ 1883 году университетскій преподаватель танцевъ, г. Эберхардтъ, бывший драматическій артистъ Юліусъ, изготовилъ для пожарнаго общества 6 перемѣнъ декораций, приспособленныхъ къ залу общ. „Bürgermusse“ и сдававшихся въ наемъ вмѣстѣ съ заломъ. Въ 1891 году, по поводу столѣтія со дня основанія общества, была пристроена сцена, вслѣдствіе чего залъ [ок. 68 □ саж. при вышинѣ въ 23 $\frac{1}{3}$ фут.] съ балкономъ сталъ вмѣщать уже 600 человекъ зрителей. Для новой сцены были написаны 5 новыхъ декораций и новый занавѣсъ декораторомъ г. Розенбергомъ. Плата за наемъ зала подъ русскіе спектакли безъ танцевъ повысилась уже въ концѣ 80-хъ годовъ до 75 рублей. Только съ открытіемъ концертно-театр, зала „Новый театръ“ наемная плата была понижена.

1) Главныя роли были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: Городничій — студ. Черноцкій; Хлоповъ — студ. Халлеръ; Тяпкинъ - Ляпкинъ — студ. - вет. Рудневъ; Земляника — студ. - вет. Жарко; Шпекинъ — студ. Лихтѣрманъ; Хлестаковъ — студ. Змигродскій; Осипъ — студ.-вет. Чудиновъ; Анна Андреевна — г-жа Лихтѣрманъ; Марья Антоновна — г-жа Гурьянъ.

2) Эта замѣтка имѣется въ рецензіи, касающейся предста-

Черезъ годъ, **22-го ноября 1883 года** на сценѣ общества „Bürgermusse“ была поставлена студентами при участіи дамъ мѣстнаго русскаго общества „Женитьба“¹⁾. Изъ главныхъ ролей лучше всѣхъ были г-жа Невдачина — Оекла и студ. Черноцкій — Подколесинъ, а изъ второстепенныхъ лицъ — студ. Шиле-Анучкинъ.

14-го декабря того же года, въ день перваго представленія всей комедіи „Горе отъ ума“ въ залѣ „Bürgermusse“ была повторена сцена „Тяжба“ съ прошлогодними исполнителями.

Въ 1886 году былъ основанъ въ г. Юрьевѣ учителями Русскій Семейный Учительскій Кружокъ „Родникъ“, преобразованный по прошествіи 10 лѣтъ въ существующее нынѣ Юрьевское Семейное Общественное Собраніе „Родникъ“. Вотъ въ этомъ кружкѣ „Родникъ“, имѣвшемъ въ своемъ новомъ помѣщеніи по Рыночной улицѣ (въ домѣ Матисена на углу Лодейной ул.) небольшую сцену, состоялись **6-го и 7-го ноября 1887 года** 2 первыхъ спектакля, поставленныхъ членами и гостями названнаго кружка. Пьесою для этихъ спектаклей была выбрана „Женитьба“ Гоголя²⁾. Разучена была пьеса очень старательно; особенно типичными вышли: изъ женскихъ ролей сваха, а изъ мужскихъ Яичница, Подколесинъ и Жевакинъ.

На домашней сценѣ у проф. Висковатова были исполнены въ **1889 году**: 1) **8-го и 28-го марта** сцена Гоголя „Тяжба“ при чемъ роль Пролетова игралъ прежній испол-

вленія драмы Лермонтова „Маскарадъ“; „Neue Dörptsche Ztg.“ 1882 г. № 276.

1) Агафья Тихоновна — г-жа Спиро; Арина Пантелеймонова — г-жа Свензинская; Оекла — г-жа Невдачина; Дуняша — г-жа Махотина; Подколесинъ — студ. Черноцкій; Кочкаревъ — студ. Фейтъ; Жевакинъ — г. Свензинскій; Яичница — студ. - вет. Ицковичъ; Стариковъ — студ. - вер. Мазинъ; Анучкинъ — студ. Шиле.

2) Агафья Тихоновна — г-жа М. Зоргенфрэй; Арина — г-жа Н. Зоргенфрэй; Оекла — г-жа Павлова; Подколесинъ — студ. Черноцкій; Кочкаревъ — г. Змигродскій; Яичница — г-нъ Т.; Же-

нитель, а Бурдюкова — г. Алексѣвъ; 2) 10-го марта исполнилъ І. Змигродскій два монолога изъ „Записокъ сумасшедшаго“ [„Ноября 6-го“ и послѣдній]; 3) 10-го же марта была сыграна сцена между Хлестаковымъ и Гибнеромъ [Хлестаковъ — г. Алексѣвъ; Гибнеръ — г. Змигродскій], а также сцена между Хлестаковымъ и слесаршею [Хлестаковъ — г. Алексѣвъ, слесарша — г. Змигродскій]; 4) 20-го марта исполнилъ г. Алексѣвъ монологъ Кифы Мокиевича изъ „Мертвыхъ душъ“.

22-го апрѣля 1890 года въ залѣ общества „Bürger-musse“ былъ вновь поставленъ „Ревизоръ“ ¹⁾. Мѣстная печать осталась довольна исполненіемъ комедіи. „Рижскій Вѣстникъ“, отмѣчая вполнѣ справедливо 1) отсутствіе между любителями большого числа опытныхъ и удовлетворительныхъ исполнителей, какое требуется для вполнѣ успѣшной постановки „Ревизора“, и 2) то обстоятельство, что въ распоряженіи любителей было очень мало времени для подготовки, все-таки приходитъ къ заключенію, что „пѣса, за нѣкоторыми исключеніями прошла довольно гладко“ ²⁾. Нѣмецкая мѣстная газета „Neue Dörptsche Zeitung“ помѣстила тоже очень сочувственный отзывъ, въ которомъ особенно хвалитъ игру г. Павлова (Хлестаковъ) и г. Старовѣркина (Городничій ³⁾).

вакинъ — г. Павловъ; Анучкинъ — г. Трутневъ (псевд.); Стариковъ — г. Чуркинъ (псевд.); Степанъ — г. Ивановъ.

1) Главныя роли были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: Городничій — студ. Старовѣркинъ; Анна Андреевна — г-жа Шмидтъ; Марья Антоновна — г-жа М. А. Зоргенфрэй; Хлоповъ — г. Трутневъ (псевд.); Тяпкинъ - Ляпкинъ — г. Лафинъ; Земляника — студ. Гинцбургъ; Шпекинъ — г. Девильтъ; Добчинскій — г. Калетовъ; Бобчинскій — студ. Лѣсовой; Хлестаковъ — г. Павловъ; Осипъ — г. Чуркинъ (псевд.).

2) „Рижскій Вѣстникъ“ 1890 года, № 92.

3) „Neue Dörptsche Zeitung“ 1890 г., № 92: „.... Zunächst war unverkennbar die Regie eine wohlgedachte und überaus sorgfältige: von ganz vereinzelt kleinen Stockungen abgesehen, „klappte“ Alles bestens..... Vor Allem aber lagen die Hauptrollen in den

Во второй половинѣ 90-хъ годовъ были исполнены на литературно-музыкальномъ ученическомъ вечерѣ учениками Юрьевского Реального Училища съ большимъ стараніемъ сцены и монологи изъ пьесы Гоголя „Женитьба“.

Въ 1899 году 9-го апрѣля на оперно-драматическо-музыкальномъ вечерѣ, данномъ отъ имени Юрьевского Семейнаго Общественнаго Собранія „Родникъ“ въ концертно-театральномъ залѣ „Новый театр“¹⁾ исполнилъ г. Горяевъ „Записки сумасшедшаго“, соч. Н. В. Гоголя, въ сокращеніи Андреева-Бурлака.

besten Händen — so zunächst die des Helden des Stückes, des Pseudo-Revidenten Chlestakow. Es war eine prächtig einheitliche Figur, die uns in diesem leichtsinnigen Windbeutel, sorglosen Schwindler und unbändigen Renommisten aus der Residenz vorgeführt wurde, der ohne Ahnung von der ihm zugesprochenen Würde die Rubel und das sonstige ihm zufallende Gute nonchalant nimmt, wo er es gerade bekommt; sehr angenehm berührte es bei der Zeichnung dieser Charakterfigur, dass gröbere Striche, zu welchen namentlich der dritte Act in der grossen Scene nach dem Frühstück hätte geben können, sorglich vermieden wurden. Das Nämliche gilt von der nächst Chlestakow wichtigsten Partie des Stadt-Tyrannen Anton Antonowitsch, die in besten Händen lag“.

1) Мой концертно-театральный залъ „Новый театр“ построенъ мною въ 1892 году. Составленіе плана по моимъ указаніямъ, а также надзоръ за возведеніемъ постройки были поручены университетскому архитектору г. Р. Гулеке, устройство же сцены и изготовленіе декорацій взялъ на себя талантливый мѣстный живописецъ-декораторъ г. К. Розенбергъ, работавшій уже въ 1891 году для „Bürgermusse“. — „Новый театр“ представляетъ собою почти трехэтажное каменное зданіе и имѣетъ кромѣ зала и сцены еще 14 помѣщеній. Фойе состоитъ изъ 7 комнатъ, находящихся въ деревянномъ домѣ на каменномъ фундаментѣ; этотъ домъ примыкаетъ непосредственно къ каменному зданію и принадлежитъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ извѣстному русскому писателю графу В. Сологубу. Всѣ помѣщенія освѣщаются газомъ. Отапливается „Новый театр“ отчасти коксомъ, отчасти же дровами. Залъ [около 40 □ саж. при выш. въ 23 $\frac{1}{3}$ фут.] съ небольшимъ балкономъ вмѣщаетъ 350 человекъ. При „Новомъ театрѣ“ имѣется садъ. Сцена (25 □ саж. при выш. въ 5 саж.) имѣетъ 2 занавѣса и около 40 декорацій. Декораціи большею частію арочной системы и поднимаются, какъ и занавѣсы, цѣликомъ наверхъ. На сценѣ два спуска. — Главной

Осенью 1900 года ученики Юрьевского Городского Училища представили въ залѣ училища первый актъ „Ревизора“.

Въ томъ же училищѣ подъ управленіемъ преподавателя Сироткина были исполнены учениками: а) **8-го декабря 1901 года**, въ день освященія новаго училищнаго зала, „Женитьба“ и отрывки изъ ком. „Ревизоръ“; б) **въ февралѣ 1902 года** по поводу пятидесятилѣтія со дня кончины Н. В. Гоголя отрывки изъ „Ревизора“.

9-го февраля 1902 года былъ данъ въ Юрьевскомъ Семейномъ Общественномъ Собраніи „Родникъ“¹⁾ литературно - вокально - музыкальный вечеръ, посвященный памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. На этомъ вечерѣ, были прочитаны; 1) г-жами Мошарскою и Кувичинскою: Разговоръ дамы пріятной съ дамою пріятною во всѣхъ отношеніяхъ;

2) г-мъ Горенко: Монологъ изъ „Мертвыхъ душъ“;

3) г-ми Никольскимъ и Горенко: сцена „Тяжба“.

25-го марта 1902 года состоялся въ Юрьевскомъ Реальномъ Училищѣ литературный вечеръ въ память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского, на которомъ была очень живо разыграна пьеса Гоголя „Женитьба“. Исполнителями были

цѣлью при постройкѣ „Новаго театра“ было — дать возможность всѣмъ артистамъ и любителямъ во всякое время года за недорогую и для всѣхъ равную плату имѣть удобное и, какъ для театраль-ныхъ представленій, такъ и для концертовъ и вечеровъ по возможности приспособленное зданіе.

1) Юрьевское Семейное Общественное Собраніе „Родникъ“ находится въ настоящее время въ домѣ ф. Лилиенфельда по Рижской улицѣ. Оно занимаетъ нижній этажъ дома. Въ томъ же залѣ, въ которомъ состоялся 9-го февраля 1902 г. вечеръ, посвященный памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского, были поставлены въ 1883 году по поводу 100-й годовщины дня рожденія В. А. Жуковского для избраннаго кружка зрителей живыя картины изъ переведенной Жуковскимъ повѣсти Лямоттъ - Фуке „Ундина“. Домъ ф. Лилиенфельда занимала въ то время семья сенатора Сабурова, бывшаго попечителя Дерптскаго учебнаго округа и министра народнаго просвѣщенія.

большею частію ученики. Двѣ женскія роли [Ар. Тих. и Ар. Пант.] взяли на себя двѣ дамы мѣстнаго русскаго общества, а роль Кочкарева исполнилъ одинъ изъ преподавателей.

Этому довольно длинному ряду русскихъ любительскихъ спектаклей можно противопоставить только два спектакля, на которыхъ исполнялись профессиональными русскими артистами произведенія Гоголя.

Въ 1890 году, 18-го ноября, прочелъ въ костюмѣ при обстановкѣ въ залѣ „Bürgermusse“ артистъ Денисовъ „Записки сумасшедшаго“, соч. Н. В. Гоголя, въ сокращеніи Андреева-Бурлака, а 10 лѣтъ спустя 27-го января 1900 года „труппою С.-Петербургскихъ драматическихъ артистовъ подѣ управленіемъ и съ участіемъ артиста К. А. Гарталова-Карчанскаго“ былъ данъ на сценѣ „Новаго театра“ „Ревизоръ“. Труппа состояла изъ мелкихъ артистическихъ силъ¹⁾, и исполненіе безсмертной комедіи было посредственное.

Перечисливъ такимъ образомъ спектакли русскихъ любителей и русскихъ артистовъ, мнѣ остается еще коснуться изображенія произведеній Гоголя на нѣмецкой и эстонской сценахъ.

Въ нѣмецкомъ переводѣ давался у насъ только „Ревизоръ“, и давался онъ два раза.

Первое представленіе для городского населенія состоялось 22-го іюня 1866 года²⁾ не въ самомъ городѣ, а въ одной

1) Главныя роли были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: Городничій — г. Темиревъ; Анна Андреевна — г-жа Стрѣлецкая; Марья Антоновна — г-жа Казбичъ; Хлоповъ — г. Словакъ; Судья — г. Инсаровъ; Земляника — г. Шабельскій; Почтмейстеръ — г. Вронскій; Добчинскій — г. Михайловъ; Бобчинскій — г. Оболенскій; Хлестаковъ — г. Гарталовъ-Карчанскій; Осипъ — г. Кальверъ.

2) Въ газетныхъ объявленіяхъ напечатано: „Mittwoch, den

верстѣ отъ города вблизи корчмы „Бѣлый конь“ [„Zum weissen Ross“] или „Novum“ на сценѣ давно исчезнувашаго съ лица земли досчатого театра, гдѣ играла нѣмецкая труппа подъ управленіемъ директора Нилица [Nielitz]¹⁾; второе же — пять лѣтъ спустя, **13 августа 1871 года**²⁾ на сценѣ

22. Juni с. zum ersten Mal: Der Revisor oder das Incognito, Ревизоръ или Инкогнито, Lustspiel in 3 Akten, nach Gogol's „Revisor“ aus dem Russischen frei bearbeitet von Albert Junkelmann. [Repertoirestück sämtlicher russ. Bühnen]“. Ср. Dörptsche Ztg. 1866 г. № 139; Neue Dörptsche Ztg. 1866 г. № 141.

1) Тяготѣвшее съ 1812 года надъ городомъ запрещеніе театра побудило въ 1857 году директора Нилица давать представленія въ загородной корчмѣ „Бѣлый конь“ — [„Zum weissen Ross“ — или „Novum“, какъ называли ее студенты], принадлежащей къ граничащему съ городомъ имѣнію „Techelfer“. Верхній залъ [16½ □ саж. при вышинѣ въ 13 фут.] корчмы былъ избранъ мѣстомъ дѣйствія. Тамъ, на небольшой зальной сценкѣ, давала представленія труппа дир. Нилица въ теченіе лѣта 1857 года. Но уже въ 1858 году обратился г. Нилицъ черезъ г. Бауэра, управляющаго имѣніемъ „Techelfer“ и завсегдатая театра, къ владѣльцу имѣнія съ просьбою построить лѣтнее театральное зданіе. Г. Бауэру удалось уговорить владѣльца имѣнія, и въ короткое время на счетъ помѣщика былъ построенъ подрядчикомъ Рейнхольдомъ Умблею (Reinhold Umbliu) около корчмы по указаніямъ г. Нилица досчатый лѣтній театръ съ зрительнымъ заломъ на человѣкъ 600; залъ состоялъ изъ постепенно повышавшагося партера, галлерей же и ложъ не имѣлъ. Постройка обошлась не особенно дорого, не представляла собою ничего капитальнаго, не имѣла фундамента и была окрашена первое время какъ снаружи, такъ и внутри простою сѣрватою краскою; въ послѣдствіи оклеивались стѣны изнутри обоями. Уже лѣтній сезонъ 1858 года былъ открытъ въ новомъ просторномъ зданіи, и до возведенія лѣтняго театра на окраинѣ города, въ саду Ремесленнаго Общества, театръ около корчмы „Бѣлый конь“ привлекалъ въ теченіе 12 лѣтъ многочисленную городскую публику какъ своимъ репертуаромъ [давались не только фарсы, комедіи, драмы, трагедіи, но и оперетки и оперы], такъ и сравнительно хорошимъ персоналомъ исполнителей, между которыми появлялись иногда въ качествѣ гостей первоклассныя силы петербургскаго Императорскаго нѣмецкаго театра. Съ открытіемъ театра въ саду Ремесленнаго Общества загородный театръ потерялъ свое значеніе, обветшалъ и былъ проданъ на сломъ въ 1874 году за 180 рублей.

2) Въ газетномъ объявленіи о спектаклѣ 13-го августа 1871 года напечатано: „ . . . Freitag, den 13. August 1871. Zum ersten Male: „Der Revident“, oder: „Das Incognito“. Lustspiel in 3 Akten, nach Gogol's „Revisor“ aus dem Russischen frei bearbeitet von Albert

существующаго и теперь лѣтнаго театра въ саду нѣмецкаго Юрьевскаго Ремесленнаго Общества¹⁾. Здѣсь подвизалась нѣмецкая труппа директора Эд. Берента.

Junkelman“ [„Dörptsche Ztg.“ 1871 года, въ №№ 183, 184 и „Neue Dörptsche Ztg.“ 1871 года въ №№ 183, 184]. Интересно, что это объявленіе отличается отъ такового въ 1866 году отсутствіемъ русскаго заглавія пьесы, а также замѣною въ нѣмецкомъ заглавіи слова „Revisor“ словомъ „Revident“. Такъ какъ я, къ сожалѣнію, не получилъ передѣлки Альберта Юнкельмана, то и не въ состояніи сказать, какое слово находится въ заглавіи самой передѣлки.

1) Какъ уже было сказано выше, въ 1870 году былъ торжественно открытъ нѣмецкій лѣтній театръ въ саду Ремесленнаго Общества. Инициативу этого дѣла приписываетъ одна изъ мѣстныхъ газетъ — „Neue Dörptsche Zeitung“ — „нѣсколькимъ патриотамъ съ Николаемъ фонъ-Эттингеномъ во главѣ“ [„einige patriotische Männer, an ihrer Spitze Nicolai v. Oettingen“, N. D. Z. 1880 г. № 142]. Н. ф. Эттингенъ былъ въ то время предсѣдателемъ Ремесленнаго Общества. При немъ былъ выработанъ совѣтомъ старшинъ названнаго Общества проектъ постройки лѣтнаго театра, при чемъ само Общество за неимѣніемъ средствъ не хотѣло взять на себя ни возведенія зданія, ни какой-либо отвѣтственности за его доходность. Для составленія необходимаго капитала [первоначальная смѣта не превышала 6500 руб., но впослѣдствіи театръ съ инвентаремъ обошелся въ 16.453 руб. 21 коп.] образовалось акціонерное товарищество. Ремесленное же Общество обязалось дать въ своему саду мѣсто для зданія, а также нести въ теченіе 12 лѣтъ расходы по страховкѣ и ремонту зданія, за что по прошествіи означенныхъ 12 лѣтъ театръ долженъ былъ перейти въ полную собственность Общества. Кромѣ того совѣту старшинъ предоставлено было право голоса при совмѣстномъ съ представителями товарищества рѣшеніи вопросовъ о репертуарѣ, о посѣтителяхъ театра и о назначеніи цѣнъ мѣстамъ. — Въ апрѣлѣ 1870 года начались работы, къ 16-му мая постройка была, по употребленному „Neue Dörptsche Zeitung“ выраженію, „mit affenähnlicher Geschwindigkeit“, т. е. „съ обезьяноподобной скоростью“, подведена подъ крышу, а 21-го іюня состоялось первое представленіе. Строилъ театръ г. Хюббѣ подъ наблюденіемъ и по плану архитектора Рэтшера. — Мѣстная газета „Dörptsche Zeitung“ называетъ лѣтній театръ въ саду Ремесленнаго Общества „ein neues „Novum“, aber erweitert und verbessert“, т. е. газета видитъ въ немъ такое же зданіе, какое было при загородной корчмѣ, но только въ расширенномъ и исправленномъ видѣ. Зданіе представляетъ собою сквозной балочный остовъ, ряды котораго забраны то съ внутренней (въ залѣ), то съ внѣшней (садовые стѣны коридора) стороны досками, и отличается отъ загороднаго театра болѣе тщательной,

Какъ въ 1866, такъ и въ 1871 году играли „Ревизора“ по состоявшей изъ трехъ актовъ вольной передѣлкѣ Альберта Юнкельмана. Афиши того времени не сохранились, но имѣются современные отзывы мѣстныхъ нѣмецкихъ газетъ, касающіеся какъ самой комедіи Гоголя, такъ и ея „передѣлки“ и нѣкоторыхъ изъ исполнителей гоголевскихъ типовъ. „*Neue Dörptsche Zeitung*“ помѣстила предварительную замѣтку о представленіи 13 авг. 1871 г. и отзывы какъ о представленіи 1866 года, такъ и о представленіи 1871 года; въ „*Dörptsche Zeitung*“ же я нашелъ только предварительную замѣтку и отзывъ о представленіи 1871 года¹⁾. Насколько мнѣ извѣстно, за

капитальной стройкой, не особенно высокимъ каменнымъ фундаментомъ, а также болѣе художественной внутренней и внѣшней отдѣлкой. Зрительный залъ, состоящій изъ партера и галлерей съ балкономъ и 18 ложами, окруженъ довольно просторнымъ двухэтажнымъ коридоромъ и былъ разсчитанъ первоначально на челоуѣкъ 800; по новѣйшему плану вмѣщаетъ онъ въ настоящее время 650 зрителей. Сцена довольно глубока и широка, но до 1900 года была не настолько высока, чтобы занавѣсъ и декорации могли подниматься цѣлкомъ наверхъ. По примѣру построеннаго въ 1892 году „Новаго театра“ этотъ недостатокъ былъ наконецъ устраненъ въ 1900 году. — Первые два года допускались на представленія исключительно члены Общества, но такого рода ограниченіе оказалось невыгоднымъ для театральнаго предпріятія въ матеріальномъ отношеніи, вслѣдствіе чего было разрѣшено и нечленамъ посѣщать театръ: въ 1872 году по понедѣльникамъ, съ 1874 по 1876 годъ по буднямъ, а съ 1877 года сдѣлались всѣ представленія общедоступны. Дѣло пошло настолько успѣшно, что по прошествіи вышеозначенныхъ 12 лѣтъ всѣ акціонеры были удовлетворены, и Ремесленное Общество сдѣлалось полнымъ хозяиномъ театральнаго зданія. — Почти 20 лѣтъ директоромъ труппы былъ артистъ Э. Берентъ, уроженецъ Риги, состоявшій также директоромъ Ревельскаго городского театра; изъ директоровъ-иностранцевъ только г. Трѣйманъ пробылъ два года, другіе же прѣдержались и того меньше; съ половины сезона 1898 года антрепренѣромъ театральнаго дѣла является само Ремесленное Общество, главнымъ же режиссеромъ, называемымъ по-нѣмецки „*artistischer Director*“ состоитъ артистъ К. Бретшнейдеръ, уроженецъ города Юрьева. — Репертуаръ нѣмецкаго лѣтняго театра въ саду Ремесленнаго Общества тоже самый разнообразный: фарсы, комедіи, драмы, трагедіи, оперетки и оперы. Театръ Ремесл. Общ. обзавелся въ послѣдніе годы нѣкоторымъ количествомъ собственныхъ новыхъ декораций.

1) Такъ какъ отзывы мѣстныхъ нѣмецкихъ газетъ предста-

исключениемъ нѣкоторыхъ русскихъ оперъ, „Ревизоръ“ Гоголя единственная классическая русская пьеса, которая давалась нѣмецкими артистами въ Юрьевѣ Лифляндской губерніи.

вляють извѣстный театрально-историческій интересъ, то я привожу ихъ полностью въ этомъ моемъ примѣчаніи:

I. Отзывъ о представленіи „Ревизора“ на нѣмецкой сценѣ загороднаго театра 22-го іюня 1866 года, помѣщенный въ „Neue Dörptsche Zeitung“ 1866 года, въ № 143 и подписанный буквою „F“: „Die Pausen auszufüllen [въ тотъ же самый день, 22-го іюня 1866 г. гастроліровалъ пѣвецъ Большой Оперы въ Парижѣ г. Ю. Сессельбергъ; въ началѣ, въ концѣ и послѣ каждаго акта „Ревизора“ были исполнены г. С. нумера пѣнія], führte man den Revisor des Gogolj auf. Das Lustspiel im Originaltext macht schon auf den Leser einen ungemein lebhaften und wirksamen Eindruck, bei dem Zuschauer erregt es in der That „Sensation“. Anders jedoch verhält es sich mit einer „freien“ Bearbeitung, und frei muss sie sein, denn keiner deutschen Uebersetzung ist es möglich, das eigenthümliche, vielgeschmeidige sich gehen lassen in der Ausdrucksweise des Kernrussen wiederzugeben. Bei der gestrigen Aufführung trat neben diesem unvermeidlichen Mangel noch der einer nur zu freien Reproduction der russischen Originalität. In dem Lustspiel ist ein wesentlicher Träger derselben Ossip, den Herr Kopka machte. Was wir an diesem Schauspieler wahrgenommen und von Vorstellung zu Vorstellung bestätigt finden, ist seine Sucht, jede komische Rolle zu carikiren. So erging es dem fröhlich gemüthlichen Wirthen in den „Deutschen Komödianten“, so auch dem Ossip in dem „Incognito“. Dieser, das Leben und die feineren Sitten der Residenz kennend, wird beim Gogolj entschieden die Unschicklichkeit nicht begangen haben, ohne „Pojas“ (Gürtel), im flatternden Hemde, Herrschaften gegenüber aufzutreten; er wird sich möglichst aller Purzelbäume entschlagen, die nur einem Hanswurst anstehen, und nie wird er bis zum Hässlichen übertreiben. Doch können wir nicht verschweigen, dass viele Einzelheiten im Spiel des Herrn Kopka befriedigten. Dass Herr Goritz sein überwiegendes Talent zum Tragischen an komischen Rollen ausnutzt, ist der Lage nach ein zwar anzuerkennendes, zugleich aber bedauernswerthes Opfer. Herrn Rogall können wir betreffs seiner gestrigen Darstellung des Dubowsky leider nur dieses Angenehme sagen, dass sein vorzüglicher Gestus und seine dramatische Mimik auch auf Herrn H. Rogall, seinen Sohn, übergegangen ist, von dem bei Fleiss und anhaltender Liebe zur Kunst mehr zu erwarten steht, als ihm anzuwenden Gelegenheit geboten wird. Er sowohl, als die übrigen Vertreter

Объ газеты отзываются съ похвалою о комедіи Гоголя; „Dörptsche Zeitung“ кромѣ того упоминаетъ, что Гоголя

der Tapkin-, Klopoff- und Burkin-Rollen, ebenso die beiden Edelleute machten ein allen Lobes werthes Zusammenspiel. Die Damen K o p k a und L u t h e r vermochten nicht die Grenze des Mittelmässigen zu überschreiten; wo sie es versuchten, waren ihnen die Losungsworte „richtige Declamation und Auffassung“ entfallen. — F. —

II. Предварительная замѣтка о представленіи „Ревизора“ на нѣмецкой сценѣ лѣтняго театра въ саду Ремесленного Общества, помѣщенная въ „Neue Dörptsche Zeitung“ въ № 184 въ концѣ отзыва объ исполненіи ком. „Glass Wasser“: „..... Hoffen wir, dass der zu morgen angesetzte, beim Dorpater Theater-Publicum von früher her bekannte „Revident“, unstreitig das beste Lustspiel des russischen Theaters, sich einer sorgfältigeren Aufführung [г. рецензентъ былъ крайне недоволенъ постановкою ком. „Glass Wasser“] zu erfreuen haben wird“.

III. Отзывъ о представленіи „Ревизора“ на нѣмецкой сценѣ 13-го августа 1871 года, помѣщенный въ „Neue Dörptsche Zeitung“ 1871 г. въ № 187, въ фельетонѣ подъ заглавіемъ „Gogolj's Revident“: „Diese Ueberschrift für die am letzten Freitag hier zur Aufführung gekommene freie Bearbeitung des „Revisor“ ist nur der Kürze wegen gewählt worden. In Wirklichkeit sahen wir weder das „Repertoirestück aller russ. Bühnen“, wie es auf dem Zettel heisst, noch die Junkelmann'sche freie Bearbeitung, sondern mussten vorlieb nehmen mit einer Mache, wie sie die Laune einzelner Schauspieler erzeugte. Es steht ja ziemlich fest, dass Gogolj's Revident auf der deutschen Bühne, einem deutschen Theaterpublicum gegenüber nur in freier Bearbeitung aufgeführt werden kann. Dialektische und dialogische Schwierigkeiten, zum Theil auch gesellschaftliche Rücksichten sind es, die eine Abweichung vom Original nöthig machen. Dass die Junkelmann'sche Bearbeitung im Ganzen im Geiste Gogolj's sich bewegt, ist nicht schwer zu erkennen. Aber hat man schon hier zu Freiheiten seine Zuflucht genommen, die den Dialog und vieles Charakteristische des Originals oft in schreiender Weise beeinträchtigen, um so sorgfältiger sollten die deutschen Bühnenleitungen darüber wachen, dass durch willkürliche Zusammenschneidungen und Auffassungen der Rollen Seitens der Schauspieler selbst nicht noch ein Uebrigtes zum gänzlichen Entfremden des vortrefflichen Lustspiels hinzugethan werde. Es sind nur sehr wenige, vielleicht zwei, drei Hauptgestalten, die wir bei der neulichen Aufführung wiederzuerkennen vermochten: Chlestakow, Ossip und mit manchem Vorbehalt auch der Schulinspector und der Kreisrichter. Herr Berent gab den Chlestakow. An der Auffassung

называютъ Диккенсомъ Съвера, и что отъ тонкой наблюдательности этихъ двухъ поэтовъ не ускользнули темныя стороны

dieser verzogenen, noch durchaus milchbärtigen, aber in der nordischen Residenz bereits nach allen Richtungen hin abgethetzten stereotypen Erscheinung hätten wir nur in sofern auszusetzen, als H. Berent dieselbe durchweg zu gesetzt nahm. Chlestakow verleugnet seine Jugendlichkeit niemals. Er ist ebenso knabenhaft übermüthig, als knabenhaft furchtsam. Beides hätte der Darsteller mehr pointiren müssen: die Furchtsamkeit gegenüber dem Auftreten des Stadthauptes im Gasthaus, den flegelhaften Uebermuth namentlich gegenüber den Kleinstädterinnen. Sonst war die Erscheinung recht wirksam und entschädigte einigermaassen für die wirkungslos gebliebene Gegenfigur des Stadthauptes. In Bezug auf den Vortrag des H. Berent können wir die Bemerkung nicht unterdrücken, dass derselbe viel schneller dahineilt. Die höhere russische Conversation will, gleich der französischen, leicht, elegant, schnell ausgeübt werden. — Was sein Herr übersprudelnd schnell ist, das ist der von Herrn Schelper dargestellte Ossip langsam und schwerfällig in Rede und Bewegung. Ossip ist, wie jedes alte Familienstück einer russischen Gutsherrschaft, wichtig, brummig, ewig über die Handlungen des ihm, wie er nicht anders glaubt, auf absolute Verantwortung anvertrauten jungen Herrn reflectirend. Wir freuen uns, dass Herr Schelper wenigstens zum Theil die inneren Züge dieser prächtigen Figur getroffen hat. Dieses Verdienst fällt um so vollgiltiger ins Gewicht, als die Rolle selbst gegen die Junkelmann'sche Bearbeitung, wir wissen nicht, ob aus Bequemlichkeit oder aus besserer Einsicht, ganz unbarmherzig zusammengeschritten ist, so dass die wichtigsten Momente weggefallen sind und es der Geschicklichkeit des Schauspielers überlassen bleibt, dieselben zu kennzeichnen. Entschieden fehlerhaft ist es, die äussere Erscheinung des Ossip zu carikiren. Die Kupfernase, das in die Augen gestrichene Haar sind durch Nichts motivirt. Ossip darf sogar eher würdig als lächerlich und einfältig erscheinen. Sein Humor ist ein tief ernster. Die Würde des alten treuen Dieners äussert sich denn auch in dem langen, von dem „gnädigen Herrn“ auf ihn überkommenen Rock, den er zugeknöpft tragen muss, so dass das nationale Kennzeichen gewahrt und doch verwahrt bleibt. Herr Möller spielte seinen Schulinspector recht brav, nur hier und da übertrieb er, wie in der Vorstellungsscene. Herr Karl hingegen, dessen Kreisrichter sonst die Kritik wohl aushalten könnte, pointirte zu wenig, was namentlich von der Eingangsscene gilt, die er nächst Dubowitzki und später Dob- und Bob-schinski beherrschen muss. Diese beiden drastischen Figuren kamen leider bei der Freitagsvorstellung gänzlich zu Schanden.

чиновничества, которыя, по мнѣнію газеты, все еще, къ сожалѣнію, столь многочисленны во всѣхъ странахъ; газета

Herr Julius gab in der äusseren Erscheinung einen Zwiebelrussen, wohingegen dem Dobschinski des Herrn Guthery, wie vortrefflich er costümiert und maskiert war, aller und jeder Inhalt fehlte. Von dem Text der Rolle wenigstens schien nur soviel übrig geblieben zu sein, als Herr Guthery daran übrig zu lassen für gut fand. —ch

IV. Предварительная замѣтка о представленіи „Ревизора“ въ нѣмецкой передѣлкѣ 13-го августа 1871 года, помѣщенная въ „Dörptsche Zeitung“ 1871 г., въ № 184, въ концѣ отзыва объ исполненіи комедіи „Dass Glass Wasser“: „Müssen wir der Direction für die Aufführung des reizenden, auch technisch so befriedigenden Lustspiels dankbar sein, da wir doch einen recht vergnügten Abend verlebt, so wird das morgen (Freitag) gewiss noch mehr der Fall sein, wo das Lustspiel „Der Revident“ von dem berühmten russ. Humoristeu Gogol über die Bühne gehen wird. Wir haben diesen Verfasser den nordischen Dickens (Boz) nennen hören, eine Bezeichnung, die ihn sofort charakterisieren muss. Der scharfen Beobachtung beider Dichter sind die Kehrseiten des Beamtenwesens, leider in allen Ländern noch immer so zahlreich, nicht entgangen. Von Dickens sind sie in verschiedenen Romanen zum Gegenstand der köstlichen Satire gemacht worden. Dem Gogol ist es in diesem Stücke gelungen ein vortreffliches Bild kleinstädtischer Tschinowniks zu entwerfen. Man kann den Revident (Revisor) nicht lesen ohne dabei laut zu lachen, selbstverständlich wird bei der Aufführung das Komische viel mehr zur Geltung kommen. X

V. Отзывъ о представленіи „Ревизора“ въ нѣмецкой передѣлкѣ 13-го августа 1871 г., помѣщенный въ „Dörptsche Zeitung“ 1871 г., въ № 186: „Nicht ohne Erstaunen erkannten wir gestern in wie hohem Grade unser Theaterpublicum unselbstständig ist. Obgleich die Aufführung, sowie das Stück selbst zum herzlichen Lachen wiederholt reizte, somit den Zweck vollständig erreichte, obgleich die Mehrzahl des Publicums entschieden zufrieden war, liess sich doch diese Mehrzahl von einigen wenigen dahin lenken, die gewöhnlichen Zeichen des Beifalls nicht zu geben. Da nun die Aufführung wirklich eine gute war, so konnte dies nur entmuthigend, somit zu Ungunsten des Publicums wirken. Einige haben gemeint, die Auffassung sei zu possenhafte gewesen, was einigermaassen wahr sein mag, doch dürfen wir nicht vergessen, dass das Stück nichts als eine satirische Posse ist, was kein Vorwurf gegen Gogol sein soll, hat ja Shakespeare selbst Possen z. B. Die Irrungen — geschrieben. Die ganze Anlage des Revidenten ist possenhafte. Die Figuren in demselben sind ohne Ausnahme Narren blos; jede Situation ist possenhafte bis

видить въ „Ревизорѣ“ только сатирическій фарсъ, что впрочемъ не ставить Гоголю въ упрекъ, такъ какъ и Шекспиръ писалъ фарсы.

О вольной передѣлкѣ Альберта Юнкельмана говорится только въ „Neue Dörptsche Zeitung“. Театральный критикъ этой газеты (1871 г.) недоволенъ передѣлкою. Хотя онъ и сознаетъ съ одной стороны невозможность передачи на нѣмецкій языкъ всѣхъ тонкостей гоголевскаго слога, но съ другой стороны обрушивается на г. Юнкельмана за допущенныя имъ вольности и сокращенія, искажающія смыслъ пьесы.

Что касается исполненія, то, между тѣмъ какъ „Dörptsche Zeitung“ хвалить игру артистовъ въ 1871 году, „Neue Dörptsche Zeitung“ подвергаетъ строгой критикѣ гг. исполнителей 1866 и 1871 годовъ. Въ 1866 году комикъ Копка,

auf den Schluss, in welchem angedeutet, dass die ganze lächerliche Gemeinheit von Neuem wieder losgehen kann. Das auf die Nase fallen des Bobtschinsky (Act I) ist vorgeschrieben. Das Zusammenschlagen der Köpfe beim Gratuliren (Act III) ist vorgeschrieben, ebenso der Zank zwischen Bobtschinsky und Dobtschinsky gegen Schluss; wiederholt giebt der Verfasser die Bühnenanweisung, der Schulinspector solle ja nur halb auf seinem Stuhl sitzen u. s. w. Etwas anderes als eine vorzügliche satirische Posse aus dem Stück zu machen, halten wir für unmöglich. Dies geschah. Es wurde im Ganzen recht gut gespielt, nur war Fr. Giers im ersten Act auf einem Irrwege, im zweiten und dritten gefiel sie uns besser. Wenn in dem Stück ein Lichtpunkt ist, kann es nur in der Gestalt der Tochter gefunden werden. Die Beamten sind alle Schurken, Bobtschinsky und und Dobtschinsky „grosse Ochsen“, zu dumm, um die Niederträchtigkeiten ihrer Bekannten würdigen zu können. Damit das Bild nicht gar zu schwarz wird, muss das Mädchen einfältig und kindisch, sie ist auch eine Närrin, doch nicht ohne Anmuth gegeben werden. Die Herren Schelper, Guthery und Julius hatten die Masken sehr gelungen gewählt und spielten ihre Rollen vortrefflich. Fr. Gross ist immer sattelfest. Mit dem Spiel des Herrn Directors waren wir vollständig einverstanden, und gefiel uns besonders die Betrunkentheits-Scene (Act II). Mit Anstand solche Scenen zu spielen ist stets schwer, man übertreibt gar leicht, in diesem Falle war bei voller Klarheit der Anstand ganz bewahrt. Im Ganzen wiederholen wir, war die Aufführung höchst lobenswerth X

игравшій Осипа былъ мѣстами слишкомъ карикатуренъ; онъ надѣлъ рубашку безъ пояса и позволялъ себѣ клоунскія выходки; г. Горицъ придалъ своему Хлестакову трагическій оттѣнокъ; г. Рогаль I — городничій былъ во многомъ неудовлетворителенъ. Прочіе чиновники, по мнѣнію газеты сыграли хорошо. Г-жа Копка-Анна Андреевна и г-жа Лютеръ-Марья Антоновна не были въ состояніи перейти границы посредственности. — Въ 1871 г. неудовлетворительность передѣлки г. Юнкельмана была еще усугублена произвольными сокращеніями, а также и произвольнымъ пониманіемъ ролей со стороны гг. актеровъ. Только отчасти удовлетворительны были: директоръ Берентъ-Хлестаковъ; г. Шальперъ-Осипъ; г. Мёллеръ-Хлоповъ; г. Карль-Тяпкинъ-Ляпкинъ; роли городничаго, а также Бобчинскій [г. Юліусъ] и Добчинскій [г. Гутѣри] совершенно не удались.

Какъ уже выше было замѣчено, „Dörptsche Zeitung“ похвалила игру актеровъ въ 1871 году. Я нѣсколько остановлюсь на этомъ отзывѣ, тѣмъ болѣе, что такого рода явное противорѣчіе во мнѣніяхъ двухъ газетъ можетъ быть также объяснено ихъ профессиональнымъ антагонизмомъ. „Dörptsche Zeitung“ начинаетъ свою рецензію съ того, что отмѣчаетъ крайнюю несамостоятельность мѣстной публики. Хотя по неудержимому всеобщему смѣху публики и по мнѣніямъ отдѣльных лицъ можно было заключить, что представленіе понравилось, все же вслѣдствіе вліянія немногихъ большинство не аплодировало. Газета приводитъ сужденіе противниковъ: „игра была слишкомъ шутовская“, и тутъ же старается это извинить и обосновать тѣмъ, что „весь строй, весь планъ Ревизора шутовской“, что „лица въ немъ всѣ безъ исключенія только шуты.“ Слѣдствіемъ такого мнѣнія, далеко не совпадающаго, какъ извѣстно, съ мнѣніемъ самого автора, должна быть, разумѣется, почти огульная похвала всѣхъ исполнителей: „играли въ общемъ весьма хорошо.“ Въ игрѣ директора Берента газетѣ особенно понравилась сцена опьянѣнія. Шальпера, Гутѣри и Юліуса газета хвалитъ какъ за гримъ, такъ

и за игру. Изъ рецензіи „Dörptsche Zeitung“ мы узнаемъ, что Анну Андреевну играла г-жа Гроссъ, а Марью Антонову — г-жа Гирсъ. Намъ, не бывшимъ зрителями въ 1871 году, трудно рѣшить, которая изъ двухъ газетъ болѣе права, все же приходится отдать предпочтеніе критикѣ „Neue Dörptsche Zeitung“, какъ болѣе обстоятельной.

Нельзя не замѣтить, что артисты 1866 года, какъ Горицъ, Рогаль I, а также артисты 1871 года, какъ Берентъ, Шальпѣръ, Гутѣри, Юліусъ — силы далеко не заурядныя, но и имъ оказались гоголевскіе типы не по плечу, что впрочемъ не удивительно: и на русской сценѣ не особенно много артистовъ; исполнившихъ и исполняющихъ роли въ „Ревизорѣ“ вполне безукоризненно, такъ какъ же требовать безупречной игры отъ иностранцевъ?!

Послѣ 1871 года никогда больше не играли „Ревизора“ на нѣмецкой сценѣ, не смотря на то, что въ семидесятыхъ годахъ появился полный, но не вполне точный переводъ г-на Ланге, а въ началѣ 90-хъ годовъ изданъ былъ самый лучший переводъ г-на Фидлера, слѣданный по послѣднему Тихонравовскому изданію „Ревизора“.

На эстонской сценѣ г. Юрьева „Ревизора“ не давали. Правда, въ 90-хъ годахъ хотѣли поставить его, но редакторъ-издатель эстонской газеты Олевикъ г. Гренцштейнъ забраковалъ переводъ и посоветовалъ отложить представленіе до появленія лучшаго перевода.

„Женитьба“, въ переводѣ г. Луйги (Luiga) подъ заглавіемъ „Naise wõtmise“, была поставлена на сценѣ общества „Wanemuine“ ¹⁾ директоромъ Вирою [Wiera] 1 октября

1) Эст. Общество „Wanemuine“ [Wanemuine, Ванемуйне — названіе эст. бога пѣнія и музыки; общество „Wanemuine“ было долгое время преимущественно пѣвческимъ обществомъ] основано въ 1865 году, имѣетъ съ 1870 года собственное помѣщеніе и тѣсно

1895 года. Рецензентъ газеты „Postimees“ не могъ быть на представленіи, вслѣдствіе чего отзывъ ни о пьесѣ, ни о переводѣ, ни объ игрѣ исполнителей¹⁾ не было²⁾. По зая-

связано съ начатками эстонскаго театра въ г. Юрьевѣ. Въ заѣзъ этого общества, вмѣщающемъ человѣкъ 300, состоялось 24-го іюня 1870 года первое эстонское представленіе, устроенное г. Янсеномъ [Jannsen], редакторомъ эст. газ. „Eesti Postimees“; шла пьеса Кэрнэра „Der Vetter aus Bremen“, переведенная и приспособленная къ эст. жизни — „Saaremaa opuroeg“ — дочерью названнаго редактора, Лидіею Янсень, извѣстною въ эст. литературѣ подъ псевдонимомъ „Koidula“ [ея перу принадлежитъ также первая оригинальная эст. пьеса „Maret ja Miina“, игранная въ томъ же году]; исполнителями были сыновья г. Янсена и одинъ товарищъ-студентъ. Въ 1874 году былъ образованъ комитетъ, который принялся за правильную постановку спектаклей, при чемъ женскія роли не исполнялись болѣе мужчинами. Во главѣ комитета стоялъ до 1890 года фотографъ Р. Захкеръ (R. Sachker), который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ первыхъ, а также однимъ изъ лучшихъ исполнителей. Съ 1874 по 1890 г. давали преимущественно комедіи, драмы какъ изъ эст. жизни, такъ и переводныя; между послѣдними значатся даже „Магометъ“ Вольтера и „Венеціанскій купецъ“ Шекспира. Съ 1890 года перешелъ театръ въ руки г. Виры (Wiera), очень способнаго музыканта-самоучки, получившаго незадолго передъ тѣмъ отъ высшаго начальства разрѣшеніе давать самостоятельно эст. театральныя представленія. Уже во время комитетской дѣятельности г. Виры поставилъ нѣсколько пьесъ съ пѣніемъ [такъ напр., въ 1878 г., „Преціозу“, въ 1887 „Фатиницу“ и др.], а съ 1890 г. налегъ онъ почти исключительно на мелодрамы, оперетки и фарсы съ пѣніемъ; въ концѣ XIX столѣтія была исполнена подъ управленіемъ г-на Виры, если не ошибаюсь, въ нѣсколько сокращенномъ и упрощенномъ видѣ опера „Іосифъ въ Египтѣ“. Исполнителями пьесъ на эст. языкѣ являются любители, посвящающіе сценическому искусству лишь часть своего свободнаго времени. Между тѣмъ какъ среди эстонцевъ были и имѣются профессиональные талантливые художники, скульпторы, музыканты, пѣвцы, до сихъ поръ эта нація не выработала порядочнаго актера въ настоящемъ смыслѣ этого слова и все еще довольствуется любительскими, подчасъ весьма слабыми, представленіями. Латыши и финны, вступившіе одновременно съ эстонцами на театральное поприще, очень далеко опередили своихъ сосѣдей въ этомъ отношеніи.

1) Агафя Тихоновна — г-жа Муру; Арина Пант. — г-жа Леппикъ; Ѳекла Ивановна — г-жа Соо; Подколесинъ — г. Лаасъ; Кочкаревъ — г. Пуна; Яичница — г. Штейнертъ; Анучкинъ — г. Леппикъ; Жевакинъ — г. Мэрска; Дуняша — г-жа Бригитта; Стариковъ — г. Каллипъ; Степанъ — г. Паапъ.

2) Ср. замѣтку газ. „Postimees“ 1895 г. въ № 219.

яленію директора Виры еще два раза была сыграна „Женитьба“. Когда состоялись повторенія, а также появился ли какой-нибудь отзывъ послѣ повторенія пьесы, я, къ сожалѣнію, не могъ узнать.

Этимъ я заканчиваю свой докладъ. Изъ вышесказаннаго видно, что Гоголь побывалъ на всѣхъ почти сценахъ города Юрьева ¹⁾. Правда, въ русскихъ спектакляхъ истинныхъ жрецовъ Таліи и Мельпомены замѣняли [порой очень удачно] любители драматическаго искусства, такъ какъ гг. пріѣзжіе заправскіе артисты, въ виду близкаго знакомства публики съ произведеніями Гололя, а также въ виду трудности художественнаго исполненія его комедій, очень рѣдко заносили въ свои афиши имя Гоголя; но надо надѣяться, что и университетскій городъ Юрьевъ со временемъ получитъ свой постоянный русскій театръ, чѣмъ будетъ облегчена болѣе безукоризненная, художественная постановка классическихъ произведеній русской драматической литературы!

І. Змигродскій.

-
- 1) На 12 сценахъ г. Юрьева были играны произведенія Гоголя:
 1) „Женитьба“ — 11 разъ; отрывки изъ „Женитьбы“ — 1 разъ;
 2) „Ревизоръ“ — 9 разъ; отрывки изъ „Ревизора“ — 3 раза;
 3) „Тяжба“ — 5 разъ; 4) „Записки сумасшедшаго“ въ отрывкахъ — 3 раза; кромѣ того были читаны отрывки изъ „Мертвыхъ душъ“ 2 раза.

В. А. Жуковскій и Н. В. Гоголь въ латышской литературѣ.

Мм. Гг.

Жуковскій и Гоголь очень различнаго рода дѣтели русской литературы. Одинъ большею частью — поэтъ-переводчикъ, другой — весь самобытный писатель; одинъ — преимущественно лирическій поэтъ, другой — преимущественно эпическій поэтъ-писатель; одинъ — сентименталенъ, другой — юмористъ; одинъ собираетъ драгоцѣнныя художественныя сокровища на чужбинѣ, другой — на родинѣ; одинъ — романтикъ, другой — реалистъ, и такъ далѣе можно было бы продолжать, намекая на различный характеръ ихъ литературной дѣтельности и на различныя дарованія обоихъ литераторовъ. Но какъ различны и не были ихъ литературная дѣтельность и дарованія, все-таки они оба преслѣдовали цѣли всеобщаго образованія и отечественнаго просвѣщенія, они оба жили по большей части въ одно и то же время, были друзья, скончались и прекратили окончательно свою литературную дѣтельность въ одномъ и томъ же году. Ихъ жизнь и литературная дѣтельность совпадаютъ съ періодомъ преемниковъ Стендера старшаго въ латышской литературѣ. Въ этомъ періодѣ латышскіе писатели-поэты занимались большею частью переводами съ другихъ языковъ, съ нѣмецкаго, французскаго, англійскаго, русскаго и т. д.

Въ XVIII, такъ названномъ философскомъ, вѣкѣ, въ то время, когда Курляндія была еще герцогствомъ, жилъ самый выдающійся мужъ Курляндіи, пасторъ, пробствъ, поэтъ, профессоръ, ученый, Готгардъ Фридрихъ Стендеръ, впоследствии названный Стендеромъ старшимъ. Этотъ славный дѣятель латышской литературы, этотъ первый истинный просвѣтитель латышей, олатышившійся еще въ то время, когда латыши находились въ печальномъ крѣпостномъ состояніи, когда они представляли лишь одно сословіе пахарей, Стендеръ высокопросвѣщенный, дальновидный, великій мужъ, человѣкъ сильнаго, высокаго духа, оставилъ по своей смерти какъ своимъ дѣтямъ и внукамъ, такъ и своимъ товарищамъ и сослуживцамъ свои завѣты: работать и заботиться объ образованіи и просвѣщеніи латышей. И послѣ смерти этого начинателя-учредителя латышской изящной литературы и отеческаго просвѣтителя латышей, многіе на самомъ дѣлѣ старались исполнить его завѣты. О чемъ Стендеръ убѣдительно просилъ своихъ внуковъ въ стихѣ:

А вы, мои веселые внуки,
Слѣдуйте примѣру моему
Ходить по пути справедливости
Достойно —,

то относили къ себѣ и многіе его товарищи и сослуживцы. Не только его сынъ, Іоаннъ Александръ, пасторъ, пробствъ и поэтъ старался ходить по стопамъ знаменитаго отца, ставшій дѣятелемъ латышской литературы, но и многіе другіе слѣдовали примѣру Стендера старшаго. Никогда ни раньше, ни позже еще не воцарилась такая серьезная, ревностная дѣятельность въ области латышской словесности, какъ послѣ смерти Стендера старшаго. Но сынъ его, названный Стендеромъ младшимъ, не былъ такъ силенъ духомъ, какъ отецъ. Между тѣмъ какъ великій, благородный отецъ, стараясь образовывать, просвѣщать латышей, самъ сдѣлался латышемъ, олатынился, сынъ, вѣроятно въ отчаяніи отъ труднаго, печальнаго положенія латышей, намѣренъ былъ онѣмечить латышей. Стендеръ младшій высказываетъ желаніе, чтобы наконецъ во

всей Курляндіи и Лифляндіи былъ только одинъ народъ, одинъ языкъ и одно единственное побужденіе къ честной жизни. Лишь посредствомъ нѣмецкаго языка могутъ, дескать, латыши легче достигнуть образованія ума. Потому онъ усердно побуждаетъ, чтобы латыши изучали нѣмецкій языкъ. Онъ указываетъ на прусскій народъ, который, слившись съ нѣмцами, наконецъ основалъ большое королевство, носящее его названіе: „Прусское“ королевство. Итакъ, Стендеръ младшій выступаетъ первымъ германизаторомъ латышей. — Но съ этимъ въ то время никто не соглашался. Наоборотъ, Эльбервельдъ, тоже пасторъ, пробстъ, латышскій писатель-драматургъ, мужественно сопротивлялся этимъ взглядамъ. Онъ сожалѣетъ, что сынъ мужа, который своими сочиненіями далъ латышамъ болѣе высокую культуру, развилъ латышскій языкъ, что сынъ этого мужа совѣтуетъ латышскому народу бросить и забыть свой языкъ и обратиться въ нѣмцевъ. Когда въ 1815 году основалось Курляндское Общество литературы и искусства, тогда начинали и тутъ ревностно говорить, судить: онѣмечить ли лучше латышей, или заботиться объ ихъ развитіи, не касаясь ихъ національности. И тутъ смѣлый Эльбервельдъ явился усерднымъ защитникомъ латышей. Кто у латыша отнимаетъ языкъ, онъ говорилъ, тотъ похищаетъ и его особый духъ и существо. Другой разъ онъ высказался, что въ Прибалтійскомъ краѣ нѣмцамъ слѣдуетъ говорить скорѣе по-латышски, чѣмъ латышамъ по-нѣмецки.

Эльбервельдъ въ своихъ латышскихъ произведеніяхъ ставилъ лишь цѣлью: развивать и обращать латышскую общественную жизнь, доставить латышамъ хорошее полезное занятіе, т. е. онъ занимался эстетическимъ воспитаніемъ народа. Эльбервельдъ былъ многосторонне-образованный человекъ; онъ основательно занимался философіею, сначала примыкая къ Канту, а потомъ къ натурфилософіи. Въстѣ съ свѣтлымъ, острымъ умомъ, съ духомъ изслѣдователя и способностью правильнаго сужденія, онъ обладалъ глубокимъ сильнымъ чувствомъ, сочувствіемъ къ ближнему,

сердечною любовью къ отечеству и особенно энергичнымъ идеализмомъ.

У грековъ существуетъ сказаніе, что ихъ поэтъ Гомеръ былъ слѣпой, а у латышей не сказаніе, но дѣйствительность, что одинъ изъ ихъ первыхъ поэтовъ, природный латышъ, былъ на самомъ дѣлѣ слѣпой. Это — Neredzīgais (слѣпой) Индрикисъ. Въ то время латыши еще не имѣли фамилій, итакъ назывался Индрикисъ или по физическому недостатку Neredzīgais (слѣпой) Индрикисъ, или по усадьбѣ Elkalejas, въ которой онъ жилъ, Elkalejas Indrikis. Эльбервельдъ, пасторъ его прихода, убѣдившись, что Индрикисъ мальчикъ съ дарованіями, заботился вмѣстѣ со своимъ кюстеромъ, тоже поетомъ-латышемъ, Анджено, о его образованіи, записалъ и опубликовалъ стихотворенія Индрикса въ особенномъ сборникѣ въ 1806 году. Когда, благодаря стараніямъ апостола свободы латышей, Гарлиба Меркеля, милосердый и великодушный Императоръ Александръ I освободилъ латышей отъ крѣпостного состоянія (въ Курляндіи въ 1817 г., въ Лифляндіи въ 1819 г.), то слѣпой Индрикисъ воспѣвалъ многократно это дѣло освобожденія и сталъ, такимъ образомъ, первымъ поетомъ свободы. Въ судьбѣ этого поэта, можно сказать, символически отражается судьба всего тогдашняго латышскаго народа: какъ слѣпой Индрикисъ изъ своей физической темноты — слѣпоты поднялся въ блестящій свѣтъ поэзіи, такъ же латышскій народъ послѣ долгой ночи крѣпостного состоянія пробился къ утру свободы и развитія. Хотя жизнь латышскаго народа тогда была бѣдна, темна и печальна, тѣмъ не менѣе онъ былъ народъ съ дарованіями, которыя при своемъ развитіи обѣщали много прекраснаго и подающаго большія надежды.

Такъ какъ латыши получили только личную свободу безъ земли и какой-бы то ни было другой собственности и лишены были права переселенія въ другую волость, а и подавно въ другой уѣздъ или губернію, то ихъ положеніе еще значительно ухудшилось и барщина продолжалась какъ и прежде. Не имѣя земли и никакого движимаго имущества, освобожденные,

бывшіе въ крайней бѣдности, латыши находились теперь почти въ болѣе печальномъ положеніи, чѣмъ дѣти Израиля въ вавилонскомъ плѣну. Условія существованія израильтянъ дали имъ по крайней мѣрѣ досугъ скорбѣть, такъ что они могли сидѣть у вавилонскихъ рѣкъ и вѣшать свои гусли на ивы и только, когда ихъ приглашали: пой мнѣ пѣсню объ Израилѣ! они отвѣчали: какъ мнѣ пѣть пѣсню объ Израилѣ на чужбинѣ; но латыши были теперь чужіе, голы и наги до крайней бѣдности въ ихъ собственной, когда-то Богомъ имъ такъ же, какъ дѣтямъ Израиля, подаренной странѣ, и имъ было некогда даже ихъ гусли — *kokles* — вѣшать на дубы и ивы у рѣкъ ихъ родины и безмолвно скорбѣть о ихъ судьбѣ; нѣтъ, они должны были теперь съ лопаткою въ рукѣ снова завоевывать ихъ собственную землю по глыбамъ, добыть ее цѣною и кровью, и пѣть сиротскія пѣсни въ ихъ родной странѣ волею неволею. Но милосердый Богъ ихъ не оставилъ въ безотрадномъ положеніи, онъ далъ имъ даръ пѣсни. Въ своихъ дайнахъ они изливали свои чувства и находили въ томъ утѣшеніе:

Суровые господа, сторожа
Не даютъ своевременно отдыха;
Спѣвши, Солнышко, скорѣе къ Богу,
Ниспошли намъ святой вечеръ!

— такъ молится во время барщины въ своей нуждѣ латышъ, обращаясь къ своимъ древнимъ богамъ.

Въ это трудное для латышей время жили Жуковский и Гоголь, въ это трудное время продолжалъ просвѣщеніе латышей между прочими поэтъ, пасторъ Гугенбергеръ, основательно знавшій русскій языкъ, что давало ему возможность хорошо понимать поэзію Державина и переводить на латышскій языкъ басни Крылова. Все-таки, сколько мнѣ извѣстно, Гугенбергеръ ничего не переводилъ изъ сочиненій Жуковскаго и Гоголя. Чѣмъ это объяснить?

Относительно Жуковскаго можно отвѣтить, что за исключеніемъ его не очень многочисленныхъ оригиналовъ тѣ

поэты-писатели, которыхъ онъ переводилъ на русскій языкъ, были Гугенбергеру не менѣе извѣстны, какъ Жуковскому. Но касательно Гоголя, съ начала до конца оригинальнаго писателя, это объясненіе не примѣнимо. Слѣдовательно, мы справедливо удивляемся и спрашиваемъ: чѣмъ же это объяснить? Почему Гугенбергеръ, будучи хорошимъ знатокомъ русскаго языка и быта, не обратилъ своего вниманія, кромѣ Державина и Крылова, и на Гоголя?

Можетъ быть, послужить намъ отвѣтомъ здѣсь то обстоятельство, что русскія книги, которыя намъ и сегодня даже здѣсь въ университетскомъ городѣ иногда едва-ли доступны, во время первой половины XIX вѣка вѣроятно были просто недоступны. Можетъ и быть, что Гугенбергеръ перевода сочиненій Гоголя не считалъ полезнымъ для читающей латышской публики того времени. Наконецъ, надо отмѣтить и то, что Гоголь, какъ изобразитель отрицательныхъ типовъ, мало признавался современниками, о чемъ онъ самъ ясно говоритъ въ началѣ седьмой главы I части Мертвыхъ душъ.

Но такъ или иначе, — это фактъ, что во время жизни и литературной дѣятельности чествуемыхъ поэтовъ-писателей ничего изъ ихъ сочиненій не появилось въ латышской литературѣ.

Не смотря на всѣ затруднительныя обстоятельства, все-таки довольно скоро послѣ смерти Жуковскаго, еще до шестидесятыхъ годовъ, появились нѣкоторые переводы его сочиненій на латышскомъ языкѣ. Естественно, прежде всего былъ переведенъ народный гимнъ, „народная пѣсня“: Боже Царя храни (*Dievs sagi Keizaru*). Лишь въ послѣднихъ трехъ десятилѣтіяхъ прошедшаго XIX вѣка, во время періода націонализма въ латышской литературѣ, начинаютъ чаще появляться переводы произведеній какъ вообще русскихъ поэтовъ-писателей, такъ и Жуковскаго и Гоголя въ частности.

1. Изъ Жуковскаго до сихъ поръ переведено шесть произведеній, при чемъ между ними встрѣчаются четыре изъ самыхъ лучшихъ и замѣчательныхъ повѣствовательныхъ про-

изведеній, содержащихъ, какъ говорится, поэзію въ прозѣ, а именно: 1) „Три сестры. Видѣніе Минваны“, 2) „Марьина роца. Старинное преданіе“, 3) „Къ надеждѣ“ и 4) „Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?“

Принимая въ соображеніе, что многое, именно изъ сочиненій нѣмецкихъ поэтовъ-писателей, напр., изъ Шиллера, Гёте, Бюргера, Гебеля, Уланда и другихъ, изъ которыхъ и Жуковскій черпалъ, переведено на латышскій языкъ; далѣе принимая во вниманіе, что и Одиссея Гомера даже два раза переведена на латышскій языкъ — одинъ разъ съ греческаго, другой — съ нѣмецкаго языка —, надо признаться, что до сихъ поръ имѣются уже двѣ трети изъ всего Жуковскаго на латышскомъ языкѣ.

2. Обращая теперь наше вниманіе на Н. В. Гоголя, сплошь оригинальнаго писателя, мы тоже убѣждаемся о великомъ влияніи его оригинальнаго генія и на латышскую литературу. Гоголь именно первый далъ латышской повѣствовательной литературѣ теперешнее реалистическое направленіе. Изъ всѣхъ его безсмертныхъ сочиненій до сихъ поръ уже больше двухъ третей переведено, и между ними встрѣчаются три изъ самыхъ лучшихъ и геніальныхъ сочиненій этого автора, именно: „Ревизоръ“, „Тарасъ Бульба“ и „Похожденія Чичикова или Мертвыя души“. „Поэма „Мертвыя души“ переведена Вѣзулисомъ, „Ревизоръ“ переведенъ Инд. Алуаномъ и „Тарасъ Бульба“ въ первый разъ переведенъ Трейландомъ-Бривземнѣкомъ, хорошо знающимъ русскій бытъ. Онъ и издалъ на латышскомъ языкѣ жизнеописанія нѣкоторыхъ выдающихся русскихъ писателей, напр., Ломоносова и другихъ. Важнѣйшимъ сочиненіямъ посвящены и подробныя рецензіи. Многія сочиненія переведены нѣсколько разъ, такъ что изъ 15 переведенныхъ отдѣльныхъ сочиненій составляютъ 26 переводовъ.

Начиная съ шестидесятыхъ годовъ и особенно съ послѣдней четверти прошлаго XIX вѣка до настоящаго времени, въ переводѣ сочиненій Жуковскаго и Гоголя участвовали

многіе латышскіе газеты, журналы, календари, литературные сборники и отдѣльныя изданія :

1) Ежедневныя газеты: *Baltijas Vēstnesis* (Балтійскій Вѣстникъ) въ 1882, 1883, 1884 и 1894 гг.; *Deenas Lapa* (Ежедневный Листокъ) въ 1901 г.

2) Еженедѣльныя газеты: *Baltijas Vēstnesis* (Балтійскій Вѣстникъ) въ 1869 г.; *Baltijas Zemkopis* (Балтійскій Сельскій Хозяинъ) въ своемъ приложеніи (*Peelikums*), въ 1880 и 1884 г.; *Valss* (Голосъ) въ своемъ фельетонѣ, въ 1889, 1891, 1894 и 1896 гг.; *Latveetis* (Латышъ) въ 1895, 1896 и 1899 гг.

3) Иллюстрированные еженедѣльные научно-литературные журналы: *Pagalmis* (Дворъ) въ 1881 г.; *Rota* (Уборъ) въ 1886 г.

4) Иллюстрированный ежемѣсячный научно-литературный журналъ: *Austrums* (Востокъ) въ 1891 г.

5) Всеобщій Календарь (*Vispārīgs Kalendārs*) въ 1892 г.

6) Сборники литературныхъ произведеній: *Dzeesmu kronis* (Вѣнокъ пѣсенъ Ю. Цаунита) въ 1858 г.; *Dzeesminas* (Стихотворенія Ю. Алунана) въ 1856 г.

7) Наконецъ, въ отдѣльныхъ изданіяхъ появились на латышскомъ языкѣ сочиненія Гоголя, а именно: „Ревизоръ“ (въ 1871 г.), „Тарасъ Бульба“ (въ 1877 и 1896 гг.), „Страшная мѣсть“ (въ 1880 г.), „Женитьба“ (въ 1894 г.), „Носъ“ (въ 1897 г.), „Мертвыя души“ (въ 1898 г.) и „Вій“ (въ 1902 г.).

Хотя въ это время, т. е., во второй половинѣ XIX вѣка, между латышскими литераторами возбуждено было стремленіе къ національной, самостоятельной латышской литературѣ, все-таки — надо признаться — какъ разъ въ этотъ періодъ, какъ мы только что видѣли и убѣдились, рядомъ съ этимъ и возможно было сдѣлать столь многочисленныя переводы изъ сочиненій какъ многихъ другихъ знаменитыхъ русскихъ поэтовъ-писателей, такъ и здѣсь нами чествуемыхъ.

Какое различіе между ними — Жуковскимъ, великимъ, образованнымъ, сентиментальнымъ толкователемъ иностранныхъ художественныхъ произведеній, и Гоголемъ, великимъ, проникающимъ, юмористическимъ изобразителемъ русской жизни! И тѣмъ не менѣе оба они раздѣляютъ безсмертную славу выдающихся дѣятелей въ области повѣи, т. е. по Гегелю, совокупности-цѣльности искусствъ; оба они пожертвовали свои лучшія, талантливыя, геніальныя силы отечественному развитію и просвѣщенію.

Я. Лаутенбахъ.

Гоголь и Пушкинъ.

Два чудныхъ генія, два великихъ поэта были ниспосланы судьбою на русскую землю. Восполняя одинъ другого въ своихъ поэтическихъ созданіяхъ, они шли по литературно-поэтической дорогѣ, связанные общими интересами и прочною дружбой. Одинъ „мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка“; другой „вызываетъ наружу все, что ежеминутно предъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, — всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога“. ¹⁾

Эти геніи — Пушкинъ и Гоголь.

Въ поэзіи одного мы видимъ величайшій художественный синтезъ русской мысли, русскаго самосознанія; Гоголь-же явился для анализа русской жизни, и съ глубокою любовью къ ней, но и съ болью въ сердцѣ, „сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“, озирая „всю громадно несущуюся жизнь“ ²⁾, совершалъ свою анатомическую работу, возводя въ перлы созданія картины изъ презрѣнной жизни.

1) Сочин. Гоголя изд. Х. Тихонравова III. 130.

2) Ibid.

Но „равно чудны стекла, озирающія солнцы и передающія движенія незамѣченныхъ насѣкомыхъ“¹⁾. Равно велики и оба поэта въ своихъ созданіяхъ. Соединившись вмѣстѣ, они дали начало тому великому литературному теченію, на которомъ и до сихъ поръ лежитъ печать ихъ генія.

Позвольте-же мнѣ на сегодняшней поминкѣ дня смерти великаго поэта остановить ваше просвѣщенное вниманіе на одномъ изъ свѣтлыхъ моментовъ его жизни — на порѣ сближенія его съ Пушкинымъ и на взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ поэтовъ.

Въ іюнѣ 1828 года Гоголь оканчиваетъ курсъ лица, на школьной скамьѣ котораго провелъ онъ семь лѣтъ. Еще съ дѣтства, когда сверстники его думали объ играхъ, „съ самыхъ лѣтъ почти непониманія“, Гоголь „пламенѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства“.²⁾

Эти мечты толкаютъ его въ Петербургъ; служба тамъ представляется его воображенію въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. „Но мысль о писательствѣ ему никогда не всходила на умъ, хотя ему казалось, что онъ сдѣлается человѣкомъ извѣстнымъ, что его ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій, и что онъ сдѣлаетъ даже что-то для общаго добра. Я думалъ просто, говоритъ Гоголь, что я выслужусь и все это доставитъ мнѣ служба государственная. Отъ этого страсть служить была у меня въ юности очень сильна“.³⁾ Въ то-же время жажда знать душу человѣка томила поэта отъ дней его дѣтства и юности, „когда ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго его вниманія, когда все, что только носило на себѣ напечатлѣніе какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало его и поражало“, когда онъ уносился мысленно въ бѣдную жизнь обычныхъ людей, случайно проходившихъ мимо него. Безъ

1) Ibid.

2) Шенрокъ. Письма I. 89.

3) Гоголь IV. 247.

запаса сколько-нибудь основательныхъ познаній въ наукахъ явился Гоголь въ Петербургъ, привезя съ собою тотъ рѣдкій даръ наблюдательности и проникновенія въ сердце человѣка, даръ психологическаго анализа, такъ ярко выступающаго въ его твореніяхъ, да пламенную любовь къ отчизнѣ, для блага которой онъ рвался принести въ жертву всю свою жизнь. Но жизнь въ Петербургѣ на первыхъ порахъ „взглянула на Гоголя какъ-то кисло — непріятно, сквозь какое-то занесенное снѣгомъ окно“. Съ первыхъ-же дней стали преслѣдовать его неудачи и разочарованія : житейская проза, тина обыденной жизни, канцеляріи и департаменты, въ которыхъ, по его словамъ, „бездельно издерживается жизнь человѣка“ — все это разрушало его идеалы, его мечты о странѣ счастья и любимаго труда. . . Быстро смѣняются надежды разочарованіемъ, и только увѣренность въ своемъ высокомъ призваніи спасаетъ поэта отъ отчаянія. По временамъ мучительное душевное состояніе доходитъ до невѣроятной степени напряженія, и наконецъ стонъ наболѣвшей души завершается странной поѣздкой за границу, весьма непродолжительной, но въ психологическомъ отношеніи достойной вниманія.

Среди этого душевнаго гнета, среди исканій своего идеала, среди неудачныхъ стремленій означить свое существованіе въ мірѣ, Гоголь познакомился съ Пушкинымъ и попалъ въ среду лучшихъ литературныхъ силъ того времени. Это былъ 1830 годъ.

Запасшись рекомендательнымъ письмомъ, Гоголь, уже извѣстный по своему участию въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Литературной Газетѣ“, явился къ Жуковскому, который „подаль ему руку и такъ исполнился желаніемъ помочь будущему сподвижнику. И былъ благосклонно любовенъ его взоръ, устремленный на поэта“. Въ свою очередь, Жуковскій сдалъ юнаго питомца музѣ съ рукъ на руки Плетневу, который, принявъ въ немъ горячее участіе, „подвелъ подъ благословеніе“ Пушкина.

Началась для Гоголя новая жизнь, наступилъ свѣтлый

моментъ, началась лучшая страница въ исторіи его поэтическаго творчества. Послѣ душевной канцелярщины свободнѣй вздохнулъ Гоголь въ этой чистой атмосферѣ, гдѣ все дышало гениемъ Пушкина. „Свѣтлымъ взглядомъ настоящаго генія, говоритъ біографъ Гоголя, Пушкинъ прозрѣлъ въ застѣнчивомъ, неловкомъ молодомъ другѣ явленіе необычайное, хотя онъ только смутно предчувствовалъ въ этомъ непредставительномъ малороссѣ воплощеніе той великой грядущей силы, которой было суждено вскорѣ открыть новый періодъ въ нашей литературѣ созданіемъ натуральной школы“¹⁾).

Во все время своего поэтическаго творчества Гоголь видѣлъ въ лицѣ Пушкина свой идеалъ, предъ которымъ благоговѣйно преклонялся и къ голосу котораго всегда чутко прислушивался. „Ничего не предпринималъ я, говоритъ Гоголь въ одномъ изъ писемъ по поводу смерти Пушкина, безъ его совѣта; ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его предъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое — вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы“²⁾). Въ самомъ дѣлѣ, случится-ли какая непріятная цензурная зацѣпка, выйдетъ-ли изъ-подъ пера Гоголя новое произведеніе, понадобится-ли совѣтъ, — во всѣхъ подобныхъ случаяхъ Гоголь обращается къ Пушкину, въ немъ видитъ опору въ своихъ трудахъ, утѣшителя въ неудачахъ. „Вышла вчера довольно непріятная зацѣпка по цензурѣ по поводу „Записокъ сумасшедшаго.... Я долженъ ограничиться выкидкою лучшихъ мѣстъ“³⁾ — такъ жалуется Гоголь Пушкину на цензурную задержку своей книги. „Я посылаю вамъ предисловіе; сдѣлайте милость — просмотрите, и если что, то поправьте и переищите тутъ-же чернилами“³⁾). „Вы читайте, пишетъ Гоголь Пушкину въ другомъ письмѣ, посылая ему томъ „Арабесокъ“, и, сдѣлайте

1) Шенрокъ. Матеріалы I. 339.

2) Шенрокъ. Письма I. 432.

3) Ibid. 329.

милость, возьмите карандашъ въ ваши ручки и никакъ не останавливайте негодованія при видѣ ошибокъ, но тотчасъ-же ихъ всѣ на-лицо. Мнѣ это очень нужно“¹⁾). Въ другомъ письмѣ Гоголь проситъ Пушкина возвратить данное ему для замѣчаній произведеніе — рѣчь идетъ о комедіи „Женитьба“: „Сдѣлайте милость, пришлите скорѣе и сдѣлайте наскоро хоть сколько-нибудь главныхъ замѣчаній“²⁾). Въ этихъ словахъ писемъ слышится глубокое дружеское довѣріе Гоголя къ поету, то довѣріе, какое Пушкинъ внушилъ ему съ первыхъ дней своего съ нимъ знакомства своимъ непринужденнымъ, пріятельскимъ отношеніемъ. Прибавимъ сюда еще и то глубокое боготвореніе, какое питалъ Гоголь, по свидѣтельству его друга Данилевскаго, къ Пушкину еще съ отроческихъ лѣтъ, со школьной скамьи; прибавимъ и то глубокое проникновеніе Пушкина въ душу человѣка, умѣнье сразу подмѣтить талантъ, угадать и пробудить къ жизни то, что еще смутно и почти бессознательно таилось въ душѣ молодого писателя, — и мы поймемъ, чѣмъ былъ Пушкинъ для Гоголя, мы поймемъ то восклицаніе послѣдняго въ письмѣ къ Жуковскому, которое такъ ярко выражаетъ его отношеніе къ Пушкину: „О Пушкинъ, Пушкинъ! Какой прекрасный сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни!“³⁾).

Еще въ дѣтствѣ, въ пору лицейской жизни, проявлялась у Гоголя та веселость, тотъ юморъ, который такъ ярко блещетъ въ первыхъ его произведеніяхъ; еще съ дѣтства въ самыхъ раннихъ его сужденіяхъ находили умѣнье замѣчать тѣ особенности, которыя ускользаютъ отъ вниманія другихъ людей, какъ крупныя, такъ и мелкія и смѣшныя. „Говорили, что я умѣю не то что передразнить, но угадать человѣка, . . . но все это не переносилось на бумагу, и я, говоритъ Гоголь, даже не

1) Ibid. 329.

2) Шенрокъ. Письма I. 353.

3) Письма I. 459.

думалъ вовсе о томъ, что сдѣлаю со временемъ изъ этого употребленіе“ ¹⁾).

По собственному признанію поэта, его первыя произведенія „Вечера на хуторѣ“ не были еще плодомъ душевной потребности творить, хотя, по замѣчанію Пушкина, послѣдній былъ изумленъ этой книгой. „Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность. Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я еще доселѣ не успокоился“ ²⁾. Таковъ былъ общій, бодрящій начинающаго поэта, отзывъ Пушкина о „Вечерахъ“ ³⁾. Самъ Гоголь объясняетъ ихъ происхожденіе молодостью, „во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы. . . И, можетъ быть, съ лѣтами и съ потребностью развлекать себя веселость эта исчезнула-бы, а съ ней вмѣстѣ и мое писательство“ ⁴⁾. Дреmlющія душевныя силы, силы необыкновенныя, разбудилъ въ Гоголѣ Пушкинъ, этотъ, по выраженію его, „брошенный съ неба поэтическій огонь, отъ котораго, какъ свѣчки, зажглись другіе самоцвѣтные поэты“ ⁵⁾. Этимъ поэтическимъ огнемъ воспламенилъ Пушкинъ музу „великаго меланхолика“, отъ этого огня загорѣлись самыя лучшія поэтическія его созданія. „Обо мнѣ, говоритъ Гоголь, много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставять такъ ярко

1) Въ другомъ мѣстѣ, по поводу появленія II изданія „Вечеровъ“, Пушкинъ, вспоминая первое впечатлѣніе произведенное ими ни него самого и на публику, говоритъ между прочимъ: „Всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ малороссійской природы, этой веселости простодушной и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы русской книгѣ, которая заставляла насъ смѣяться, мы, не смѣявшіеся со временъ Фонвизина“. (Сочин. Пушкина IX. 409).

2) Гоголь, Сочиненія IV, 248,

3) Пушкинъ. Сочиненія. Изд. Суворина 87. VIII. 526.

4) Гоголь. IV. 248—249.

5) Сочин. Гоголя IV. 187.

пошлость жизни, пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ“¹⁾. Понимая своей гениальной душой это внутреннее свойство души поэта, Пушкинъ заставилъ Гоголя взглянуть на дѣло серьезно. „Онъ уже давно склонялъ меня, признается Гоголь, приняться за большое сочиненіе и, наконецъ, одинъ разъ, послѣ того какъ я прочелъ ему одно небольшое изображеніе небольшой сцены, онъ мнѣ сказалъ: Какъ съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами представлять его вдругъ всего, какъ живого, съ этой способностью не приняться за большое сочиненіе. Это просто грѣхъ! Въ заключеніе всего отдалъ мнѣ свой собственный сюжетъ, изъ котораго онъ хотѣлъ самъ сдѣлать что-то въ родѣ поэмы, и котораго, по его словамъ, онъ не отдалъ-бы другому никому. Это былъ сюжетъ „Мертвыхъ душъ“. Мысль „Ревизора“ принадлежитъ тоже ему“²⁾.

Въ запискахъ Смирновой-Россетъ по поводу передачи Пушкинымъ сюжета „Мертвыхъ душъ“ мы находимъ слѣдующую замѣтку: „Пушкинъ провелъ четыре часа у Гоголя и далъ ему сюжетъ для романа, который, какъ Донъ-Кихотъ, будетъ раздѣленъ на пѣсни. Герой объѣдетъ провинцію. Гоголь воспользуется своими путевыми записками“³⁾. Самъ Гоголь во многихъ мѣстахъ своей переписки говоритъ о своей поэмѣ, какъ о созданіи, „внушенномъ“ Пушкинымъ, какъ о „священномъ его завѣщаніи“. Я долженъ, пишетъ онъ къ Жуковскому, продолжать мною начатый большой трудъ, писать который взялъ съ меня слово Пушкинъ, которого мысль есть его созданіе и который обратился для меня съ тѣхъ поръ въ священное завѣщаніе“⁴⁾. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ, по поводу смерти Пушкина, Гоголь снова говоритъ

1) Сочин. Гоголя IV. 86.

2) Ibid.

3) Шенрокъ. Матеріалы III. 72.

4) Ibid. I. 441.

о своей поэмѣ, въ созданіи которой, по его словамъ, Пушкинъ игралъ не маловажную роль: „И теперешній трудъ мой — дѣло идетъ о „Ревизорѣ“ и „Мертвыхъ душахъ“ — есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ, и ни одна строка не писалась безъ того, чтобы онъ не являлся очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслию, какъ будетъ доволенъ онъ, угадывалъ, что будетъ нравиться ему, и это было моею высшею и первою наградою“¹⁾.

Принимая во вниманіе эти данныя, трудно согласиться съ мнѣніемъ, будто Гоголь своевольно воспользовался сюжетомъ, злоупотребивъ довѣріемъ своего друга, какъ объ этомъ говоритъ Павлищевъ, сынъ сестры Пушкина. „По этому разсказу, во время одной изъ интимныхъ, кабинетныхъ бесѣдъ съ Пушкинымъ съ глазу на глазъ, Пушкинъ, всегда открытый и довѣрчивый, со свойственной ему безпечностью разсказалъ недавнее происшествіе, случившееся неподалеку отъ села Михайловскаго съ дерзкимъ предпринимателемъ, рѣшившимся, подобно Чичикову, составить состояніе покупкой и продажей мертвыхъ душъ. . . . Окончивъ разсказъ, Пушкинъ прибавилъ, что онъ воспользуется этимъ эпизодомъ для прозаическаго разсказа. Гоголь не подалъ никакого вида, что онъ заинтересовался слышаннымъ, притворившись совершенно равнодушнымъ, а между тѣмъ, не теряя времени, принялся за дѣло, и когда познакомилъ Пушкина съ первыми набросками романа, то послѣдній былъ такъ очарованъ, что примирился, или долженъ былъ примириться съ совершившимся фактомъ“²⁾. Таковъ разсказъ Павлищева. Что Гоголь обращался иногда къ Пушкину за сюжетами, что придумываніе сюжета было для Гоголя затруднительно, видно изъ письма его къ поэту, въ которомъ, разсказавъ ему о своихъ трудахъ надъ созданіемъ „Мертвыхъ душъ“, онъ проситъ его дать „какой-нибудь сюжетъ, хоть какой-нибудь смѣшной, или не смѣшной, но

1) Письма. I. 434.

2) Матеріалы. I. 72.

русскій чисто анекдотъ. Рука дрожитъ, говоритъ Гоголь, написать тѣмъ временемъ комедію. Сдѣлайте же милость, повторяетъ онъ свою просьбу, дайте сюжетъ — духомъ будетъ комедія изъ 5 актовъ и клянусь — куда смѣшнѣе черта“¹⁾. Трудно разобратъся вообще во всѣхъ этихъ версіяхъ, въ нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ между разсказомъ Павлищева и словами самого Гоголя о происхожденіи сюжета поѣмы. Очень возможно, что и самъ Гоголь встрѣчалъ предпринимателей, подобныхъ Чичикову. Описывая свою недавнюю поѣздку въ мѣста, освященныя памятью Гоголя, съ цѣлью собрать отъ живыхъ еще современниковъ поэта свѣдѣнія, которыя доселѣ по разнымъ причинамъ остались неизвѣстными, г. Гиляровскій передаетъ разсказъ самой разговорчивой и памятливей современной Гоголя, Марьи Григорьевны Анисимо — Яновской, о помѣщикѣ Пивинскомъ, дальнемъ родственникѣ Гоголя. Помѣщикъ небогатый, имѣвшій душъ 30 крестьянъ, существовалъ винокурней. Какъ на бѣду стали поговаривать о томъ, что право держать винокурни будетъ предоставлено лишь тѣмъ помѣщикамъ, у которыхъ будетъ не менѣе 50 душъ крестьянъ. Задумались тогда мелкопомѣстные. Эге! Не додумались! сказалъ Пивинскій, да и поѣхалъ въ Полтаву, внесъ оброкъ за своихъ умершихъ крестьянъ, будто за живыхъ. А такъ какъ своихъ, да и съ мертвыми, далеко до 50 не хватало, то набралъ онъ въ бричку горилки, да и поѣхалъ по сосѣдямъ и закупилъ у нихъ за эту горилку мертвыхъ душъ, записалъ ихъ себѣ и, сдѣлавшись, по бумагамъ, владѣльцемъ 50 душъ, до самой смерти курилъ вино и далъ этимъ тему Гоголю, который бывалъ въ помѣстьи Пивинскихъ“²⁾.

И такъ, кто же далъ тему Гоголю? Болѣе вѣроятія въ словахъ самаго Гоголя о передачѣ ему сюжета Пушкинымъ, ибо Павлищевъ слышалъ разсказъ объ этомъ предметѣ отъ своей матери, т. е. изъ третьихъ рукъ. Разсказъ же Анисимо —

1) Письма. I. 354.

2) Русская мысль. 1902. I. 65.

Яновской также не может для насъ быть критеріемъ достовѣрности факта. Очень важнымъ и достовѣрнымъ свидѣтельствомъ слѣдуетъ, конечно, считать замѣтку Смирновой въ ея дневникѣ. Женщина очень умная, интересовавшаяся литературой, сосредоточившая вокругъ себя цѣлую фалангу литературныхъ дѣятелей, она очень интересовалась Гоголемъ и его произведеніями, а потому ея слова снимаютъ съ него тяжкое обвиненіе въ хитромъ присвоеніи чужого сюжета. Какъ-бы то ни было, но фактомъ передачи сюжета нисколько не умаляется слава великаго поэта. Да и съ Пушкинымъ произошелъ подобный случай: сюжетъ „Мѣднаго Всадника“ основанъ на одномъ изъ живыхъ и остроумныхъ рассказовъ Вильгорскаго, которые такъ любилъ Пушкинъ. Участіе Пушкина въ разсматриваемомъ нами случаѣ, кажется, чисто внѣшнее. По свидѣтельству князя Вяземскаго, „Пушкинъ, передавая эту тему Гоголю, думалъ, вѣроятно, что онъ по этой канвѣ вышлетъ анекдотическую повѣсть съ обычной оригинальностью и мастерствомъ“¹⁾. Вышло совершенно иначе. Поэтъ рѣшился показать въ поэмѣ хоть „съ одного боку“ всю Русь, „всю мелочь громадно — несущейся жизни“.

Уже первыя главы поэмы поразили Пушкина. „Когда я, говоритъ Гоголь, началъ читать Пушкину первыя главы изъ „Мертвыхъ душъ“, въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи, началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, и сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: „Боже, какъ грустна наша Россія!“²⁾ Въ запискахъ Смирновой передаются подобныя же мысли Пушкина, возбужденныя въ немъ чтеніемъ „Мертвыхъ душъ“. „Невеселая штука Россія“, говорилъ онъ; Гоголь ничего не выдумываетъ, это совершенная правда, это страшная правда“³⁾.

1) Письма III. 485.

2) Сочин. Гоголя. IV. 88.

3) Матеріалы I. 74. 75.

И такъ Пушкинъ, передавая сюжетъ, совершенно не думалъ, что онъ захватитъ такое громадное поле жизни. Вся заслуга Пушкина въ данномъ случаѣ состоитъ лишь въ томъ, что онъ, проникнувъ своимъ гениемъ въ силы Гоголя, далъ имъ толчекъ, направилъ ихъ на болѣе плодотворную дѣятельность. Подобный сюжетъ, по собственному признанію Пушкина, онъ самъ не разработалъ бы лучше Гоголя.

О передачѣ Пушкинымъ сюжета „Ревизора“ мы находимъ въ „Авторской исповѣди“ Гоголя лишь незначительную замѣтку. Слова Гоголя подтверждаются и записками Смирновой, которая говоритъ слѣдующее: „Иуковский рѣшилъ, что я должна потребовать, чтобы хохолъ прочелъ мнѣ свою комедію „Ревизора“. Они устроили у меня обѣдъ: Сверчокъ (Арзамасское прозвище Пушкина), хохолъ, Плетневъ, Віельгорскій, и Гоголь читалъ свой шедевръ, который отличается необыкновеннымъ юморомъ. . . . Этотъ анекдотъ, взятый изъ дѣйствительности, рассказалъ ему Пушкинъ“¹⁾. Пушкинъ же много помогалъ въ постановкѣ пьесы на сцену, прося, напримѣръ, Смирнову поговорить о ней и расположить Государя въ пользу „Ревизора“. Вскорѣ Смирновой представился случай замолвить слово предъ Государемъ о Гоголѣ и его новой пьесѣ, при чемъ она не преминула указать на то, что сюжетъ комедіи данъ Гоголю Пушкинымъ. „Успокойте автора, сказалъ ей императоръ, если Пушкинъ находитъ у него талантъ — этого достаточно, скажите это отъ меня. Вы знаете, что я питаю большое довѣріе къ Пушкину“ (Ш. М. Ш. 18).

Но первое представленіе новой комедіи произошло въ отсутствіе Пушкина, который былъ тогда въ деревнѣ. Послѣдній, по словамъ Гоголя, „хотѣлъ писать полный разборъ ея для своего журнала“ и, между прочимъ, просилъ Гоголя „увѣдомить, какъ она была выполнена на сценѣ“²⁾.

И такъ подъ вліяніемъ Пушкина, который „вдохнулъ въ

1) Матеріалы Ш. 16.

2) Письма. II. 96. 97.

Гоголя увѣренность въ его призваніе и своими указаніями помогъ ему вступить на тотъ великій путь, на которомъ онъ прошелъ такое блистательное поприще¹⁾, созданы были два величайшія произведенія, которыя стали для Гоголя задачей всей его послѣдующей дѣятельности, тяжелымъ подвигомъ всей послѣдующей жизни. Передъ обществомъ развернулась безотрадная картина жизни „скучной, противной, поражающей печальной своею дѣйствительностью“, картина зла и несправедливостей, какія дѣлаются „въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости“.

„Сурово, по словамъ Гоголя, поприще такого писателя, ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, чтобы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни и возвести ее въ перлъ созданія“. Выставить наружу все зло, всю пошлость громадно-несущейся жизни и горькимъ словомъ своимъ посмѣяться — великій, гражданскій, патріотическій подвигъ Гоголя.

Но если Пушкинъ такъ хорошо умѣлъ понять своего друга, разгадать все, что тлѣло въ тайникахъ души его; если онъ умѣлъ направить дѣятельность его на истинный путь, помогая ему, насколько и въ чемъ было возможно, вплоть до указанія книгъ, которыя должны быть прочтены, то и Гоголь, въ свою очередь, своей поэтической душой сумѣлъ понять Пушкина. Если онъ и преклонялся предъ гениемъ поэта, то это преклоненіе не было слѣпымъ преклоненіемъ предъ авторитетомъ — это было вполне сознательное увлеченіе его гениемъ, основанное на глубокомъ пониманіи его творчества. Въ то время когда лицеисту Гоголю профессоръ Никольскій старался, хотя и безуспѣшно, передать свое восхищеніе Сумароковымъ и Херасковымъ, Гоголь зачитывается „Онѣгинымъ“ и вновь выходящими стихами Пушкина. Въ то время, какъ „старики и богомольныя тетуски старались увѣрить, что стихи Пушкина

1) Матеріалы III. 32.

разсѣиваютъ вольнодумство“, Гоголь называетъ его „идеаломъ молодыхъ людей“, говоритъ, что „стихи его воспитали и образовали истинно благородныя чувства, говоритъ о смѣломъ благородствѣ его мыслей и отвагѣ души“ ¹⁾. Какъ напоминаетъ этотъ отзывъ извѣстные стихи Пушкина изъ стих. „Памятникъ“:

„И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ“,

между тѣмъ эти мысли о значеніи поэзіи Пушкина были высказаны Гоголемъ года за 4 до появленія „Памятника“. Къ этому-же 1832 году, когда были сказаны Гоголемъ эти мѣткія слова о Пушкинѣ, относится небольшая, но интересная статья „Нѣсколько словъ о Пушкинѣ“, главная мысль которой заключается въ опредѣленіи истиннаго значенія Пушкина, какъ національнаго поэта. „Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Гоголь, никто изъ поэтовъ нашихъ не выше его и не можетъ болѣе назваться національнымъ“. Гоголь дѣлаетъ упрекъ критикѣ за ея бездѣйствіе по отношенію къ оцѣнкѣ сочиненій Пушкина, за ея несправедливую подчасть оцѣнки. „По справедливости-ли оцѣнены послѣднія его поэмы? Опредѣлили-ли, поняли-ли кто „Бориса Годунова“, это высокое, глубокое произведеніе“ ²⁾ — спрашиваетъ Гоголь, который самъ былъ, если можно сказать, внѣ себя, когда еще въ 1830 году прочелъ „Бориса Годунова“. Тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ этой трагедіи Пушкина, Гоголь написалъ Плетневу жаркую статью, горячій панегирикъ ея автору, заканчивающійся слѣдующими словами: „Великій! надъ симъ вѣчнымъ твореніемъ твоимъ клянусь! Еще я чистъ, еще ни одно презрѣнное чувство корысти, раболопства и мелкаго самолюбія не заронилось въ мою душу. Если мертвящій холодъ бездушнаго свѣта исхититъ святотатственно изъ души моей хотя часть ея достоянія; если камень обхватитъ тихо горящее сердце; если презрѣнная, ничтожная лѣнь окуетъ меня; если

1) Тихонравовъ. Сочиненія III. 2. стр. 134.

2) Сочин. Гоголя. V. 207.

дивныя мгновенія души понесу на торжище народныхъ хвалъ; если опозорю въ себѣ тобой исторгнутые звуки. . . . О! тогда пусть оболъется оно немолчнымъ ядомъ, вопьется миллионами жалъ въ невидимаго меня, неугасимымъ пламенемъ упрековъ обовьетъ душу и раздастся по мнѣ тѣмъ пронзительнымъ воплемъ, отъ котораго бы изныли всѣ суставы и сама бы бессмертная душа застонала“¹⁾. Статья эта, появившаяся еще почти въ самомъ началѣ поэтическаго творчества Гоголя, въ знаменательный для него годъ знакомства съ Пушкинымъ, служить яркой характеристикой энтузіазма Гоголя, его благоговѣнія къ Пушкину. Эти мечты о будущемъ, эта торжественная клятва предъ геніемъ поэта свидѣлствуютъ о томъ, что Гоголь сразу отдаетъ себя подъ руководство, подъ охрану Пушкина. А какая мѣткая оцѣнка „Бориса Годунова“ въ названіи его „вѣчнымъ твореніемъ“, — и это тотчасъ же вслѣдъ за его появленіемъ.

Вопросы, предложенные Гоголемъ обществу, относительно оцѣнки Бориса Годунова, стоятъ въ тѣсной связи съ его воззрѣніемъ на критику „Довѣрять современной критикѣ, по мѣткому выраженію Пушкина, въ чемъ бы то ни было — непростительная слабость. Критика въ нашихъ журналахъ, говорилъ Пушкинъ, или ограничивается сухими библіографическими извѣстіями, сатирическими замѣчаніями, болѣе или менѣе остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается въ домашнюю переписку издателя съ сотрудниками, съ корректоромъ. Критики наши говорятъ: хорошо, потому что прекрасно, а это дурно, потому что скверно. Отселѣ ихъ никакъ не выманишь“²⁾. Своими статьями Пушкинъ призывалъ критическій талантъ, чтобы, благодаря ему, истинная критика могла наконецъ руководить общественнымъ мнѣніемъ; передавая Гоголю свои литературно-поэтическіе идеалы, Пушкинъ призывалъ и его заняться критикою. Оба

1) Сочин. Гоголя. V. 70.

2) Сочин. Пушкина. IX. 218.

поэта чувствуютъ необходимость въ такомъ журналѣ, который далъ бы, наконецъ, отпоръ Гречу, Булгарину, Сеньковскому и всей той литературной тлѣ, литературной черни, которая захватила въ свои руки монополію критики. Гоголь дѣятельно принимается за составленіе исторіи критики. Въ своей статьѣ „О движеніи журнальной литературы“ онъ, подобно Пушкину, жалуется на отсутствіе журнальной критики. „Можетъ быть, говоритъ онъ, давно у насъ не было такъ рѣзко замѣтно отсутствія журнальной дѣятельности и живого современнаго движенія, какъ въ послѣдніе два года“, т. е. въ 1834—35 годахъ. Присяжный критикъ Сеньковский „никогда не говорилъ о внутреннемъ характерѣ разбираемаго сочиненія“, занимаясь разборомъ разнаго литературнаго сора. „О чемъ же говорятъ наши журналы, спрашиваетъ Гоголь? Они говорятъ о себѣ, они хвалятъ въ журналахъ собственныя свои сочиненія, на все другое обращая какое то холодное, безстрастное вниманіе“¹⁾). Гоголь упрекаетъ современную критику въ пренебреженіи къ собственному мнѣнію, результатомъ чего журнальная критика была по большей части какимъ-то гаерствомъ. „Если счесть всѣхъ авторовъ, говоритъ Гоголь, которые попали въ первоклассные, то можно подумать, что нѣтъ въ свѣтѣ богаче русской литературы“. Гоголь упрекаетъ современную критику въ литературномъ безвѣріи и невѣжествѣ: „Нигдѣ не встрѣтишь, чтобы упоминались имена уже окончившихъ поприще писателей нашихъ, которые глядятъ на насъ въ лучахъ славы съ вышины своей. Ни одинъ изъ критиковъ не поднималъ благоговѣйно глазъ своихъ, чтобы ихъ примѣтить“²⁾). Упрекаетъ онъ современную ему критику и въ отсутствіи чистаго эстетическаго вкуса и наслажденія, любви къ искусству. Такъ вслѣдъ за Пушкинымъ и Гоголь жалуется на то-же, на что жалуется и его учитель. Общность ихъ взглядовъ и мнѣній не подлежитъ сомнѣнію.

Подъ вліяніемъ воззрѣній Пушкина Гоголь усвоилъ себѣ

1) Соч. Гогол. V. 486. 490, 491. 503.

2) Гоголь. V. 504.

самыя идеальныя воззрѣнія на искусство и художника, весьма сходныя съ взглядами Пушкина. Эти воззрѣнія развиты Гоголемъ въ его повѣсти „Портретъ“, которая является какъ-бы его художническимъ исповѣданіемъ вѣры. „Изслѣдуй, изучай все, что ни видишь, покори все кисти, но во всемъ умѣй находить внутреннюю мысль, и пуще всего старайся постигнуть высокую тайну создателя. Блаженъ избранныкъ, владѣющій ею. Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ! Въ ничтожномъ художникъ-создатель такъ-же великъ, какъ и въ великомъ. Въ презрѣнномъ у него нѣтъ презрѣннаго, ибо сквозить сквозь него прекрасная душа создавшаго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души“. Это основное воззрѣніе Гоголя на искусство запечатлѣлось на всѣхъ страницахъ его созданій. При такомъ воззрѣніи, естественно, Гоголь требовалъ отъ поэта-художника чистоты душевной, „дабы озарять картины изъ презрѣнной жизни и возводить ихъ въ перлы созданія“. Кто заключилъ въ себѣ талантъ, тотъ, по словамъ Гоголя, долженъ быть чище всѣхъ душой. Онъ, подобно Пушкину, требуетъ независимости искусства, которое не должно стремиться къ матеріальной, практической пользѣ, поддѣлываться подъ вкусъ и требованіе толпы: искусство свободно и независимо, оно не ремесло, и художникъ, рабствующій передъ толпой, перестаетъ быть художникомъ, обращаясь въ ремесленника.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Гоголь былъ тѣсно связанъ съ Пушкинымъ, былъ плоть отъ плоти его. Оба они, великіе гении русской поэзіи, шли рука объ руку, пока пуля не сразила Пушкина. И почему знать — быть можетъ печальный закатъ поэзіи Гоголя не насталъ-бы такъ быстро, если-бы былъ живъ его руководитель-другъ. Но „великаго не стало!“ воскликнулъ Гоголь, получивъ роковое извѣстіе о смерти поэта. „Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Мои свѣтлыя минуты моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ предъ собою Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки, я плевалъ на презрѣнную

чернь. Мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово¹⁾).

И долго еще болѣзненнымъ стономъ надрывалось сердце поэта при мысли объ этой роковой утратѣ. Изъ своего „прекраснаго далека“ онъ шлетъ дань признательности сердца тому, кто былъ для него всѣмъ, что есть драгоценнаго для сердца.

Замолкли пѣсни Пушкина . . . Замолкалъ понемногу горькій смѣхъ его друга. Время живой творческой дѣятельности его быстро близилось къ закату. . . .

1) Письма I. 434.

П. Сосновскій.

М. А. Мойеръ въ жизни и поэзіи Жуковскаго.

Въ нашемъ изложеніи мы имѣемъ въ виду остановиться на отношеніяхъ В. А. Жуковскаго къ М. А. Протасовой. Вопросъ этотъ имѣетъ особенный историко-литературный интересъ, такъ какъ отношенія эти отразились на поэтической дѣятельности Жуковскаго¹⁾. Кромѣ того отношенія эти характеризуютъ свѣтлую личность поэта.

Первые годы своего дѣтства Жуковскій провелъ въ родственной ему по крови и симпатіямъ семьѣ помѣщика Бунина. Сестры его, дочери Бунина, были гораздо старше его, что ставило Жуковскаго къ нимъ въ особые отношенія. Поэтому Жуковскій сблизился со своими племянницами Марьей и Александрой Андреевнами, дочерьми Екатерины Аѳанасьевны Протасовой. Такому сближенію особенно способствовали занятія Жуковскаго съ племянницами въ 1805—1808 гг. Извѣстно, что Жуковскій, входя въ затруднительное положеніе Екатерины Аѳанасьевны Протасовой, потерявшей мужа и не имѣвшей достаточно средствъ для того, чтобы дать своимъ дочерямъ образованіе, вызвался помочь ей въ этомъ. Вотъ что говоритъ біографъ Жуковскаго о его ученицахъ:

„Я имѣлъ счастье знать ихъ обѣихъ въ цвѣтъ ихъ жизни. Хотя въ теченіе многолѣтней врачебной практики я

1) См. Загаринъ, Жуковскій и его произведенія, стр. 183—185.

видѣлъ многихъ прелестныхъ и отлично образованныхъ женщинъ въ разныхъ кругахъ общества, но образы Марьи и Александры Андреевнѣ, преждевременно оставившихъ свѣтъ и друзей своихъ, живы въ моей памяти до старости. Вполнѣ понимаю, какъ Жуковский всею душею привязался къ этимъ дѣвицамъ, изъ которыхъ, казалось, онъ ни той ни другой не отдавалъ преимущества“¹⁾).

По всей вѣроятности во время этихъ занятій зародилось въ Жуковскомъ то чувство чистой любви къ М. А. Протасовой, которое потомъ было для Жуковского источникомъ и многихъ радостей, но еще большихъ горестей. Подтверженіе этому мы находимъ въ дневникѣ Жуковского. 9-го іюля 1805 г.²⁾ Жуковский записалъ слѣдующее: „Что со мною происходитъ? Грусть, волненіе въ душѣ, какое-то неизвѣстное чувство, какое-то неясное желаніе! Можно ли быть влюбленнымъ въ ребенка?³⁾ Но въ душѣ моей слѣлалась перемѣна въ разсужденіи ея! Третій день грустенъ, унылъ. Отчего? Оттого, что она уѣхала! Ребенокъ! Но я себѣ ее представляю въ будущемъ, въ то время, когда возвращусь изъ путешествія, въ большемъ совершенствѣ. Вижу ее не такою, какова она теперь, но такою, какова она будетъ тогда, и съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ это себѣ представляю. Это чувство родилось вдругъ, отчего — не знаю, но желаю чтобы оно сохранилось“

Въ лирикѣ этого періода есть стихотворенія, относящіеся къ Марѣ Андреевнѣ. Таково четверостишіе, посвященное ей въ 1806 г.

Мой другъ безцѣнный, будь спокойна!
Да будущаго мракъ — тебя не утратить;
Душа твоя чиста! ты счастья достойна!
Тебя Всевышній наградить!

1) Другіе отзывы указаны у А. Лященко, Литерат. Вѣст. 1902, III. 285. Отзывы А. П. Кернъ у Загарина, стр. 324.

2) Стр. 13.

3) Марѣ Андреевнѣ было тогда 12 лѣтъ (род. въ 1793 г.).

Въ 1808—1809 г. Жуковскій написалъ стих.: „Къ Филалету“ (Ал. Ив. Тургеневу), гдѣ есть строки, касающіяся Марьи Андреевны:

Любовь.... Но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья,
И невозвратное надеждъ уничтоженъе.
Изсякшія души наполню ль пустоту?
Какое счастье мнѣ въ будущемъ извѣстно? . . .
Съ какимъ бы торжествомъ я встрѣтилъ мой покой,
Когда бъ всѣхъ благъ земныхъ, всей жизни приношеньемъ
Я могъ — о сладкій сонъ! — той счастье искупить,
Съ кѣмъ жребій не судилъ мнѣ жизнь мою дѣлить! . . .

Наконецъ, къ 1808 г. относится „Пѣсня“ (Мой другъ, хранитель-ангелъ мой . . .), посвященная Марьѣ Андреевнѣ въ день ея рожденія, гдѣ развившееся чувство поэта нашло себѣ полное выраженіе. Пѣсня эта была положена на музыку Дерптскимъ композиторомъ Вейраухомъ, и Жуковскій впослѣдствіи съ удовольствіемъ прислушивался къ ея исполненію.

Въ 1808 г. Жуковскій отправился въ Москву, гдѣ принялъ на себя редактированіе „Вѣстника Европы“. На прощанье онъ написалъ по тому же поводу 15-лѣтія дня рожденія Марьи Андреевны аллегорическую повѣсть: „Три сестры“. Относительно этой повѣсти біографъ дѣлаетъ замѣчаніе: съ этихъ поръ часто стали встрѣчаться въ произведеніяхъ Жуковскаго геніи прошедшаго, настоящаго и будущаго. (Ср. стих. „Моя тайна“). Онъ намекаетъ при этомъ на счастье. Въ чемъ заключалось это счастье, по представленію Жуковскаго, отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ его статьѣ „Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ“, а также въ „Дневникѣ“. Счастье Жуковскій видитъ достижимымъ лишь въ семейной жизни — „ключъ къ объясненію многихъ событій жизни Жуковскаго“. Лично для себя Жуковскій считаетъ счастье возможнымъ въ жизни съ „Машей“¹⁾.

1) См. у А. Лященко. Литер. Вѣстн. 1902, III, 284—285.

Находясь въ Москвѣ, Жуковскій не могъ отрѣшиться отъ своего чувства¹⁾, и въ 1810 г. онъ вернулся въ Мишенское, гдѣ предался литературнымъ занятіямъ. Черезъ нѣкоторое время онъ купилъ по сосѣдству съ Муратовымъ, деревней Е. А. Протасовой, небольшую деревеньку, гдѣ и поселился.

Между тѣмъ чувство поэта требовало себѣ выхода. Жуковскій сдерживалъ его, но зато оно пробивалось въ его стихотвореніяхъ.

Есть одна во всей вселенной —
Къ ней душа, и мысль объ ней;
Къ ней стремлю, забывшись, руки;
Милый призракъ прочь летитъ.
Кто жъ мои услышитъ муки,
Жажду сердца утолить?“ (Жалоба.)

Въ 1810 г. Жуковскимъ было посвящено Марьѣ Андреевнѣ стих. „Къ ней“, найденное въ ея портфели послѣ ея смерти. Упомянемъ также стих.: „Добрая мать“, „Надпись къ солнечнымъ часамъ“, „Пѣвецъ“.

Даже въ переводныхъ стихотвореніяхъ, которыя Жуковскій конечно выбиралъ соотвѣтственно своему настроенію, звучитъ та же скорбная нотка, какую мы видѣли въ приведенныхъ стихотвореніяхъ. Назовемъ стих.: „Мечты“, „Желаніе“, „Цвѣтокъ“, „Узникъ къ мотыльку“ и упомянутыя уже: „Жалобу“ и „Путешественникъ“.

Насталъ 1812 годъ. Жуковскій, очевидно, увѣренный во взаимности Марьи Андреевны, рѣшился объяснитьсь съ Ек. Аѳ. Протасовой и попросить руки Марьи Андреевны. Есть извѣстіе, что въ первый разъ Жуковскій объяснился съ Е. А.

1) Интересно напечатанное въ № 19 Вѣст. Евр. примѣчаніе Жуковского къ ст. „Меланхолія“, характеризующее душевное состояніе поэта въ то время. См. у Загарина, стр. 123—128. Ср. стих. „Пѣсня“ (1808—1809): „Счастливъ тотъ . . .“ и „Путешественникъ.“

Протасовой въ 1810 г. ¹⁾). Екатерина Аѳанасьевна, нѣсколько формально относившаяся къ установленіямъ церкви, наотрѣзъ отказала Жуковскому, ссылаясь на родство, и даже запретила Жуковскому говорить объ этомъ ей, тѣмъ менѣе дочерямъ. Напрасно Жуковскій доказывалъ ей, что препятствій по родству нѣтъ. Ек. Аѳ. не соглашалась, и Жуковскій долженъ былъ уступить.

Тяжко было Жуковскому лишиться надежды на осуществленіе мечты, которую онъ такъ долго лелѣялъ. Скорбное чувство его не могло быть скрыто, несмотря на запрещенія Екатерины Аѳанасьевны. 3 августа, въ сосѣднемъ имѣніи „Чернь“, въ день рожденія владѣльца А. А. Плещеева, въ присутствіи многочисленныхъ гостей, было исполнено положенное на музыку стихотвореніе Жуковского „Пловецъ“. Екатерина Аѳанасьевна осталась очень этимъ недовольна, предполагая, что Жуковскій въ этомъ стихотвореніи намекалъ на свое положеніе. Скоро Жуковскій поступилъ въ Московское ополченіе.

12-ый годъ вызвалъ въ сердцахъ русскихъ людей взрывъ патріотическаго чувства. В. А. Жуковскій также раздѣлялъ общее одушевленіе. Къ этому-то времени относится „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“, принятый съ энтузіазмомъ. И среди военной обстановки не забылъ поэтъ своей „Маши“.

Ахъ! мысль о той, кто все для насъ,
Нашъ спутникъ неизмѣнный;
Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
Зримъ образъ незабвенный;
Она на бранныхъ знаменахъ,
Она въ пылу сраженія,
И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
Веселыхъ сновидѣнья.

Между тѣмъ тяжелый недугъ (горячка) заставилъ Жуковского отстать отъ арміи и уѣхать для поправленія здоровья на родину, куда онъ и прибылъ 6 янв. 1813 г.

Въ Муратовѣ Жуковскій не нашелъ ожидаемаго покоя.

1) Біограф. очеркъ Жуковского, составленный проф. Архангельскимъ.

Около этого времени скончался его другъ В. И. Кирѣевскій, и Жуковскому пришлось утѣшать свою племянницу, вдову Кирѣевскаго, Авдотью Петровну. Сюда присоединилось другое несчастье. Около этого времени Марья Андреевна узнала о любви къ себѣ Жуковскаго. Суровое отношеніе матери подѣйствовало на нѣжную природу дѣвушки, и Марья Андреевна захворала серьезно. Здоровье ея очень тревожило Жуковскаго, что видно изъ писемъ. Такъ, въ письмѣ на имя Авд. Петр. Кирѣевской¹⁾, онъ, совѣтуя ей забыть о смерти мужа, предлагаетъ ей заняться наблюденіемъ за состояніемъ Машина здоровья: . . . „Теперь всякое новое потрясеніе пагубно для Маши. Форъ (французъ — врачъ, взятый въ плѣнъ и жившій въ Черни; ему поэтъ посвятилъ особое стихотвореніе) говоритъ: *il est bien temps de prendre des precautions serieuses*“ . . . Особливо съ Машею должно быть какъ можно осторожнѣе. Вы знаете, что все падаетъ прямо къ ней на сердце и въ немъ остается: она скрываетъ всякое огорченіе въ самой себѣ Посмотрите на нее. Эта слабость просто меня ужасаетъ. Милая, вамъ можно быть ея хранителемъ. Дайте же мнѣ слово, что съ этой минуты даже и тогда не огорчите ее своимъ упрекомъ, когда бы имѣли на то право. . . . Веселость души нужнѣе для нея всѣхъ Форовыхъ лѣкарствъ, и вы владѣете этимъ вѣрнымъ лѣкарствомъ Если нѣтъ болѣзни, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что нѣтъ нужды и въ предосторожности. Напротивъ, при такомъ хиломъ здоровьѣ, каково Машино, нужно имѣть осторожность неусыпную и не оставлять безъ замѣчанія ни малѣйшей бездѣлицы“.

Это письмо имѣетъ особенный смыслъ въ виду того, что отношенія Екатерины Аѳанасьевны къ Марьѣ Андреевнѣ не отличались особенной нѣжностью²⁾. Въ другомъ письмѣ на имя Авдотьи Петровны онъ опять совѣтуетъ ей не предаваться горю, а заняться воспитаніемъ дѣтей, при чемъ поручаетъ „Машу“

1) Рус. Стар. 1883, № 1, стр. 189 etc.

2) См. Лит. Вѣст., 1902, III, 281. Дневн. 25 стр.

ея особенному вниманію. Дѣлаетъ это онъ „для собственнаго счастья“, которое онъ видитъ только въ ихъ „миломъ кругѣ“. Да и для его поэтической славы они должны „стараться быть сколь можно счастливѣе“, такъ какъ „безъ душевнаго спокойствія нельзя трудиться съ успѣхомъ.“

Для того, чтобы выяснитъ вопросъ, возможно ли для него счастье съ Машей, Жуковскій прибѣгалъ къ авторитету уважаемыхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ; между прочимъ особенно онъ надѣялся на авторитетъ Ив. Ив. Лопухина, масона, человѣка, лично извѣстнаго императору Александру I. ¹⁾ Лопухинъ, къ которому Екатерина Аванасьева относилась съ уваженіемъ ²⁾, отнесся очень сочувственно къ дѣлу Жуковского, и Жуковскій подъ вліяніемъ этого уже создалъ себѣ идеалъ тихаго счастья. Душевное состояніе его выражается въ слѣдующихъ словахъ: „Самъ бросить своего счастья не могу“, пишетъ онъ: „пускай его у меня вырвутъ; пускай его мнѣ запретятъ; тогда, по крайней мѣрѣ, не я буду причиной своей утраты“ . . .

Между тѣмъ, Марья Андреевна чувствовала себя неловко по отношенію къ Жуковскому, такъ какъ объясненія между ними не было, хотя она и знала о любви къ себѣ Жуковского. Наконецъ объясненіе произошло и было причиной сильнаго гнѣва Екатерины Аванасьевны.

Въ 1813 г. въ семьѣ Протасовыхъ появился довольно извѣстный сатирическій писатель Александръ Фёдоровичъ Воейковъ ³⁾, впоследствии профессоръ русской литературы въ Дерптѣ. Ставъ женихомъ Александры Андреевны, Воейковъ настолько измѣнилъ свои отношенія къ Жуковскому ⁴⁾, введшему его въ семью Протасовыхъ, что Жуковскій вынужденъ былъ удалиться въ Чернь къ Плещеевымъ. Отсюда, ободренный Лопухинымъ, митр. Филаретомъ и др., Жуковскій еще разъ пріѣхалъ въ Муратово попытать счастья, такъ какъ знакомые взялись распо-

1) Ср. Р. Арх. 1883, II, 313—314.

2) Ibidem, 316, примѣч.

3) Его характеристика у Загарина, стр. 155.

4) Жуковскій одно время желалъ себѣ даже смерти. Рус. Стар. 1883, II. 438.

ложить Екатерину Афанасьевну въ его пользу. Но знакомые слова не сдержали, и Екатерина Афанасьевна осталась при своемъ. Марья Андреевна была принуждена сказать, что готова жертвовать своимъ счастьемъ для спокойствія матери¹⁾. Жуковский думалъ, что счастье для него возможно лишь въ томъ случаѣ, если мнѣніе Екатерины Афанасьевны о невозможности брака будетъ опровергнуто голосомъ, идущимъ съ трона и поддержаннымъ авторитетнымъ духовнымъ лицомъ²⁾.

Свадьба Александры Андреевны и Воейкова была назначена на 2 іюля, а послѣ этого Протасовы собирались въ Дерптъ. Жуковский желалъ сопровождать ихъ, но его останавливало отношеніе къ нему Воейкова и Екатерины Афанасьевны. Какъ чувствовалъ Жуковский себя въ Муратовѣ, видно изъ его словъ:

„И эти люди называютъ себя христіанами? Что это за религія, которая учитъ предательству и вымораживаетъ изъ души всякое состраданіе? Эти люди-эгоисты, подъ святымъ именемъ христіанъ, смотрятъ на людей свысока. Однимъ несчастнымъ болѣе или менѣе въ порядкѣ созданія — какое дѣло! Рѣжь во имя Бога и будь спокоенъ!“

Подъ вліяніемъ всего этого Жуковский поселился въ Долбинѣ у племянницъ своихъ Анны и Авдотьи Петровнъ (Юшковыхъ), общихъ друзей его и Марьи Андреевны. Послѣ всего сказаннаго понятны будутъ для насъ стихотворенія Жуковского, относящіеся къ разобранному періоду.

Интересна „Пѣсня“, гдѣ выражаются основные мотивы поэзіи Жуковского.

Есть лучший міръ; тамъ мы любить свободны.

Туда моя душа ужъ все перенесла.

Туда всечасное влечетъ меня желанье.

Тамъ свидимся опять; тамъ наше воздаянье

Въ другомъ стихотвореніи³⁾ находимъ похожее мѣсто:

1) Р. Стар. 1883, II, 439.

2) Р. Арх. 1895 г., прилож., стр. 139.

3) А. И. Тургеневу.

„Пришедъ туда, о другъ, съ какимъ презрѣннемъ
Мы бросимъ взоръ на жизнь, на гнусный свѣтъ,
Гдѣ милое одинъ минутный цвѣтъ,
Гдѣ доброму слѣдовъ ко счастью нѣтъ,
Гдѣ мнѣніе надъ совѣстью властитель,
Гдѣ все, мой другъ, иль жертва иль губитель.

Въ стих. 29 янв. 1814 г. Жуковскій говоритъ :

Мнѣ ангелъ мой хранитель,
Твой видъ принявъ, сказалъ: „я другъ навѣки твой!“
Въ семъ словѣ все сказалъ небесный утѣшитель.
Въ семъ словѣ цѣль моя, надежда и вѣнецъ.
Благодарю за жизнь, Творецъ!

Въ стих. „Къ самому себѣ“ Жуковскій даетъ себѣ совѣтъ
искать утѣшенія въ настоящемъ.

Баллада „Эльвина и Эдвинъ“, по свидѣтельству Зейдлица,
имѣетъ прямое отношеніе къ Жуковскому. Эдвинъ и Эльвина лю-
бятъ другъ друга, но счастье ихъ разрушаетъ старикъ, отецъ
Эдвина :

„Разстаньтесь!“ роковое слово
Сказалъ онъ наконецъ.

И во многихъ стихотвореніяхъ этого періода, и ориги-
нальныхъ и переводныхъ, звучитъ скорбная нота. Назовемъ
нѣкоторыя: „Эолова арфа“, „Теонъ и Эсхинъ“, „Обѣтъ“,
„Алина и Альсимъ“ — и даже въ „Пѣвцѣ въ Кремлѣ“ —
последняя строфа. Но въ такъ наз. „Долбинскихъ“ стихо-
твореніяхъ Жуковского слышится бодрость, часто даже перехо-
дящая въ шутливость. Можно видѣть здѣсь благотворное
вліяніе Долбинской жизни, а можетъ быть Жуковскій хотѣлъ въ
нихъ забыть предстоящую разлуку съ близкими сердцу. Инте-
ресно въ этомъ отношеніи его стихотвореніе „Добрый совѣтъ“,
гдѣ авторъ указываетъ на значеніе въ жизни любви, надежды
и терпѣнья.

Свадьба А. А. Протасовой и Воейкова, назначенная на
2 іюля, состоялась 14, и то благодаря матеріальной помощи

Жуковского. Протасовы собирались въ Дерптъ. Жуковский рѣшилъ ради спокойствія Марьи Андреевны отказаться отъ своего счастья и войти въ семью Протасовыхъ на правахъ брата и отца. Этимъ онъ думалъ уничтожить то недовѣріе, съ которымъ относилась къ нему Екатерина Аѳанасьевна. „Чего я желалъ?“ писалъ онъ Марьѣ Андреевнѣ: „Быть счастливымъ съ тобою. Изъ этого теперь должно выбросить только одно слово, чтобы все замѣнить. Пусть буду счастливъ тобою“¹⁾).

Послѣ долгихъ переговоровъ Жуковский получилъ отъ Екатерины Аѳанасьевны Протасовой позволеніе сопровождать ихъ въ Дерптъ. Отъ Дерптской жизни онъ не ждалъ ничего отраднаго. И дѣйствительно онъ не долго тамъ выжилъ²⁾. Недовѣріе къ нему было такъ сильно, что онъ и Марья Андреевна должны были переписываться, хотя жили въ одномъ домѣ. Жуковский рѣшилъ уѣхать. Хотя онъ писалъ, что отъѣздъ для него „не будетъ жертвой“, однако состояніе духа его было тяжелое. „Теперь что мнѣ осталось? Начинать новую жизнь безъ цѣли, безъ бодрости и за какимъ счастьемъ гнаться? . . . Сердце ноетъ, когда подумаешь, чего и для чего меня лишили“³⁾).

Передъ отъѣздомъ онъ писалъ Марьѣ Андреевнѣ: „Я никогда не забуду, что всѣмъ тѣмъ счастьемъ, какое имѣю въ жизни, обязанъ тебѣ, что ты мнѣ давала лучшія намѣренія, что все лучшее во мнѣ было соединено съ привязанностью къ тебѣ, что, наконецъ, тебѣ же я былъ обязанъ самымъ прекраснымъ движеніемъ сердца, которое рѣшилось на пожертвованіе тобою — опытъ, самый благодѣтельный на всю жизнь: онъ увѣряетъ меня, что лучшія минуты въ жизни тѣ, въ которыя человѣкъ забываетъ себя для добра и забываетъ не на одну минуту. Сама можешь судить, что въ этомъ во-

1) Р. Стар. 1883, III, 668.

2) Въ домѣ № 20 по б. Цвѣточной (Блумовской), нынѣ улицѣ Жуковского. Въ томъ же домѣ Жуковский жилъ и въ 1816 и 1817 гг. См. у І. І. Змигородскаго, въ его брошюрѣ: „Памяти В. А. Жуковского.“

3) Р. Стар. 1883, III, 670.

споминаніи о тебѣ заключены будутъ всѣ мои должности. Пропади оно — я все потеряю“.

Что переживалъ Жуковскій передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, объ этомъ свидѣтельствуемъ приписка къ одному письму на имя Марьи Андреевны: „Это было написано вчера поутру. Маша, откликнись. Я отъ тебя жду всего. У меня совершенно ничего не осталось. Ради Бога, открой мнѣ глаза. Мнѣ кажется, что я все потерялъ“.

Изъ Петербурга Жуковскій пріѣзжалъ въ Дерптъ на короткое время на крестины новорожденной дочери А. А. Воейковой. Изъ Дерпта онъ писалъ А. И. Тургеневу¹⁾: „Развѣ я поѣхалъ сюда съ тѣмъ, чтобы грѣться подлѣ моего яснаго солнца? Нѣтъ, братъ, оно яснѣе для меня, когда я отъ него далѣе. Тогда оно одно только для меня видно, и ничто противное не темнитъ его милой ясности. Здѣсь я не долженъ на него глядѣть свободными глазами: здѣсь душа, мысли и чувства сжаты“.

24 авг. 1815 г. Жуковскій покинулъ Дерптъ съ твердымъ желаніемъ въ него не возвращаться, „съ самымъ грустнымъ холоднымъ настоящимъ и съ самымъ пустымъ будущимъ въ своемъ чемоданѣ“²⁾. Надежда на счастье съ Марьей Андреевной изрѣдка возвращалась къ нему, но онъ, дорожа спокойствіемъ Марьи Андреевны, отгонялъ ее, хотя могъ бы найти участіе въ императрицѣ Маріи Оеодоровнѣ, которой былъ представленъ.

Въ 1815 г. случилось событіе, опредѣлившее отношенія Жуковского къ Марьѣ Андреевнѣ. Домашній врачъ Протасовыхъ, профессоръ Мойеръ, сдѣлалъ предложеніе Марьѣ Андреевнѣ. Марья Андреевна немедленно сообщила это Жуковскому въ письмѣ отъ 8 ноября 1815 г. Высказывая свое желаніе выйти за Мойера, Марья Андреевна убѣждала Жуковского, что бракъ этотъ уничтожить прежнія отношенія Жуковского къ ней и Екатерины

1) 1 или 2. авг. 1815. См. Р. Арх., 1895, прил., 148.

2) Р. Стар., 1883, IV, 102.

Аоанасьевнѣ и создать лучшія. Объ этомъ же извѣщала Жуковскаго и Екатерина Аоанасьевна. Не сразу отвѣтилъ ошеломленный этимъ извѣстіемъ Жуковскій. Наконецъ онъ отправилъ 27 ноября 1815 г. Марьѣ Андреевнѣ длинное письмо. Въ немъ Жуковскій, признавая отличныя душевныя качества Мойера¹⁾, протестуетъ противъ поспѣшности окончательнаго отвѣта. Онъ подозрительно относится къ такой быстротѣ рѣшенія Маши²⁾ и подозреваетъ здѣсь вліяніе матери, а также желаніе Марьи Андреевны вырваться изъ среды, гдѣ она должна была сталкиваться съ преслѣдовавшимъ ее почему то Воейковымъ. Жуковскій настаиваетъ на необходимости отложить окончательное рѣшеніе, напоминаетъ Марьѣ Андреевнѣ о ея клятвѣ выйти замужъ по собственному выбору, а не по принужденію. Не подался онъ также на заманчивость перспективы жить въ родномъ кругу, которую рисовала ему Марья Андреевна. „Скорѣе соглашусь двадцать разъ себя разбить голову, нежели искать мѣста въ этой семьѣ“³⁾, писалъ онъ. Жуковскій такъ принялъ къ сердцу дѣло „Маши“, что у него даже произошла размолвка съ Ек. Ао. Протасовой, вліянію которой онъ приписывалъ согласіе „Маши“.

6-го декабря 1815 г. Марья Андреевна написала ему новое письмо, гдѣ опровергала его подозрѣнія и убѣждала его, что ея руководить симпатія къ Мойеру. Письмо ея не разубѣдило Жуковскаго, и онъ въ январѣ 1816 г. отправился въ Дерптъ, чтобы лично убѣдиться въ томъ, что ему писали. Въ Дерптѣ онъ пробылъ недолго. Увидѣвъ взаимную склонность Марьи Андреевны и Мойера, Жуковскій далъ свое согласіе на бракъ. Отношенія его къ Марьѣ Андреевнѣ опредѣлились: онъ сталъ къ ней въ положеніе отца. „У меня теперь прекрасная

1) Характеристики его: Р. Арх., 1902, мартъ. Зейдлицъ, 94—95. Отзывъ самого Ж—го о немъ въ Р. Стар., 1883, III, 227. Журналъ М. Н. П., 1902, I, 87 (у проф. Е. В. Пѣтухова). Р. Арх., 1883, II. Загаринъ, 182.

2) Находясь въ августѣ того же года въ Дерптѣ, Жуковскій и не подозревалъ возможности сватовства Мойера.

3) Р. Стар., 1883, V, 361.

цѣль въ жизни“, пишетъ онъ. „У меня руки развязаны дѣлать все, что отъ меня зависитъ, для Машина счастья“¹⁾.

Въ письмѣ на имя Авд. Петр. Кирѣевской отъ 19 февр. 1816²⁾ г. Жуковскій сообщаетъ, что въ эту поѣздку ему удалось помириться и съ Ек. Аѳанасьевной, а также объясниться по душѣ съ Мойеромъ, который, пишетъ онъ, „не только понялъ, но угадалъ и предупредилъ мои мысли“. „Мы теперь съ нимъ вѣрные товарищи — цѣль наша прекрасная! Общее счастье! и это счастье называется Машею“.

Но не слѣдуетъ думать, что въ немъ угасло его чувство къ Машѣ. Въ томъ же письмѣ читаемъ: „во мнѣ есть другой человекъ, которому бываетъ больно, когда онъ замѣтитъ привязанность Маши къ Мойеру. . . . Но онъ связанъ крѣпкими кандалами и осужденъ умереть съ голоду — и онъ умретъ непременно. И знаете ли, что будетъ его убійцею? — что то воздушное, безтѣлесное, живущее въ нижеслѣдующихъ караулькахъ:

Все въ жизни къ великому средство!
И горе и радость — все къ цѣли одной!
Хвала Жизнедавцу — Зевесу!

Настроеніе поэта отражаютъ также его стихотворенія: „Воспоминаніе“, „Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ“ (изъ Гете); „Пѣсня“ (Кольцо души-дѣвицы . .), „Пѣсня бѣдняка“, „Пѣсня“ (Минувшихъ дней очарованье).

Въ апрѣлѣ 1816 года Жуковскій пріѣхалъ въ Дерптъ и имѣлъ въ виду прожить здѣсь годъ до свадьбы, которая была отложена. Хотя „исторій не было“, но не было и согласія въ семьѣ Екатерины Аѳанасьевны. Она не могла помириться съ тѣмъ значеніемъ, какое имѣлъ Жуковскій въ глазахъ Марьи Андреевны. Съ другой стороны Жуковскій терзался за Машу,

1) Р. Стар., 1883, VIII, 228.

2) Ibidem стр. 229 etc.

такъ какъ ему казалось, что ея сближеніе съ Мойеромъ происходитъ медленно¹⁾).

Наконецъ 14 января 1817 г. состоялась въ Успенской церкви свадьба Марьи Андреевны и Мойера. Жуковский увѣковѣчилъ это событіе въ одной изъ строфъ своего „Вадима“:

Молясь, съ подругой сталъ Вадимъ
 Предъ царскими дверями,
 И вдругъ... святой напой предъ нимъ,
 Главы ихъ подъ вѣнцами,
 Въ рукахъ ихъ свѣчи зажжены,
 И кольца обручальны
 На персты ихъ возложены,
 И слышенъ гимнъ вѣнчальный.

Послѣ свадьбы Марьи Андреевны Жуковский хотѣлъ было поселиться въ Дерптѣ, но, чтобы избавиться отъ овладѣвшей имъ апатіи, онъ сталъ искать дѣятельности²⁾. Судьба указала ему дѣло. Въ концѣ 1817 г. онъ былъ избранъ въ учителя русскаго языка къ великой княгинѣ Александрѣ Теодоровнѣ, и тѣмъ начались его тѣсныя связи съ царскимъ семействомъ.

На прощаніе съ Дерптомъ онъ перевелъ изъ Гете: „Утѣшеніе въ слезахъ“ и „Къ мѣсяцу“. Настроеніе поэта было выражено въ одномъ изъ нихъ такъ:

Лейся, мой ручей, стремись!
 Жизньъ ужъ отцвѣла.
 Такъ надежды пронеслись,
 Такъ любовь ушла.
 Ахъ, то было и моимъ,
 Чѣмъ такъ сладко жить!
 То, чего, разставшись съ нимъ,
 Вѣчно не забыть.

1) Е. В. Пѣтуховъ. В. А. Жуковский въ Дерптѣ, стр. 24.

2) Письма В. А. Ж.—аго къ А. И. Тургеневу. Р. Арх. 1895, 176—177.

Лейся, лейся, мой ручей,
И журчанье струй
Съ одинокою моею
Лирой согласуй.

Въ перепискѣ и поэзіи послѣдующихъ лѣтъ мы находимъ мало имѣющаго непосредственное отношеніе къ Марьѣ Андреевнѣ. Упомянемъ краткое стихотвореніе „Мойеру“, гдѣ Жуковскій какъ бы передаетъ ему „Машу“. Но по временамъ поэта посѣщала сильная грусть. Въ такомъ настроеніи написана имъ „Пѣсня“ (Отымаешь наши радости безъ замѣны хладный свѣтъ), которая возбудила сожалѣніе о Жуковскомъ въ Марьѣ Андреевнѣ.

Въ 1822 г. Жуковскій снова видѣлся въ Дерптѣ съ Марьей Андреевной¹⁾. „Я былъ въ Дерптѣ, пишетъ онъ, и радъ тому, что былъ тамъ. Видѣлъ Машу, говорилъ съ нею о ней и доволенъ: это поэзія. Мы говорили о нашей утопіи . . . Судьба погромѣла мимо насъ, поколотивъ насъ мимоходомъ, но не разбивъ нашего лучшаго: любви къ добру, уваженія къ жизни и вѣры въ прекрасное. Все остальное — шелуха“.

Въ февр. 1823 г. Жуковскій былъ въ Дерптѣ вмѣстѣ съ А. А. Воейковой, пробылъ здѣсь двѣ недѣли и 10-го марта возвратился въ Петербургъ. Скоро онъ получилъ поразившее его глубоко извѣстіе о смерти Марьи Андреевны, скончавшейся 19 марта 1823 года. Свое тяжелое горе онъ излилъ въ письмѣ на имя Авд. Петр. Кирѣевской-Елагиной отъ 28 марта 1823 изъ Дерпта. Въ началѣ письма Жуковскій говоритъ о подробностяхъ своего разставанья съ Марьей Андреевной незадолго передъ тѣмъ, потомъ переходитъ къ разсказу о ея смерти. „Горе было для всѣхъ“, писалъ далѣе Жуковскій: „здѣсь всѣ ее потеряли . . . Она казалась спящею на цвѣтахъ. Всѣ

1) Останавливался у Мойера, Карловская ул., № 85, въ теченіе почти 15 послѣдующихъ лѣтъ. См. у. І. І. Змигородскаго въ указанной брошюрѣ.

проводили ее, не было никого, кто бы о ней не вздохнулъ. Ангелъ мой, Дуняша, подумайте, что обо всемъ этомъ пишу къ вамъ я, и поберегите свою жизнь. Другъ милый, примемъ вмѣстѣ Машину смерть, какъ увѣреніе Божіе, что жизнь — святая. Увѣряю васъ, что это теперь для меня понятнѣе; мысль о товариществѣ съ существомъ небеснымъ не есть теперь для меня одно дѣйствіе воображенія; нѣтъ, это опытъ. Я какъ будто вижу глазами этого товарища и увѣренъ, что мысль эта будетъ часъ отъ часу живѣе, яснѣе и ободрительнѣе. Самое прошедшее сдѣлалось болѣе моимъ; промежутокъ послѣднихъ лѣтъ какъ будто бы не существуетъ, и прежнее яснѣе, ближе“ . . .

Это горестное событіе Жуковскій увѣковѣчилъ въ глубоко-трогательномъ стихотвореніи:

Ты предо мною
Стояла тихо,
Твой взоръ унылый
Былъ полонъ чувствъ.
Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ;
Онъ былъ послѣдній
На здѣшнемъ свѣтѣ.
Ты удалилась,
Какъ тихій ангелъ;
Твоя могила,
Какъ рай, спокойна.
Тамъ всѣ земныя
Воспоминанья,
Тамъ всѣ святые
О небѣ мысли.

Звѣзды небесъ!
Тихая ночь!

Память о „Машѣ“ сдѣлалась для Жуковского религіей, а могила — алтаремъ.

„Въ пятницу на святой недѣлѣ, пишетъ Жуковскій въ одномъ письмѣ, мы всѣ были на ея могилѣ; тамъ слышалъ я подъ чистымъ небомъ, смотря, какъ всѣ плакали, стоя на колѣняхъ, и мать и мужъ: „Христосъ воскресъ! и сущимъ во гробѣхъ животь даровалъ“. Это была возвышенная минута жизни. Теперь я знаю, что такое смерть; но безсмертіе стало понятнѣе — жизнь не для счастья; въ этой мысли заключено великое утѣшеніе“.

Тяжело было Жуковскому покидать Дерптъ послѣ смерти Марьи Андреевны. Послѣдніе три дня были проведены на ея могилѣ: садили деревья, цвѣты.

„Первый весенній вечеръ нынѣшняго года, прекрасный, тихій, провелъ я на ея гробѣ“, писалъ онъ изъ Дерпта. „Солнце свѣтило на него такъ спокойно. Въ полѣ игралъ рогъ. Была тишина удивительная. И видъ этого гроба не возбуждалъ никакой мрачной мысли“

Марья Андреевна Мойеръ погребена на православномъ кладбищѣ. Могила ея находится недалеко отъ южной стѣны церкви и украшена чугуннымъ крестомъ съ бронзовымъ распятіемъ. Сооруженъ крестъ Жуковскимъ. На металлической дощечкѣ вырѣзаны имя Марьи Андреевны а также два текста изъ Евангелія: „Да не смущается сердце ваше“ и т. д. (особенно любимый поэтомъ) и „Прійдите ко мнѣ вси труждающіеся“ и т. д. Рядомъ съ ея могилой Жуковскій приготовилъ мѣсто и для себя, но похороненъ, какъ извѣстно, тутъ не былъ.

Мы уже замѣтили, что память „Маши“ стала для Жуковского религіей, а могила — алтаремъ. „Сколько разъ, говоритъ его біографъ, въ теченіе 17 лѣтъ, пока не оставилъ онъ Россію, побывалъ онъ на этомъ кладбищѣ! И въ послѣдніе годы жизни, когда онъ жилъ за границею, сердце влекло его сюда болѣе, чѣмъ когда либо. Здѣсь онъ надѣялся устроить и свое послѣднее земное жилище, но его надежда не сбылась“. Такъ онъ былъ на могилѣ Марьи Андреевны въ 1824 г., когда провожалъ за границу больного Батюшкова.

Онъ пишетъ Авдотѣ Петровнѣ: „передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, я остановился на могилѣ Маши; чувство, съ какимъ я взглянулъ на ея тихій цвѣтущій гробъ, тогда было утѣшительнымъ, умиряющимъ чувствомъ. Надъ ея могилою небесная тишина. Мы провели вмѣстѣ съ Мойеромъ усладительный часъ на этомъ райскомъ мѣстѣ“.

Жуковскій никогда не могъ забыть удара, нанесеннаго ему смертью Марьи Андреевны. Всякое воспоминаніе о ней было ему дорого: онъ, напримѣръ, встрѣчаетъ новый 1831 г. наединѣ, читая письма Марьи Андреевны и какъ бы съ нею бесѣдуя.

Смерть Марьи Андреевны отразилась и на поэтической дѣятельности Жуковского. Въ теченіи нѣсколькихъ слѣдующихъ лѣтъ онъ не создалъ ничего крупнаго. Да и въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ проявлялось по временамъ грустное чувство, напр. въ „Ундинѣ“, „Камоэнсъ“.

Послѣдній разъ Жуковскій былъ въ Дерптѣ въ 1841 г.¹⁾ передъ отправленіемъ своимъ за границу. Онъ по обычаю посѣтилъ могилу Марьи Андреевны и „разстался съ милымъ прошедшимъ“.

Въ послѣдніе годы острое чувство скорби въ Жуковскомъ притупилось и замѣнилось благодарнымъ воспоминаніемъ о прошломъ. Въ этомъ отношеніи характерно слѣдующее четверостишіе, помѣщенное имъ въ одномъ изъ его писемъ Зейдлицу:

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ присутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: „ихъ нѣтъ!“
Но съ благодарностію: „были“.

А. Троицкій.

1) И въ 1824 и въ 1841 гг. останавливался въ гостинницѣ „Лондонъ“.

Гоголь и Тургеневъ: нѣсколько параллелей изъ ихъ жизни.

Ив. С. Тургеневъ въ своихъ „Литературныхъ и житейскихъ воспоминаніяхъ“ сообщаетъ, что въ послѣднихъ числахъ февраля мѣсяца 1852 года онъ случайно въ утреннемъ собраніи одного общества узналъ вмѣстѣ съ другими отъ Панаева о смерти Н. В. Гоголя въ Москвѣ. Подъ первымъ впечатлѣніемъ сообщеннаго ему извѣстія, онъ написалъ извѣстную, прогремѣвшую по всей Россіи вслѣдствіе участіа автора статью: „Письмо изъ Петербурга“, не разрѣшенную въ печати въ Петербургѣ и напечатанную только 13 марта совершенно случайно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ.“ Въ этой статьѣ, къ которой по тону своему вполне подходитъ мнѣніе, высказанное самимъ же Тургеневымъ, „что нѣтъ богатаго купца, о смерти котораго журналы не отозвались бы съ бѣльшимъ жаромъ“, — въ ней впервые употреблено было то имя, которое теперь всѣми безъ спора, единогласно прилагается къ Гоголю — „великій“, и то сужденіе, которое въ наше время всѣми, или съ нѣкоторымъ дѣлежомъ съ Пушкинымъ, считается главнымъ о Гоголѣ: „человѣкъ, который своимъ именемъ означилъ эпоху въ исторіи нашей литературы“. За имя „великій Гоголь“ и за это сужденіе молодой, въ то время только начавшій свою дѣятельность писатель, извѣстный только писатель „Записокъ Охотника“ — ибо еще не было написано имъ ни одного крупнаго произведенія — былъ посаженъ подъ арестъ,

— первые двадцать четыре часа бесѣдовалъ въ сибиркѣ съ изысканно вѣжливымъ и образованнымъ полицейскимъ унтеръ-офицеромъ, а потомъ сосланъ въ деревню. Правда, все обошлось къ лучшему, говоритъ Тургеневъ: „пребываніе подъ арестомъ, а потомъ въ деревнѣ принесло мнѣ несомнѣнную пользу: оно сблизило меня съ такими сторонами русскаго быта, которыя, при обыкновенномъ ходѣ вещей, вѣроятно, ускользнули бы отъ моего вниманія“. Вотъ въ чемъ было суждено возымѣть личности Гоголя „значительное вліяніе на его жизнь“, того Тургенева, который, какъ слушатель профессора-Гоголя, оставилъ намъ страничку воспоминаній о неудачной профессурѣ нашего писателя, того Тургенева, который, понимая Гоголя, какъ человѣка совершенно другого міросозерцанія, чѣмъ онъ, который, восторгаясь имъ, какъ чтецомъ-декламаторомъ своихъ произведеній, благоговѣлъ передъ Гоголемъ-поэтомъ: „Великій художникъ, великій поэтъ былъ передо мною, и я глядѣлъ на него, слушалъ его съ благоговѣніемъ, даже когда не соглашался съ нимъ“.

Вотъ суть воспоминаній великаго Тургенева — они писаны не раньше 68 года — о великомъ Гоголѣ. Въ нихъ, кромѣ справедливой дани творцу „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, особенное вниманіе читателя останавливаютъ два факта: значительное вліяніе личности Гоголя на жизнь Тургенева вслѣдствіе статьи послѣдняго о первомъ, вліяніе „посредственное“, которое отмѣчено самимъ Тургеневымъ словами его, приведенными выше, и разница между міросозерцаніемъ Тургенева и Гоголя — „лежала цѣлая бездна“, по выраженію автора воспоминаній.

Справедливо замѣчаніе Тургенева, что между міросозерцаніемъ его и Гоголя „лежала цѣлая бездна“. Если лицо — зеркало души, то взгляните на портреты этихъ писателей и одного этого достаточно, чтобы сказать, что Тургеневъ и Гоголь — личности ихъ — не похожи другъ на друга. Тургеневъ съ его сѣдыми, густыми волосами, съ такой же бороδοю, окаймлявшей все его лицо, съ его лбомъ, со складками на

немъ и на переносицѣ, съ толстымъ носомъ, съ глубокими и широкими вдумчивыми глазами, нѣжнымъ, жизненно задумчивымъ взглядомъ — настоящий типичный великорусскій помѣщикъ-дворянинъ. Недаромъ его родина — Орелъ, центръ Великороссіи. Иностранцы называли его обаятельнымъ великаномъ, крѣпкимъ гигантомъ съ бѣлыми волосами; онъ величественно красивъ, неизмѣримо красивъ, съ небесной синевой въ глазахъ, съ очаровательной пѣвучестью русскаго говора.

Не то представляетъ наружность Гоголя. Припомнимъ какъ ее нарисовалъ нашъ классическій мастеръ описанія наружности Тургеневъ: „Его (Гоголя) бѣлокурые волосы, которые отъ висковъ падали прямо, какъ обыкновенно у казаковъ, сохранили еще цвѣтъ молодости, но уже замѣтно порѣдѣли; отъ его покатаго, гладкаго, бѣлаго лба такъ и вѣяло умомъ. Въ небольшихъ карихъ глазахъ искрилась по временамъ веселость — именно веселость, а не насмѣшливость; но вообще, взглядъ ихъ казался усталымъ. Длинный, заостренный носъ придавалъ фizioноміи Гоголя нѣчто хитрое, лисье; невыгодное впечатлѣніе производили также его одутловатыя, мягкія губы подъ стриженными усами; маленькій подбородокъ уходилъ въ широкій бархатный черный галстукъ. Въ осанкѣ Гоголя, въ его тѣлодвиженіяхъ было что-то не профессорское, а учительское — что-то напоминавшее преподавателей въ провинціальныхъ институтахъ и гимназіяхъ“. Въ приведенныхъ фразахъ описана наружность Гоголя за полгода до смерти его. Гоголь, не считая его бѣлокурыхъ волосъ, типичный малороссъ изъ-подъ „Пілтавы“. Въ немъ нѣтъ степенности и величавости помѣщика-барича Тургенева; въ его лицѣ проглядываетъ практичность и хитрость. Да и неоткуда было взяться этому у Гоголя. И ихъ родъ — происхожденіе, среда, первоначальное воспитаніе, условія дѣтства и отчасти юности, самая природа ихъ родины чуть ли не діаметрально противоположны. Тургеневъ — русскій европеецъ, поклонникъ Грановскаго и школы западниковъ,

поклонникъ Гегеля и ученыхъ нѣмецкаго моря, въ которомъ онъ сознательно окунулся, искупался и остался на всю жизнь русскимъ европейцемъ; Тургеневъ — лучший представитель взглядовъ незабвеннаго царствованія Царя Освободителя, особенно перваго его десятилѣтія, защитникъ личной свободы, человѣческаго я, „посредственный“ освободитель 22 миллионъ русскихъ крестьянъ отъ рабства; натура мягкая, даже женственная, славянинъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Тургеневъ, дѣйствительно, по мѣткому замѣчанію Драгоманова, „богоравный“.

Гоголь — первымъ и главнымъ образомъ малороссъ-хохолъ; практичный, хитрый, въ извѣстной степени льстивый, лицемѣрный и подобострастный; это челоуѣкъ себѣ на умѣ, котораго не сразу раскусишь даже въ данномъ, извѣстномъ дѣлѣ; въ немъ нѣтъ широты и размаха русской натуры, души на распаху; онъ весь ушелъ въ самого себя, спрятался въ себя; и Гоголь, живущій для всѣхъ, на показъ всѣмъ, и Гоголь внутреній, про себя — совершенно не одно и тоже. Европейца въ Гоголѣ нѣтъ. Сама Европа, европейская мысль и культура, ставшая знакомой Гоголю уже въ зрѣлыхъ его лѣтахъ, не оставила, можно сказать, никакого даже поверхностнаго слѣда; онъ не только не жилъ ею, не отдалъ ей дань, но даже она не вызывала въ немъ и особаго интереса; онъ проходилъ, прошелъ мимо нея, не замѣчая ея; у него была своя собственная, гениальная „самородная“ мысль; она захватывала его и не позволяла или, вѣрнѣе, не вызывала возможности остановить его вниманіе на другой мысли; Гоголь плавалъ по „нѣмецкимъ“ морямъ, скользилъ по „нѣмецкимъ“ землямъ, но не купался, не окунывался въ первыхъ, не принималъ и не всасывалъ въ себя никакой пищи, произрастаемой во вторыхъ. Для него только красоты вселенной вездѣ имѣли свою притягательность; но это дѣло рукъ Божескихъ, а не умовъ челоуѣческихъ. Для Гоголя, не испытываго, не видѣвшаго вблизи ужасовъ „Ганнибаловой клятвы“ Тургенева, искавшаго всю жизнь свободы въ самомъ себѣ, той свободы,

которая можетъ быть у человѣка при какихъ-угодно его положеніяхъ и которая не можетъ быть отнята никѣмъ, ни однимъ словомъ не заикнулся противъ этой клятвы Тургенева; своей внутренней борьбѣ съ тѣмъ пламенемъ, который жегъ его до самой смерти, Гоголь отдалъ почти всю свою личность, все свое я и какъ бы не хотѣлъ знать о борьбѣ личностей, крѣпостныхъ и владѣвшихъ ими. Надѣленный отъ природы твердою волею, которую онъ проявлялъ еще въ школѣ, съ развитымъ самообожаніемъ и вѣрою въ свое личное высокое назначеніе, съ привычкою, чтобы не ему служить, а ему служили, Гоголь былъ не славянинъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, а малороссъ съ думкою „себѣ на умѣ“, не богоравный, а человѣкоравный, со всѣми достоинствами и особенно недостатками человѣческими, любившій „хлѣбъ земли могильной съ ея страстями“, но только оплачивающій и оплатившій за это нравственными мученіями, самоистязаніями великаго человѣка-мученика.

Но при всей цѣлой безднѣ между Тургеневымъ и Гоголемъ, въ ихъ жизни, въ ея обстоятельствахъ, въ ихъ дѣятельности, творчествѣ и пріемахъ его, мотивахъ и внѣшнихъ условіяхъ есть поразительная аналогія, на которой любопытно остановиться, есть параллели, которыя интересно прослѣдить.

Дѣтство обоихъ писателей почти совершенно не похоже одно на другое. Развѣ есть нѣкоторое внѣшнее сходство — оба они дѣти помѣщиковъ, но совершенно разныхъ и по родословной и особенно по понятіямъ; у обоихъ писателей — матери были сиротами и обѣ вышли по любви за своихъ будущихъ мужей, но мать Гоголя — сирота счастливая, любимая, сирота потому, что не могла жить съ отцомъ; мать Тургенева — сирота горемычная, мученица, ненавидимая и ненавидящая. И бракъ по любви первой принесъ тихую, спокойную, заурядную, но счастливую жизнь, а второй — не далъ и этого. А отсюда и положеніе дѣтей было различно въ семьѣ; правда, оба они были любимцами въ семьѣ, но на „геніальнаго Никошу“ молились, а на маленькаго Тургенева

чуть ли не ежедневно сыпались розги изъ собственныхъ мамашиныхъ рукъ да еще съ приговариваніемъ: „самъ долженъ знать, самъ догадайся, за что я сѣку тебя“.

Если не таково было отношеніе отцовъ обоихъ писателей къ нимъ, то и въ данномъ случаѣ есть разница: заботы, ласки и попеченіе видѣлъ Гоголь со стороны своего родителя; чуть ли неполное равнодушіе встрѣчалъ къ себѣ Тургеневъ со стороны своего отца. Одинокимъ росъ Тургеневъ въ собственной семьѣ и не скучалъ онъ по ней, не тянуло его къ ней изъ пансіона Вейденгаммера: въ семьѣ, кромѣ одиночества, его душили тѣ сцены произвола, притѣсненія и издѣвательства, которыя проходили передъ глазами впечатлительнаго и наблюдательнаго мальчика. — Центромъ семьи, ея вниманія и заботъ былъ Гоголь; въ нее тянуло гимназиста — нѣжинца; по ней онъ скучалъ и томился и съ нетерпѣніемъ ждалъ мѣсяца, дня и часа отъѣзда изъ Нѣжина и пріѣзда въ кровъ родительскій. Но особенно тянула домой избалованнаго и извѣженнаго Никошу Малороссія; правда, скорѣе приволье жизни подъ „Пітавою“, чѣмъ сама природа. На всю жизнь Диканьская Малороссія была дорогимъ для Гоголя. Любилъ онъ часто наѣзжать въ нее, долго засиживаться въ ней, умищаться привольемъ ея жизни, дышать ея мягкимъ и нѣжнымъ воздухомъ, грѣться и нѣжиться на ея ласкающемъ солнцѣ, наслаждаться и заслушиваться ея пѣснью — пѣснью соловья и пѣснью кобзаря, прислушиваться и присматриваться къ жизни ея обитателей. Малороссія была для него чуднымъ воспоминаніемъ дѣтства, отдыхомъ для души и тѣла, особенно послѣ столичнаго мыканья „въ шумѣ и толпѣ модныхъ фраковъ“.

И для Тургенева его завѣтный уголокъ Орловскій, его Спасское — его садъ, пѣсни крестьянскихъ хороводовъ были притягательными впечатлѣніями его дѣтства. Въ этомъ саду онъ съ радостью припоминалъ увеселенія своихъ родителей — богатыхъ баръ: театральныя представленія, разноцвѣтную иллюминацію и доморощенный оркестръ; но главное — тайныя мѣстечки сада, въ которыхъ онъ слушалъ съ упоеніемъ и

восторгомъ „сладостныя рѣчи“ своего дворового слуги (разсказъ „Пунинъ и Бабуринъ“), гдѣ часто онъ просиживалъ по цѣлымъ часамъ послѣ оригинальнаго выраженія любви матери къ своему любимцу — сыну, обливаясь безмолвными слезами, глотая ихъ съ какимъ-то „горькимъ наслажденіемъ“; — та ключевая вода, лучше которой нѣтъ во всемъ мірѣ, тѣ пѣсни крестьянскихъ хороводовъ, которыя до послѣдняго времени „радовали его до глубины души“.

Родина, воспоминаніе о ней — вотъ что глубоко и крѣпко роднитъ обоихъ поэтовъ, вотъ что сильно зоветъ ихъ обоихъ изъ хорошаго, чуднаго далека въ свою „по милу хорошую“ родину. Тургеневъ на смертномъ одрѣ исполненъ глубокой тоски по незамѣнимой родной деревнѣ; онъ относится къ ней всю свою жизнь, какъ влюбленный юноша: онъ радуется, когда ему посылаютъ въ письмѣ листья и цвѣты изъ Спасскаго, продать которое значитъ лечь въ гробъ. Практическій, себѣ на умѣ Гоголь въ письмѣ за письмомъ проситъ присылать ему описаніе обычаевъ, жизни его родины, и самъ въ своихъ первыхъ повѣстяхъ, доставившихъ ему славу писателя, очаровываетъ читателя картинами родной Малорусской природы, приковываетъ вниманіе и, надрываясь отъ здороваго, веселаго смѣха, заставляетъ не оторваться читателя отъ его малорусскихъ типовъ, отъ простодушныхъ разсказовъ „Ванька рудаго“. И Тургеневъ воспроизводитъ со всевозможными подробностями „Бѣжинъ лугъ“, съ любовью рисуетъ окрестности своего Спасскаго, Орловскій садъ въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“, родную природу — лѣтній вечеръ, полдень, утро, изображая на этомъ фонѣ и народную жизнь близкихъ, дорогихъ ему орловскихъ мужиковъ, крестьянскихъ мальчиковъ — неприглядную, тяжелую, извращающую самыя человѣческія понятія, человѣческую личность, но и въ самомъ извращеніи показывающую человѣка и не могущую убить его въ немъ окончательно.

Родина для обоихъ писателей — воспоминанія дѣтства, сильныя и крѣпкія, бессознательныя на всю жизнь впечатлѣнія,

начало ихъ писательской славы, народность содержанія и красокъ, тоновъ ихъ произведеній и языка. Родина дала имъ содержаніе ихъ первыхъ признанныхъ литературной критикой произведеній: большинство разсказовъ изъ „Записокъ охотника“ Тургенева, „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ Гоголя.

Оказывая въ теченіе всей жизни неоцѣнимыя услуги обоимъ писателямъ, родина для каждаго изъ нихъ имѣла еще особенную цѣнность: Тургеневу она указала его истинное дарованіе, дѣлая его художникомъ — бытописателемъ; содержаніе произведеній, взятыхъ изъ жизни родины его — Орловской губерніи, поставило талантъ его на истинный путь: Тургеневъ отрѣшился отъ неизбѣжныхъ и для великаго писателя подражаній въ духѣ Лермонтовскаго байронизма и Достоевскаго сентиментализма, которымъ онъ отдалъ дань произведеніями, появившимися до повѣсти „Муму“, „Постоялый дворъ“ и „Записки Охотника“ (Хорь и Калинычъ). Жизнь на родинѣ, впечатлѣнія дѣтства и условія его жизни до возмужалости опредѣлили въ Тургеневѣ и его другую сторону — борьбу противъ крѣпостного права, его Ганнибаловскую клятву, его борьбу за свободу человѣческой личности; за признаніе правъ за человекомъ, какого бы онъ ни былъ состоянія. Совокупность условій дѣтства Тургенева, закрѣпленныхъ его „купаньемъ въ нѣмецкомъ морѣ“, обусловила „западничество“ Тургенева и его отношеніе къ той русской жизни, которую онъ изображалъ въ своихъ романахъ, „образомъ и давленіемъ времени“ которой были всѣ его произведенія.

Для Гоголя дѣтство, вся совокупность его жизни въ этотъ періодъ имѣла не меньшее значеніе, чѣмъ для Тургенева. Если Тургеневъ благодаря родинѣ, обстоятельствамъ его жизни на ней, въ независимости отъ воспитанія и образованія, даваемого ему его родителями, сдѣлался народнымъ-національнымъ поэтомъ, прошедши періодъ „подражательности“, то Гоголь, находившійся во все это время въ совершенно иныхъ условіяхъ и со стороны отношенія къ нему родителей, ихъ умственного и соціальнаго положенія, и воспитанія и образованія,

характера его, полученнаго во Нѣжинской гимназiи, обязанъ дѣтству и юности однимъ очень и очень важнымъ: онъ не единственный ли изъ нашихъ русскихъ великихъ писателей сталъ на литературномъ поприщѣ сразу на свои ноги, на свой путь, не отдавши „дани времени“, подражательности. Правда, въ его первомъ произведенiи „Гансъ Кюхельгартенъ“, уже по самому заглавию, видна подражательность, но это — единственное „подражательное“ сочиненiе Гоголь предалъ огню, тотчасъ по выходѣ его въ свѣтъ. Пусть причины этого коренятся въ излишнемъ собственномъ самопреклоненiи, самолюбii, но вѣдь это произведенiе и единственный опытъ Гоголя и не оно дало ему хотя какое-нибудь право на званiе литератора, писателя. Гоголь, выросшій въ чисто русской обстановкѣ домашней, получившій чисто русское образованiе — пусть очень не значительное — чисто-русское въ противоположность европейскому, на европейскiй ладъ, съ иностранными языками, съ иностранными гувернерами и пансионами, этому главнымъ образомъ обязанъ тѣмъ исключенiемъ, котораго не выпало на долю ни Пушкину, ни Лермонтову, ни Тургеневу.

Собирая обильную жатву съ своей родины, тотъ и другой писатель были благодарными ея сынами: каждый изъ нихъ по своему отблагодарилъ ее. Не говоря уже объ увѣковѣчиванiи Малороссiи въ своихъ незабвенныхъ творенiяхъ, Гоголь на первыхъ порахъ своей литературной дѣятельности хочетъ издать обширное ея описанiе и даже перевести его на иностранный языкъ. Тургеневъ не только освобождаетъ „рабовъ своей матери“ отъ всякаго рабства, но и въ громадной ущербъ для самого себя награждаетъ ихъ угодами и такимъ образомъ, что самъ въ нѣкоторой степени находится отъ нихъ въ зависимости, но переноситъ ее съ насмѣшкою надъ самимъ собою, а не съ недовольствомъ, ропотомъ на виновниковъ ея.

Дѣтство, „колыбель человѣка“ и воспоминанiя о немъ „Златыя игры первыхъ лѣтъ и первыхъ лѣтъ уроки“ тѣсно связаны съ тѣмъ существомъ, одно присутствiе котораго всему этому даетъ неизъяснимую прелесть, скрашиваетъ

всю неприглядность его. Это существо — мать. И Гоголю и Тургеневу судьба не только сохранила на долгое время ихъ — первая пережила своего сына —, но и во многомъ тѣсно связала ихъ жизнь другъ съ другомъ, со своими великими сыновьями. Но какъ обѣ матери не походили другъ на друга ни по условіямъ ихъ жизни до замужества и замужней, ни по характеру, ни по взглядамъ, такъ и отношеніе ихъ къ своимъ сыновьямъ и роль въ ихъ жизни совершенно различная. Мать Гоголя — простая, добрая, съ практическою жилкою, нѣсколько экзальтированная, до мистицизма религіозная женщина, горячо любящая и любимая своимъ мужемъ, балующая и обожающая своего гениальнаго „Николашу“; жизнь ея течетъ ровно, спокойно, тихо, посемейному счастливо; развѣ только смерть мужа, похороны дѣтей, да нѣкоторая, чуть ли не вѣчная нехватка въ деньгахъ нѣсколько нарушали, и временами сильно, ея счастливо безоблачную жизнь. Ея сынъ, ея любимецъ — Николаша — былъ ея радостью, ея жизнью; въ немъ послѣ смерти мужа сосредоточивалось чуть ли не все значеніе жизни М. Ив. Гоголь; она нѣжила и голубила своего сына, она молилась на него; онъ былъ для нея ея гордостью, ея счастьемъ и надеждою въ будущемъ, въ которую она горячо вѣрила. Каждому его успѣху она радовалась не меньше его самого; его горе — было и ея горемъ; все, что ни дѣлалъ сынъ: служилъ ли онъ на службѣ чиновникомъ, писалъ ли онъ — для матери было дорогимъ; она сознавала не только природныя дарованія сына, но и его самого ставила много выше себя: онъ былъ для нея и кумиръ и авторитетъ; критически отнестись къ его службѣ, дѣятельности ей не позволяли ни до моленія доходившая любовь, ни преклоненіе и вѣра въ его необыкновенную натуру, ни чувствуемое матерью полученное ея сыномъ, по ея глубокому убѣжденію, образованіе въ такомъ учебномъ заведеніи, какъ въ Нѣжинской гимназій, особенно по сравненію съ нею самой, ни невозможность отрѣшиться отъ предразсудковъ, создаваемыхъ условіями жизни.

Совершенно иное представляетъ личность матери Турген-

нева, ея отношеніе къ сыну. И она была женщина простая, незамѣчательная, но оригинальная по своей судьбѣ и по своему характеру. Для нея судьба была мачехой: до замужества она терпѣла нужду, гнетъ и притѣсненія со стороны своего отчима, а потомъ дяди; въ 30 лѣтъ сдѣлавшись свободной и богачкой, она все отдала любимому человѣку, мужу своему Тургеневу, но не получила отъ него того, за что она принесла все: любви, семейнаго счастья. Озлобленная обстоятельствами жизни до замужества, не нашедшая и въ немъ счастья, ея отрицательная, демоническая натура стала мстить за тѣ притѣсненія, гнетъ и несчастье, которые она пережила и переживала: свою волю, свое я, не выдавшее счастья и не получившее его, она срываетъ и всячески старается измыслить, изобрѣсти на другихъ — на крѣпостныхъ и даже на своихъ дѣтяхъ, въ частности на своемъ любимомъ сынѣ Иванѣ.

Сама невидавшая и незнавшая ласки, она не даритъ ею и своего сына; онъ для нея не счастье, не радость; ребенокъ живетъ одиноко, совершенно чужимъ въ своей собственной семьѣ; на него не тратятъ нѣжныхъ заботъ, не возлагаютъ и надеждъ, а его искренность и экспансивность, его наблюдательность не только не развиваютъ, не поощряютъ, а караютъ жестоко, немилосердно и даже безсердечно. Его непринужденность, веселость навлекала выговоры матери, когда уже онъ окончилъ университетъ — мѣщанство, мѣщанскій смѣхъ, какъ она называла эти качества своего сына, ею не терпѣлся. Правда, внѣшнихъ заботъ со стороны матери выказывалось немало: она съ трудомъ отпускаетъ его за границу, горько плачетъ, до обморока, при разставаньи, служить напутственный молебенъ, даетъ ему на дорогу дядьку. Но въ этомъ и были всѣ ея заботы по отношенію къ сыну и до тѣхъ поръ, пока сынъ ни въ чемъ не прекословилъ ей. Не отвѣчая его дѣтской душѣ, она не давала отвѣтовъ и его взглядамъ: брань, упреки сыпались на голову Тургенева, если онъ являлся деликатнымъ ходатаемъ за крѣпостныхъ; мало того, она стала постепенно сокращать ему содержаніе и въ концѣ концовъ предо-

ставила его почти исключительно собственнымъ средствамъ. Къ тѣмъ занятіямъ своего сына, которыя для него составляли славу, она отнеслась не только холодно, но и нежелательно. Быть литераторомъ, писателемъ она считала предосудительнымъ для ея сына благороднаго происхожденія. „Писатель и писецъ одно и то же;“ получать чины, выгодно жениться былъ ея идеалъ для сына. Непослушный въ этомъ сынъ, хотя и сдѣлавшій попытку угодить матери — служить — былъ наказанъ за это: ему, богатому, въ то время единственному наслѣднику и сыну, приходилось жить въ 4 этажѣ, въ частенько нетопленной комнатѣ, а для гостей не имѣть чая. Это не только не преклоненіе передъ сыномъ, не только критическое отношеніе къ его поступкамъ, къ его дѣятельности, но ненависть къ нему, мщеніе за то, что онъ не исповѣдуетъ того, что предъ-являетъ мать.

Если мать Гоголя жила счастьемъ своего сына, если она не только снисходительно, но и дружелюбно простила ему его первый, крупный грѣхъ противъ нея — поѣздку за границу на деньги, высланныя для взноса въ опекунскій совѣтъ, то мать Тургенева, поступала по другому: она скорѣе требовала, чтобы ея сынъ жилъ ея счастьемъ, жилъ для нея: за оставленіе родительскаго дома противъ воли матери, Тургеневъ, уѣхавшій за Віардо-Гарсіей изъ Россіи, не только заслужилъ гнѣвъ и немилость матери, но и долженъ былъ бѣдствовать въ чужихъ краяхъ, вести жизнь, „богема знатнаго происхожденія, аристократическаго нищенства“, а онъ былъ единственный и любимый „Ваничка“ у богачки - матери. И таково было отношеніе матери къ Тургеневу вплоть до самой ея смерти. А между тѣмъ сынъ все время платилъ ей поразительною сыновнею почтительностью, преданностью и горячею любовью. Не сходясь съ своею матерью во взглядахъ на жизнь, врагъ ея невозможныхъ отношеній къ крѣпостнымъ, онъ съ болью въ сердцѣ, глубоко страдая, но мягко, деликатно, не оскорбляя ничуть матери, выражалъ свой протестъ противъ этого. Оскорбляемый ею въ своей личной жизни, онъ притворялся счастли-

вымъ, довольнымъ, лишь бы не выдать виновницы его несчастій, его бѣдственнаго экономическаго положенія. Болѣзнь матери вызывала его тревогу. Разъ въ жизни, въ чемъ онъ глубоко раскаивался, онъ искренно заявилъ матери о ея безчеловѣчномъ отношеніи къ его старшему брату, женившемуся противъ ея воли, и укорилъ мать вообще за ея отношенія къ людямъ. Прогнанный матерью съ ея глазъ, онъ ушелъ со слезами отъ нея; въ письмахъ онъ выпрашивалъ себѣ прощенія, тайно пріѣзжалъ освѣдомляться о ея здоровьѣ, глубоко раскаивался въ своемъ разговорѣ съ нею; не извѣщенный во время о послѣднихъ дняхъ ея жизни, онъ не засталъ матери въ живыхъ, и чуть ли не этотъ свой поступокъ считалъ причиной ея ускоренной смерти.

Горячею привязанностью, вѣжной заботой и сильною любовью и Гоголь платилъ своей матери за ея любовь къ нему; но эта была благодарность за благодарность, отплата за отплату; были минуты, когда Гоголь готовъ былъ отдать всю свою славу за здоровье матери; съ гимназіи до поѣздки въ Петербургъ, съ начала писательскаго поприща до апогея его славы, до самой смерти, Гоголь былъ глубоко преданный и горячо любящій, заботливый сынъ, но и любимый до самозабвенія и до преклоненія своею матерью. Мать Гоголя, получавшая любовь за любовь, была для него непосредственной воспитательницей нѣкоторыхъ чертъ его характера, передала ему ихъ, культивировала въ немъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Она воспитала въ немъ, развивала въ немъ вѣру въ него самого, въ его великое назначеніе, прививая ему вмѣстѣ съ этимъ и самообожаніе; она развила и поселила въ немъ глубокое религіозное чувство, доходившее до мистицизма, приведшее его къ трагической развязкѣ со многими его твореніями, давшее ему мучительнѣйшій мѣсяцъ его жизни и, можетъ быть, ускорившее его смерть. Отъ матери Гоголь унаслѣдовалъ и нѣкоторую практическую жилку. Мать для него была и непосредственной передатчицей тѣхъ необходимыхъ для Гоголя свѣдѣній и фактовъ, для его первыхъ литературныхъ трудовъ:

она его помощница въ собираніи малорусскихъ обычаевъ, повѣрій, пѣсенъ.

Для Тургенева мать не была ни непосредственной воспитательницей, ни посредственной помощницей въ томъ смыслѣ, въ какомъ была для Гоголя его мать. Она въ этомъ смыслѣ ничего не дала и не сдѣлала для своего сына; она, наоборотъ врагъ его таланта; сынъ не унаслѣдовалъ отъ нея ни одной черты характера. Все значеніе матери для художника Тургенева поясняется развѣ выраженіемъ: и въ худѣ бываетъ добро. Кто знаетъ, не будь Варвара Петровна до мозга костей помѣщицей-крѣпостничкой, въ своемъ родѣ знаменитой Салтычихой, не попади въ такую тяжелую атмосферу крѣпостничества съ дѣтства до полной возмужалости, не пережи самъ всѣхъ ужасовъ его, какъ невольный свидѣтель, очевидецъ и тайный борецъ противъ него, можетъ быть, Тургеневъ не вышелъ бы во всеоружіи на борьбу съ этимъ врагомъ, не сумѣлъ бы такъ мѣтко поразить его и во всю жизнь сдержатъ своей ганнибаловой клятвы.

Роль отцовъ на обоихъ писателей близко подходитъ къ вліянію на нихъ матерей: Гоголь и въ этомъ случаѣ былъ въ несравненно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ Тургеневъ. Отецъ Гоголь былъ заботливый отецъ о своемъ сынѣ; онъ стремился и далъ ему возможность по тому времени получить хорошее образованіе; онъ старался потеплѣе устроить жизнь своего сына въ Нѣжинѣ. Ничего, кромѣ равнодушія, не зналъ Тургеневъ со стороны своего отца. Но Гоголь не только заботливостью обязанъ своему отцу; отъ отца онъ унаслѣдовалъ любовь къ театру, юморъ. Если едва ли возможно видѣть хотя нѣкоторую связь между литературными пробами отца знаменитаго сына и гениальными литературными твореніями сына — Гоголя, все же между отцомъ и сыномъ существуетъ хотя внѣшняя преемственная связь. Ничего подобнаго не было у Тургенева и его отца; и по отношенію къ отцу Тургеневскія воспоминанія были, если не тяжелы, то непріятны: онъ неохотно вспоминалъ о своемъ отцѣ, определяя

развѣ „съ полною искренностью преобладавшую черту его характера: „Отецъ мой былъ великій ловецъ передъ Господомъ“. У Гоголя и Тургенева съ этой стороны развѣ одно было внѣшнее сходство: оба они рано потеряли своихъ отцовъ. Но для одного — Тургенева — это потеря была совершенно нечувствительна, для другого — Гоголя — она имѣла нѣкоторое значеніе: она заставила его посерьезнѣе взглянуть на жизнь, на самого себя и на свое назначеніе по отношенію къ семьѣ.

При нѣскольکو разныхъ отношеніяхъ родителей обоихъ писателей къ своимъ дѣтямъ, при нѣкоторомъ незначительномъ взаимодействіи родителей на Гоголя, семья на нихъ не оказала никакого, можно сказать, непосредственнаго вліянія въ смыслѣ развитія въ нихъ таланта писателя: семья Гоголя ни по своимъ понятіямъ и взглядамъ, ни по условію жизни не могла культивировать его; семья Тургенева, въ лицѣ его матери, видѣла въ немъ позоръ для Тургеневскаго рода. И если въ первой семьѣ нужно удивляться, какъ онъ незамѣтно, самъ по себѣ, росъ, набирался силъ и впечатлѣній, не находя почти никакой почвы и культуры для себя, то во второй семьѣ происходитъ что-то поразительное, сверхъестественное, чудесное. Здѣсь не было не только людей, которые бы даже почувствовали грядущую силу въ ребенкѣ, дали небольшой толчокъ міру будущаго великаго художника, но и наоборотъ, здѣсь дѣлали все, чтобы искоренить и заглушить божественную искру. Только какая-то невѣдомая, „чудная сила, породившая величайшаго проповѣдника гуманности и мысли въ царствѣ насилія и мрака, вывела къ свѣту свое избранное дѣтище“!

Въ дѣтствѣ у Гоголя не заглушали божественной искры; жизнь, годы ученія въ Нѣжинской гимназій все-таки нѣсколько отвѣчали развитію таланта. Устраняемые литературные вечера — ученическіе спектакли, привольная, свободная жизнь въ самомъ школьномъ интернатѣ, не давившая умственно-литературныхъ интересовъ кучки лицъ, группировавшихся около

Гоголя или вѣрнѣе Рѣдкина, личности всѣхъ учениковъ, сослужили нѣкоторую службу для Гоголя — писателя: дали выходъ его писательскому комическому таланту, его вѣрѣ въ самого себя, въ свое назначеніе среди людей, общества и направили его интересы на литературу, на книгу. Тургеневъ до 27-го года, до поступленія въ пансіонъ Вейденгаммера, былъ лишенъ и этого: его окружали картины помѣщичьяго произвола, суровое и холодное отношеніе его родителей и полное одиночество. Съ этого года, съ переѣзда въ Москву жизнь будущаго писателя получаетъ нѣкоторымъ образомъ новое содержаніе, новое направленіе. Начинается школьный періодъ жизни: товарищество, учебные предметы, запросы ума, чтеніе книгъ, литература. Гоголь этотъ періодъ почувствовалъ раньше. Оба писателя, несмотря на ученіе не только въ разныхъ концахъ Россіи, даже въ мало похожихъ другъ на друга учебныхъ заведеніяхъ, и въ этомъ отношеніи пережили много сходнаго, испытали одно и то же по существу своему влияніе, чуть ли не вынесли одинъ и тотъ же результатъ. Важно здѣсь не то только, что разныя учебныя заведенія были *almae matres* ихъ обоихъ — разныя по своимъ программамъ, но въ нихъ былъ одинъ и тотъ же духъ, одно и то же направленіе въ науки, въ преподаваніи ея слушателямъ, но важнѣе еще то, что школьные факторы, факторы школьнаго возраста были одни и тѣ же у обоихъ писателей и дали одни и тѣ же плоды. Самая школа мало дала и Гоголю и Тургеневу: оба они невесело смотрѣли на то, чему и какъ ихъ учили, и на тѣхъ, кто ихъ училъ. Какъ нарочно какъ будто сговорились писатели и въ отношеніи къ школѣ, такъ сговорилась и самая школа къ образованію ихъ. И въ университетахъ Москвы и Петербурга у Тургенева и въ гимназіи высшихъ наукъ Нѣжина у Гоголя большинство профессоровъ не пользовались никакимъ авторитетомъ у своихъ слушателей да и были они съ небольшимъ научнымъ багажомъ; за то посмѣяться, составить и послушать смѣхотворные анекдоты про нихъ не было недостатка ни въ Нѣжинѣ, ни въ университетахъ столицъ.

Что же особенно поразительно, катедры литературы отечественной въ обоихъ мѣстахъ стояли на одинаковомъ низкомъ уровнѣ: тѣ же схоластическіе приемы преподаванія, схоластическіе учебники, то же преклоненіе и сидѣніе на Карамзинѣ, Жуковскомъ, Батюшковѣ, запрещенность и преступность имени Пушкина. Ни въ катедрахъ, ни въ жизни профессоровъ не было ученой, литературной жизни — это была тихая гладь, Божья благодать. Одинъ только Плетневъ, котораго ученый багажъ былъ весьма легокъ, по замѣчанію Тургенева, возбуждалъ у слушателей интересъ къ предмету и уважался ими преимущественно потому, что былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ славнѣйшимъ представителямъ тогдашней литературы. Иванъ Сергѣевичъ бывалъ на его литературныхъ вечерахъ, ему онъ обязанъ разборомъ своей первой поэмы „Стеніо“, напечатанію въ „Современникѣ“ одного изъ первыхъ стихотвореній „Старый дубъ“. Но это было уже вліяніе за университетомъ.

Не школа своимъ преподаваніемъ будила пытливость ума и вводила ихъ въ литературные интересы, а товарищество. Вліяніе его началось для Тургенева съ поступленія въ пансіонъ Вейденгаммера, для Гоголя — въ Нѣжинскую гимназію. На первыхъ порахъ бросается въ глаза здѣсь то, что обыкновенно наблюдается въ школѣ закрытой да и открытой — обученіе и жестокое обученіе тѣхъ новичковъ, которые или въ силу непривычки или въ силу своей тщедушности не могутъ „дать сдачи“, внушить уваженіе къ своей особѣ. Такими новичками оказались и Тургеневъ и Гоголь; обоимъ имъ несладко жилось на первыхъ порахъ въ школѣ: первому причиняли жестокія страданія товарищи надавливаніемъ на темя, которое у него было очень тонко; второй — тщедушный, золотушный и не-особенно чистоплотный — главнымъ образомъ испытывалъ кучу насмѣшекъ и издѣвательствъ надъ собою. Но это кстати, не въ этомъ главное дѣло.

Чтеніе книгъ, совѣстныя бесѣды о прочитанномъ, а въ Нѣжинѣ и собственный журналъ — вотъ что было дорого

и цѣнно для нашихъ великихъ школьниковъ. Оба они жили этимъ, хотя каждый изъ нихъ увлекался не однимъ и тѣмъ же: германская романтическая поэзія, романъ Загоскина „Юрій Милославскій“, а въ послѣдствіи одно время Марлинскій, Бенедиктовъ сводили съ ума романтически настроеннаго Тургенева; альманахъ Дельвига, сочиненія Пушкина были поклоненіемъ Гоголя. Собственныя пробы пера въ ученическомъ журналѣ, умственно-литературныя интересы товарищей Рѣдкина, Данилевскаго, Прокоповича и другихъ, какъ противовѣсъ схоластикѣ профессора русской словесности, давали пищу еще скрытому литературному таланту Гоголя. Безъ вліянія и сильнаго вліянія товарищества не обошелся и Тургеневъ. Въ школахъ, въ которыхъ онъ учился, этого не было: Тургеневъ недолго былъ и въ пансіонѣ Вейденгаммера, Лазаревскомъ институтѣ, въ Московскомъ университетѣ. Товарищескій кружокъ въ Москвѣ Бѣлинскаго, Станкевича и Герцена не могъ по этому считать его своимъ членомъ. Только въ заграничной школѣ Тургеневъ, среди своихъ соотечественниковъ — гегельянцевъ: Станкевича, Грановскаго, Бакунина и Невѣрова, испыталъ громадное вліяніе и высокое чувство этого товарищества, энтузіастовъ истины и человѣческой свободы. Два года пребыванія въ Берлинѣ въ ученѣи и главнымъ образомъ въ горячихъ спорахъ этого кружка прошли далеко небезслѣдно для Тургенева: они окунули его въ нѣмецкое море, они направили его умъ и силу воли на Ганнибаловскую клятву временно не тѣмъ орудіемъ, какимъ онъ долженъ былъ владѣть и овладѣть, какъ никто. „Рудинъ“ же внѣ всякаго сомнѣнія есть посредственное и непосредственное слѣдствіе этого кружка.

Нѣжинской гимназіей окончилъ свое образованіе Гоголь, Тургеневъ — лекціями въ Берлинѣ. У обоихъ послѣ этого наступила пора самостоятельнаго выхода въ жизнь. Оба они мало внесли въ нее подготовленнаго, особенно Гоголь входилъ въ нее, совершенно ея не зная, строя въ своемъ воображеніи исполнѣ невѣрныя картины, входилъ, до сихъ поръ ни разу

не сдѣлавъ предварительнаго самостоятельнаго шага. Энтузіастомъ въ жизнь и въ свое высокое назначеніе въ ней онъ ѣхалъ въ Петербургъ. Тургеневъ былъ въ Петербургѣ почти какъ дома; Тургеневъ хотя и съ дядькой, но испыталъ и бурю морскую и бурю житейскую. Но за то оба они для своей, въ то время ими несознаваемой цѣли, были безъ всякой подготовки. Если у Гоголя ничто не давило его таившагося призванія, то и очень было мало для развитія его; у Тургенева же дома было умерщвленіе его, вражда къ нему; школа и товарищество прямого, непосредственнаго тоже ничего не давали. Они оба были самородки, Богомъ щедро надѣленные, избранныя натуры, не сознававшія пока своего избранія. Оба впечатлительные, наблюдательные, они вбирали въ себя впечатлѣнія жизни, съ того только разницею, что Гоголь скрывалъ, сознательно таилъ ихъ въ себѣ, Тургеневъ же все, что можно было, откровенно высказывалъ.

По странному стеченію обстоятельствъ оба они избираютъ себѣ тотъ путь, который былъ не по нимъ; для одного изъ нихъ онъ и до сихъ поръ составляетъ ошибку, насмѣшку и пробѣлъ въ памяти о немъ — пресловутая Гоголя ученая каѳедра исторіи, о которой сохранилъ воспоминанія самъ Тургеневъ; для второго тотъ же путь — ученая карьера философа — не удалась по препятствіямъ формальнаго характера: не существовало ни каѳедры, ни экзаменатора; но все-таки это вызвало немалое удивленіе въ людахъ, близко его знавшихъ. Попытка второго и понятна — она слѣдствіе двухъ годичнаго изученія въ Берлинѣ философіи Гегеля и вѣры, главнымъ образомъ согрѣтой и подогрѣтой кружкомъ Станкевича, въ силу науки, освобождающей и возвышающей свободу и личность человѣка. Нѣкоторый ученый зудъ у Тургенева сказался на студенческой скамьѣ русскаго университета напечатаніемъ въ Ж. М. Н. Просвѣщенія критической статьи о книгѣ А. И. Муравьева „Путешествіе ко святымъ мѣстамъ русскимъ“.

У Гоголя подобныхъ близкихъ и отдаленныхъ причинъ не было, кромѣ хорошей постановки исторіи въ Нѣжинской гимназіи и любимаго учителя по ней. Источникъ Гоголевской профессуры — вѣра въ свои собственныя недюжинныя силы, въ свою избранную натуру, въ творческомъ воображеніи, рисовавшемъ ему смѣлыя картины прошлаго, особенно Малороссіи, да подвернувшееся при этомъ участіе добраго Плетнева. На короткое время оба они дѣлаются чиновниками — одинъ подъ сильнымъ давленіемъ матери, другой — по стеченію обстоятельствъ и заранѣе воспитанному и сложившемуся, но не по жизненному идеалу о высотѣ и полезности чиновничьей службы. Неправильно начатыя первые самостоятельные шаги скоро были исправлены. Гоголь до профессуры выпустилъ „Вечера близъ Дикавки“, сдѣлавшіе его извѣстнымъ и опредѣлившіе его путь жизни; Тургеневъ послѣ попытки сдѣлаться ученымъ, отдавши дань Лермонтову и Достоевскому, „возымѣвшій твердое намѣреніе вовсе оставить литературу, помѣстивъ случайно въ Современникъ рассказъ изъ „Записокъ Охотника“: „Хоръ и Калинычъ“,“ общавшій въ немъ „замѣчательнаго писателя въ будущемъ“ (Бѣлинскій), а въ слѣдующемъ году 6 рассказовъ тѣхъ же „Записокъ Охотника“.

Родина, впечатлѣнія дѣтства дали обоимъ писателямъ содержаніе этихъ ихъ произведеній: одному — Малороссія, съ ея народными сказаньями, съ богатой поэзіей самой по себѣ и въ жизни, другому — Орловская губернія, крѣпостничество, переживаемое въ дѣтствѣ, наблюдаемое лично самимъ авторомъ и впоследствии.

Нужда, переживаемая въ это время обоими писателями, сближаетъ также появленіе этихъ произведеній: Тургеневъ съ 49-го года, разсорившійся изъ-за Віардо съ матерью, сидитъ за границей безъ денегъ — живетъ на дачѣ Віардо въ полномъ одиночествѣ, питается супомъ изъ полукурицы и яичницей. Чувствуя вѣчную потребность въ деньгахъ для самаго нужнаго, испытывая жестокаго страданія для своего самолюбія,

принужденный изъ-за нужды бѣгать отъ своихъ знакомыхъ, Тургеневъ говоритъ рассказы изъ „Зап. Охотника“. Гоголь писалъ свои „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, находясь въ подобномъ же положеніи. Неудачно начавшій чиновничью карьеру, перебивавшійся уроками исторіи въ Патріотическомъ Институтѣ, по протекціи Плетнева, чувствовавшій свою вину передъ матерью за свое совершенное экспромптомъ путешествіе за границу, зная, какъ тяжело ей живется безъ денегъ въ деревнѣ, Гоголь выпускаетъ „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“. — Нужда вызвала у обоихъ писателей дѣятельное творчество. Самый выпускъ „Вечеровъ“ и появленіе перваго рассказа Тургенева, самое заглавіе ихъ имѣетъ одну и ту же литературную судьбу. У Гоголя первый томъ „Вечеровъ“ вышелъ благодаря Плетневу: онъ посоветовалъ ему издать первый сборникъ его повѣстей подъ псевдонимомъ; Плетневъ придумалъ для него заглавіе, рассчитанное на то, чтобы возбудить интересъ и снисхожденіе въ публикѣ. Аналогично и съ первымъ рассказомъ „Записокъ Охотника“, къ которому и авторъ и редакція „Современника“ отнеслись съ крайнею скромностью: помѣстили его въ отдѣлѣ смѣси, помѣстили вообще совершенно случайно, по настоянію редакціи; даже не самъ Тургеневъ прибавилъ слова, далъ заглавіе, оставшееся за серіей всѣхъ рассказовъ: изъ „Зап. Охотника“ — съ цѣлью расположить читателя къ снисхожденію.

Самый успѣхъ и этого рассказа Тургенева и другихъ рассказовъ „Записокъ Охотника“, а равнымъ образомъ и „Вечеровъ на хуторѣ“ былъ одинаковъ — успѣхъ не соотвѣтствовалъ предосторожностямъ совѣтчиковъ и авторовъ; мало того, оба они послѣ этого почувствовали въ себѣ настоящую литературную силу, повѣрили въ свой талантъ и вышли на настоящую свою дорогу.

Вмѣстѣ съ нуждою, какъ одно изъ слѣдствій ея, Тургеневъ переживалъ и нравственныя мученія. Гоголь испытывалъ тоже самое; страшный душевный разладъ, тоска царила въ его душѣ. Чтобы нѣсколько обезсилить это мучительное

душевное состояніе, Гоголь создавалъ рассказы „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“; онъ вызывалъ въ своей фантазіи противоположные душевному настроенію образы — веселые, шаловливые, съ иногда прорывавшимся оттѣнкомъ грусти. Не такъ поступалъ Тургеневъ — онъ дѣйствовалъ по русской пословицѣ: клинъ вышибалъ клиномъ. Подъ гнетомъ бѣдности, страдавшій сильно по ничтожнымъ причинамъ, созданнымъ матерью (лишеніе денежнаго пособія единственному сыну), онъ рисуетъ картины рабства народнаго, крѣпостничества; работая надъ этимъ, онъ хочетъ выйти изъ этого гнета бѣдности и ея отрицательныхъ сторонъ, хочетъ быть свободнымъ отъ нея; во имя той же свободы онъ наноситъ удары и гнету крѣпостнаго права. Невеселыя картины и по самому содержанію и по самой идеѣ рисуетъ авторъ, самъ испытывающій рабство бѣдности по прихоти крѣпостнички-матери къ любимому сыну. Дѣйствующія лица „Хоръ и Калиныча“, разсказа, появившагося при подобныхъ обстоятельствахъ жизни Тургенева, какъ бы иллюстрація къ жизни самого Тургенева. Оба мужика — натуры сильнѣе и цѣльнѣе своего барина; Хоръ прекрасно сознаетъ свое превосходство надъ нимъ, Хоръ понимаетъ своего барина; для читателя Хоръ неизмѣримо выше Полутыкина; жизнь Хоря — осмысленная, сознательная, приучившая его хитро, самостоятельно измышлять мѣры къ отстаиванію своей свободы, оставаясь крѣпостникомъ своего барина. Здравый смыслъ, крѣпкія руки обставляютъ сносно его жизнь, но не такъ, какъ желалъ бы Хоръ. Въ тѣхъ же условіяхъ и Тургеневъ по отношенію къ своей матери. Онъ у нея крѣпостной; собственные его интересы даютъ самостоятельный смыслъ его жизни, а работа — трудъ литературный — даетъ средства поддерживать эту самостоятельность жизни, но въ то же время чувствуется и связь крѣпостничества, любовнаго деспотизма надъ нимъ его матери, которая по своему развитію, по своимъ привычкамъ уступаетъ во всемъ своему сыну. Другую сторону жизни Тургенева — его любовь къ матери, его безграничную въ душѣ преданность къ

ней какъ бы иллюстрируетъ Калинычъ, этотъ благоговѣющій крестьянинъ передъ Полутыкинымъ; оба они, Тургеневъ и Калинычъ, къ своимъ „господамъ“ относятся съ удивительною нѣжностью, оба они, страдая отъ „господской любви“ и сознавая это, не показываютъ этого другимъ, даже не позволяютъ другимъ винить въ этомъ ихъ „господъ“.

Испытывая нужду и побуждаемые ею, ища успокоенія отъ нерадостныхъ душевныхъ настроеній, оба писателя окончательно и рѣшительно выступили на свой литературный путь, какъ на ихъ главное призваніе. Побуждаемые Плетневымъ, ихъ литературнымъ крестнымъ отцомъ, Тургеневъ и Гоголь, при довольно значительной разницѣ во времени ихъ литературной дѣятельности, благоговѣли передъ однимъ кумиромъ, Пушкинымъ. Если для Гоголя Пушкинъ былъ „все“, какъ совѣтникъ, помощникъ-другъ и въ жизни и въ дѣятельности его, то для Тургенева его значеніе было только въ дѣятельности: онъ — его отдаленный ученикъ, благоговѣйный и благодарный, завѣщавшій похоронить себя у ногъ своего учителя.

Пушкинъ былъ для обоихъ цѣлью и идеаломъ, литературнымъ судьей, литературной совѣстью обоихъ, передъ которой они оба преклонялись: одинъ — живому Пушкину, другой передъ его памятью. Оба они въ извѣстномъ смыслѣ ученики его, на обоихъ изъ нихъ сказался его гений — одинъ былъ его дополненіемъ, какъ изобразитель отрицательной стороны русской дѣйствительности, другой — его продолженіемъ, какъ художникъ. На долю перваго выпало счастье раздѣлить съ Пушкинымъ право быть основателемъ народнаго реального направленія, альфой и омегой его, самостоятельности русской литературы для русскихъ, на долю втораго (Тургенева) развить эту самобытность и быть первымъ европейскимъ русскимъ писателемъ, съ котораго начинается сказываться вліяніе русскаго гения на Европейскую литературу.

Подобно тому какъ Пушкинъ для обоихъ былъ кумиромъ,

вышимъ судомъ и „завѣтовъ прошлаго вѣстникъ“, такъ милое далеко, зарубежъ былъ мѣстомъ творчества ихъ лучшихъ произведеній; для нихъ обоихъ нужно было, чтобы настоящимъ образомъ любить Россію и изображать ее, удалиться отъ нея; для обоихъ заграница, путешествіе въ ней были необходимомъ отдыхомъ отъ тревоженій жизни. Правда, причины этого были разныя: Віардо играла главную роль въ заграничной жизни Тургенева, чего не было у Гоголя.

Заграницу, ея природу, но не жителей полюбили они оба и какъ люди. Для одного Франція была дорога и мила, для другого Италія была второю родиною, хотя частенько обоихъ тянуло въ настоящую родину, въ Россію, особенно одного въ Малороссію, другого въ Спасское Орловской губерніи. Заграница и родина разнообразили ихъ жизнь, вносили въ нее что-то радостное, свѣтлое, такъ какъ у обоихъ она была не изъ счастливыхъ. Во всю свою жизнь оба они были одиноки, оба, можно сказать, были мученики въ ней. Тяжело, неуютно жилось имъ. Тургеневъ связалъ свою жизнь съ семействомъ Віардо; всѣмъ дорогимъ платя этому семейству, онъ былъ для него чужой человѣкъ; онъ находилъ въ немъ отдыхъ и утѣшеніе въ той артистической обстановкѣ, которой вознаграждала его эта семья, но она не давала ему того человѣческаго счастья, котораго онъ искалъ вѣчно; въ этой семьѣ онъ не нашелъ себѣ внутренняго отдыха для своей души. Онъ былъ одинокъ; при всей тщательности скрывать это одиночество, оно прорывалось у него въ письмахъ къ друзьямъ, въ разговорѣ съ ними, въ его произведеніяхъ: „Довольно“ „Дневникъ лишняго человѣка“ и другихъ. Особенно сильно сказалось это одиночество въ послѣдніе годы его жизни, когда онъ, страшно страдающій, безпомощный, жестоко одинъ мучился, умиралъ наверху, въ своей комнатѣ, въ то время какъ внизу, у той семьи, въ которой онъ видѣлъ человѣческое счастье, была вѣчно музыка, пѣніе, танцы, веселье.

Одиночество не пощадило и Гоголя; у него оно было еще сильнѣе. Тургеневъ весь отдался семьѣ Віардо и въ своей привязанности къ ней находилъ для себя нѣкоторое утѣшеніе и счастье, дорого стоившее ему. Гоголь былъ лишень и этого: одна развѣ мать, горячо и нѣжно любимая, нѣсколько скрашивала его жизнь; его любовь къ ней была велика, сильна, но это еще не личное счастье, это любовь благовѣйнаго сына къ своей матери, которая ни по своимъ понятіямъ, ни по образу жизни не могла отвѣтить душевнымъ запросамъ своего сына; она не могла захватить всего человѣка — Гоголя, какъ Тургенева иногда семья Віардо. Въ этомъ отношеніи Гоголь прямо противоположность Тургеневу: для послѣдняго, пѣвца русской женщины, ея любви, вся личная жизнь была посвящена чужой для него женщинѣ, ибо нельзя говорить о его привязанности къ его дочери отъ Авдотьи Ермолаевны Ивановой; Тургеневъ въ этомъ отношеніи отецъ своихъ „Отцовъ и дѣтей“ — Кирсановыхъ, Лаврецкихъ: вся его личная жизнь была въ любви, не давшей ему счастья. Гоголь не отдалъ этому дань — его увлеченіе Смирновой-Росетти, его желаніе жениться подъ конецъ жизни на Вельегорской, только эпизоды изъ его жизни, но не больше: онъ былъ въ этомъ отношеніи одинъ, а въ жизни и одинокъ. Друзья, поклонники его таланта — вотъ кто скрашивали жизнь обоихъ писателей, жизнь мучительную, хотя бы и по разнымъ мотивамъ: для одного она неудовлетворенность въ личномъ счастьѣ; для другого — въ сознаніи правильности исполненнаго долга, прожитой жизни, человѣческаго назначенія и особенно своихъ поэтическихъ твореній. Оба мучились сильно и долго. Но одинъ, еще при жизни вынесшій немало огорченій за свои произведенія, при жизни былъ увѣнчанъ славою — Пушкинскій праздникъ — Тургеневское торжество — и не пережилъ ея, а она росла и росла все больше, и со славою великаго писателя русскаго и европейскаго, признаннаго таковымъ на первыхъ порахъ Франціей раньше родины, сошелъ въ могилу. А другой, при жизни испытавшій (только) главнымъ образомъ

оскорбленія, невзгоды отъ пошлыхъ, изображенныхъ имъ людей, увидавшихъ въ нихъ себя, пережившій муки художника-творца: разочарованье въ своемъ дѣтищѣ, съ кличкой зачумленного лакейскаго писателя зарытъ былъ въ могилу и чуть ли не впервые дождался, чрезъ 50 лѣтъ послѣ смерти, полного признанія великаго русскаго писателя, — того, о чемъ Тургеневъ писалъ въ своей статьѣ-некрологѣ.

Ст. Кузнецовъ.

В. А. Жуковскій въ латышской поэзи.

По случаю празднованія 50-ти лѣтней годовщины со дня смерти В. А. Жуковскаго Университетомъ я приглашенъ былъ сдѣлать сообщеніе торжественному собранію объ этомъ поэтѣ съ точки зрѣнія латышской поэзи. Но такъ какъ предполагавшееся празднованіе не состоялось, то позволю себѣ прочесть свою рѣчь теперь здѣсь въ нашемъ Учено-Литературномъ Обществѣ. Это дѣлаю тѣмъ охотнѣе, потому что это мое сообщеніе послужитъ пополненіемъ къ тому, что я уже сообщилъ объ этомъ литературномъ дѣятелѣ въ торжественномъ собраніи нашего Общества, состоявшемся 5 мая с. г. и что напечатано уже въ его Сборникѣ.

В. А. Жуковскій поэтъ, стихи и слова котораго раздаются почти на всѣхъ болѣе или менѣе публичныхъ празднествахъ по всей обширной Россіи, стихи и слова котораго поются при обнаженныхъ головахъ всѣми разнообразными многочисленными народами громадной русской земли; да, онъ какъ разъ поэтъ прекраснаго русскаго народнаго гимна „Боже, Царя храни!“ — онъ поэтъ, имя котораго сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ цивилизованнымъ иностраннымъ землямъ и государствамъ уже этимъ однимъ могущественнымъ гимномъ, слова котораго, благодаря композитору Львову, получили и благозвучную, величественную мелодію.

Но В. А. Жуковскій не только исключительно отечественный поэтъ, онъ не возвращается лишь на родной почвѣ, нѣтъ, его прекраснаго и благозвучія жаждящему духу уютно вездѣ,

гдѣ онъ лишь предполагаетъ найти что-нибудь хорошее. И такъ, для достиженія этой своей цѣли, онъ обращается какъ къ югу, такъ и къ сѣверу; какъ къ востоку, такъ и къ западу. Онъ черпаетъ свое одушевленіе и матеріалъ для своихъ обработокъ-переводовъ, конечно, по большей части съ нѣмецкаго языка, какъ у персіянъ, такъ и у грековъ; какъ у римлянъ, такъ и у испанцевъ, французовъ; какъ у англичанъ, такъ и у нѣмцевъ и другихъ. Ему удастся уловить прекрасное какъ на чужбинѣ, такъ и на родинѣ и для своего народа сдѣлаться гениальнымъ толкователемъ многихъ самыхъ лучшихъ художественныхъ произведеній всемірной литературы, каковы, напр., Одиссея, Наль и Дамаянти (индѣйская повѣсть изъ Магабараты), Рустемъ и Зорабъ (персидская повѣсть изъ Шахъ-Наме), Сидъ (испанскіе романы, отрывокъ изъ Гердерова перевода) и другія.

Конечно, Жуковский не самый первый изъ русскихъ поэтовъ, изъ сочиненій которыхъ что-нибудь переведено на латышскій языкъ. Первымъ изъ русскихъ поэтовъ, сколько мнѣ извѣстно, появляется въ латышской поэзіи баснописецъ Крыловъ, который жилъ нѣкоторое время въ г. Ригѣ и басни котораго еще во время его жизни и литературной дѣятельности переводились на латышскій языкъ. Въ это время, въ первой половинѣ XIX вѣка, жилъ латышскій поэтъ, пасторъ Гугенбергеръ, который именно переводилъ на латышскій языкъ какъ произведенія нѣмецкихъ классиковъ — Шиллера, Гёте и другихъ, такъ и басни Крылова. Сомнѣвающимся въ цѣлесообразности данной въ то время латышамъ свободы онъ возразилъ стихомъ Шиллера:

Der Mensch ist frei geschaffen, ist frei,
Und würd' er in Ketten geboren, — —
Vor dem Slaven, wenn er die Kette bricht,
Vor dem freien Menschen erzittert nicht — — —

Kā cilvēks ir radīts par brīvnieku,
Ir bries, kauēu dzelzīs tas dzimis; — —

Tik no verga, kad dzelzem tas islanužās,
Ne no brīva vīra mums jābistās — — —

Человѣкъ рожденъ свободнымъ — свободенъ,
Хотя бѣ онъ рожденъ и въ цѣпяхъ — —
Раба, разрывающаго цѣпи,
Надо бояться, а не свободного человѣка. — —

Конечно, свобода сама по себѣ не можетъ одна осчастливить человѣка, если онъ не умѣетъ пользоваться ею; а это не мыслимо безъ воспитанія и образованія. И къ этому стремился Гугенбергеръ какъ въ своемъ приходѣ, такъ и во всемъ народѣ. Онъ занимался латышскою народною поэзію, переводя на нѣмецкій языкъ латышскія народныя пѣсни. Онъ слагалъ оригинальныя стихотворенія на латышскомъ языкѣ и обрабатывалъ или переводилъ съ латинскаго, англійскаго, русскаго и нѣмецкаго языковъ. Послѣ Стендера старшаго, котораго отдаленные предки были голландцы, является Гугенбергеръ самымъ выдающимся латышскимъ поэтомъ нѣмецкаго происхожденія. Стендеръ старшій признаетъ себя латышемъ, Гугенбергеръ — всегдашнимъ другомъ латышкаго народа. Этотъ Гугенбергеръ былъ современникъ В. А. Жуковскаго. Онъ родился въ томъ же самомъ году, въ которомъ и Жуковскій; сопровождалъ въ своихъ молодыхъ годахъ, какъ домашній учитель, своихъ воспитанниковъ, дѣтей барона Корфа, по Россіи въ городъ Кременчугъ, въ 1812 году во время французскаго нашествія. Ему пришлось при этомъ путешествіи проѣзжать много мѣстностей, гдѣ непріятель стоялъ на бивакахъ и Гугенбергеръ долженъ былъ быть здѣсь довольно внимательнымъ, осторожнымъ и разсудительнымъ, при этомъ онъ такъ основательно ознакомился съ русскимъ языкомъ, что могъ хорошо понимать поэзію Державина и впослѣдствіи переводилъ — какъ это уже сказано — на латышскій языкъ басни Крылова. Гугенбергеръ умеръ въ 1860 г., стало-быть, онъ пережилъ своего русскаго коллегу, Жуковскаго, около восьми-деяти лѣтъ. Все-таки,

сколько мнѣ извѣстно, онъ ничего не перевелъ изъ сочиненій этого поэта. Чѣмъ это объяснить?

Можно отвѣтить, что тѣ источники, изъ которыхъ Жуковскій большею частью черпалъ свое одушевленіе и матеріалъ своихъ обработокъ-переводовъ, напр., Шиллеръ, Гёте, Гебелъ, Бюргеръ, Уландъ и другіе нѣмецкіе поэты, что эти источники Гугенбергеру, какъ получившему свое высшее образованіе въ Германіи, въ Енскомъ, Вирцбургскомъ и Гейдельбергскомъ университетахъ и бывшему лично знакомымъ съ Шиллеромъ и Гёте, были даже ближе, чѣмъ Жуковскому. И поэты другихъ народовъ, напр., римлянъ, англичанъ — какъ мы это уже знаемъ, — были Гугенбергеру не менѣе доступны, какъ Жуковскому. Итакъ, не мудрено, что Гугенбергеръ обратился прямо къ подлинникамъ, а не къ Жуковскому.

Не смотря на то, все-таки довольно скоро послѣ смерти Жуковскаго появляются нѣкоторые переводы изъ его сочиненій на латышскомъ языкѣ. Стихотвореніе Жуковскаго, впервые появившееся въ латышскомъ переводѣ — это народный гимнъ („народная пѣсня“) „Боже, царя храни“:

Dievs sargi Keizaru,
 Dod viņam speku,
 Valdit par slavu,
 Par slavu mums.
 Lai ienaidnieki trīc
 Priekš viņa varas!
 Sargi, sargi, Dievs, Keizaru!

переведенъ Цаунитомъ въ „Dziesmu kronis“, 1858 г.; второе — пѣсня „Листокъ“, два года раньше переведено Юримъ Алуаномъ. Итакъ, не прошло и четырехъ лѣтъ со смерти отечественнаго поэта, какъ начали переводить его прелестныя по формѣ сочиненія.

Послѣ этого скромнаго начала, лишь въ послѣднія три десятилѣтія прошедшаго XIX вѣка, во время періода народнаго направленія въ латышской поэзіи, начинаютъ все чаще

появляться переводы произведений какъ многихъ другихъ русскихъ поэтовъ, такъ и Жуковскаго. Изъ Жуковскаго до сихъ поръ переведено шесть произведений, а именно: 1) Народный гимнъ; 2) Листокъ; 3) Три сестры. Видѣніе Минваны; 4) Марьяна роща. Старинное преданіе; 5) Къ надеждѣ, и 6) Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?

Это все, что до сихъ поръ переведено изъ сочиненій Жуковскаго на латышскій языкъ. За исключеніемъ пѣсни „Листокъ“, переведенной Жуковскимъ изъ Арно, и за исключеніемъ народнаго гимна, всѣ остальные четыре произведенія Жуковскаго, переведенныя на латышскій языкъ, написаны въ прозѣ. Оригинальныхъ между этими пять. Можно утверждать, что было бы больше переведено на латышскій языкъ, если этотъ поэтъ былъ бы болѣе оригинальнымъ и не переводилъ бы болѣею частью западно-европейскихъ поэтовъ, которые были также доступны латышскимъ поэтамъ-переводчикамъ. Такъ, напр., Шиллеръ, Гёте, Бюргеръ, Гёбель, Уландъ и другіе нѣмецкіе поэты переведены на латышскій языкъ съ оригиналовъ, также Одиссея Гомера, занимающая у Жуковскаго цѣлый томъ, переведена на латышскій языкъ, а именно два раза: 1) К. Мюленбахомъ — съ греческаго и 2) Э. Дюнсбергомъ — съ нѣмецкаго языка.

Все-таки можно сказать, что литературныя стремленія и работы Жуковскаго латышамъ достаточно извѣстны, симпатичны и привлекательны. Это доказываетъ, между прочимъ, и то, что въ 1883 году, по случаю столѣтняго юбилея со дня рожденія В. А. Жуковскаго, появилась въ „Baltijas Vēstnesis“ длинная статья о его жизни и литературной дѣятельности и что произведеніе Жуковскаго „Три сестры. Видѣніе Минваны“ переведено уже три раза на латышскій языкъ. Жуковский былъ не только замѣчательнымъ, чувствительнымъ поэтомъ, но и блестящимъ, великимъ мастеромъ прелестнаго языка и образованнымъ человѣкомъ, который провелъ свою довольно долгую жизнь на службѣ просвѣщенія и всеобщаго образованія.

Я. Лаутенбахъ.

Рѣчь

профессора православнаго богословія А. С. Царевскаго, произнесенная въ Александро-Невской церкви при Юрьевскомъ Университетѣ по поводу исполнившагося пятидесятилѣтія со дня кончины Н. В. Гоголя.

„Прошу всѣхъ въ Россіи помолиться обо мнѣ, начиная отъ святителей, которыхъ уже вся жизнь есть молитва. Прошу молитвъ какъ у тѣхъ, которые смиренно не вѣруютъ въ силу молитвъ своихъ, такъ и у тѣхъ, которые не вѣруютъ вовсе въ молитву и даже не считаютъ ее нужною; но какъ бы ни была безсильна и черства ихъ молитва, я прошу помолиться обо мнѣ этою самою безсильною и черствою молитвою“. Такъ писалъ за нѣсколько лѣтъ до своей кончины воспоминаемый нынѣ великій поэтъ нашъ Николай Васильевичъ Гоголь. Вся просвѣщенная Россія исполняетъ теперь эту просьбу его, исполняемъ ее и мы въ семъ св. храмѣ. Этимъ мы не только исполняемъ священный долгъ нашъ въ отношеніи къ нему, но и удовлетворяемъ потребности нашего собственнаго сердца. Ибо всѣ мы весьма многимъ обязаны ему. Можно сказать, что въ духовномъ обликѣ каждаго изъ насъ найдутся черты, происхожденіемъ которыхъ мы обязаны Николаю Васильевичу и его гениальному слову. Его гениальными произведеніями увлекались мы во дни нашего дѣтства и воспитанія и этими же произведеніями услаждаемся мы нынѣ и не только услаждаемся, но и поучаемся и смягчаемся. Онъ научаетъ насъ

презирать пороки во всѣхъ его видахъ и воспитывать въ своей жизни идеалы добра, истины и красоты. Будучи самъ проникнутъ божественными идеалами христіанства, онъ весь великій талантъ свой направлялъ къ тому, чтобы и насъ побудить стремиться къ нимъ же. Это былъ не только гениальный поэтъ, слава земли русской, но и истинный христіанинъ, истинный сынъ православной церкви, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи съ этого священнаго мѣста можно только выразить пожеланіе, чтобы всѣ нынѣшніе писатели и интеллигентные люди были похожи на Николая Васильевича. Свой великій талантъ онъ всецѣло употребилъ не на оскорбленія св. православной церкви, не на ослабленіе ея вѣковѣчныхъ и никакой силой не ослабляемыхъ устоевъ, но на созиданіе и утвержденіе ея въ сердцахъ всѣхъ православныхъ русскихъ людей. Искренняя религіозность, напряженное исканіе Бога, постоянныя усилія къ исправленію своего характера, заботы о своемъ нравственномъ перевоспитаніи, проходятъ чрезъ всю жизнь Николая Васильевича, сообщая ей цѣлостный и послѣдовательный характеръ. И это направленіе его всецѣло основывалось на словѣ Божиѣмъ и ученіи православной церкви. „Въ рукахъ милосерднаго Бога все: и настоящее, и прошедшее, и будущее“, писалъ Николай Васильевичъ. Такова была вѣра его въ Бога и въ Его св. промыслъ. „Дѣло мое есть то, говорилъ онъ о себѣ, о которомъ долженъ подумать всякій человѣкъ, не только одинъ я. Дѣло мое — душа и прочное дѣло жизни“. Дѣло это заключается, по его мнѣнію, въ борьбѣ съ гнѣздящимися въ сердцѣ страстями и въ нравственномъ самоусовершенствованіи. „На битву мы сюда призваны; праздновать же побѣду будемъ тамъ. Всѣхъ насъ озираетъ небесный полководецъ, и ни малѣйшее наше дѣло не ускользнетъ отъ его взора. Страшна душевная чернота и зачѣмъ это видится только тогда, когда неумолимая смерть стоитъ уже предъ глазами. Соотечественники, страшно! Замираетъ отъ ужаса душа моя при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, предъ которыми

пыль все величіе его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ. Стонетъ весь умирающій составъ мой, зря исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся“. Всѣ гениально изложенныя имъ обличенія порока во всѣхъ его видахъ имѣли въ виду именно это нравственное усовершенствованіе общества. „Другъ мой, писалъ онъ одному изъ своихъ друзей, мы призваны въ міръ не затѣмъ, чтобы истреблять и разрушать, но (подобно самому Богу) все направлять къ добру, — даже и то, что уже испортилъ человѣкъ и обратилъ во зло“. „На днѣ души нашей столько таится всякаго мелкаго, ничтожнаго самолюбія, что насъ ежеминутно слѣдуетъ колоть, поражать, бить всѣми возможными орудіями, и мы должны благодарить ежеминутно насъ поражающую руку“. „Я уже отъ многихъ своихъ гадостей избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ также надъ ними посмѣяться. Я оторвался уже отъ многого тѣмъ, что, лишивши картиннаго вида и рыцарской маски, подъ которою выѣзжаетъ козыремъ всякая мерзость наша, поставилъ ее рядомъ съ тою гадостію, которая всѣмъ видна“.

Съ этой точки зрѣнія онъ смотрѣлъ и на занимающій современное наше общество вопросъ о свободѣ. „Свобода, — не въ томъ, чтобы говорить произволу своихъ желаній: да, но въ томъ, чтобы умѣть сказать имъ: нѣтъ. Но никто въ Россіи не умѣетъ сказать самому себѣ этого твердаго нѣтъ. Нигдѣ я не вижу мужа“. Причину этого, равно какъ и причину господства въ обществѣ эгоизма и разнаго рода нестроеній онъ усматриваетъ въ гордости ума. „Никогда гордость ума не возрастала до такой силы какъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ, говоритъ Николай Васильевичъ. Умъ для него святыня. . . . Ничему и ни во что онъ не вѣритъ; только вѣритъ въ одинъ свой умъ: чего не видитъ его умъ, того для него нѣтъ. Онъ позабылъ даже, что умъ идетъ впередъ, когда идутъ впередъ всѣ

нравственныя силы въ человѣкѣ, и стоитъ безъ движенія и даже идетъ назадъ, когда не возвышаются нравственныя силы. Онъ позабылъ и то, что нѣтъ всѣхъ сторонъ ума ни въ одномъ человѣкѣ; что другой человѣкъ можетъ видѣть именно ту сторону вещи, которую онъ не можетъ видѣть и, стало быть, знать то, чего онъ не можетъ знать. Не вѣрить онъ этому и все, чего не видитъ онъ самъ, то для него ложь. И тѣнь христіанскаго смиренія не можетъ къ нему прикоснуться изъ за гордыни его ума. Во всемъ онъ усумнится: въ сердцѣ человѣка, котораго нѣсколько лѣтъ зналъ, въ правдѣ, въ Богѣ усумнится, но не усомнится въ своемъ умѣ. Уже ссоры и брани начались не за какія — нибудь существенныя права, не изъ-за личныхъ ненавистей — нѣтъ, не чувственныя страсти, но страсти ума уже начались: уже враждуютъ лично изъ-за несходства мнѣній, изъ-за противорѣчій въ мірѣ мысленномъ. Уже образовались цѣлыя партіи, другъ друга не видѣвшія, никакихъ личныхъ сношеній не имѣвшія и уже другъ друга ненавидящія. Поразительно: въ то время, когда уже было начали думать люди, что образованіемъ выгнали злобу изъ міра, злоба другою дорогою, съ другого конца, входитъ въ міръ, дорогою ума и на крыльяхъ журнальныхъ листовъ, какъ всепогубляющая саранча нападаетъ на сердца людей повсюду. Уже и умные люди начинаютъ говорить, хотъ противъ собственнаго своего убѣжденія, изъ-за того только, чтобы не уступить противной партіи, изъ за того только, что гордость не позволяетъ признаться предъ всѣми въ ошибкѣ, — уже одна чистая злоба воцарилась намѣсто ума. — И человѣку ли такого вѣка умѣть полюбить и почувствовать христіанскую любовь къ человѣку? Ему ли исполниться того свѣтлаго простодушія и ангельскаго младенчества, которое собираетъ всѣхъ людей въ одну семью? Ему ли услышать благоуханіе небеснаго братства нашего? . . . Гордый умъ девятнадцатаго вѣка истребилъ его. Діаволъ выступилъ уже безъ маски въ міръ. Духъ гордости пересталъ уже являться въ разныхъ образахъ

и пугать суевѣрныхъ людей: онъ явился въ собственномъ своемъ видѣ. Почуя, что признають его господство, онъ пересталъ уже и знаться съ людьми. Съ дерзкимъ безстыдствомъ смѣется въ глаза имъ же, его признающимъ: глупѣйшіе законы даетъ міру, какіе доселѣ еще никогда не давались и міръ это видитъ и не смѣетъ послушаться! Что значитъ эта мода, ничтожная, незнающая, которую допустилъ въ началѣ человѣкъ, какъ мелочь, какъ невинное дѣло и которая теперь, какъ полная хозяйка, уже стала распоряжаться въ домахъ нашихъ, выговоя все, что есть главнѣйшаго и лучшаго въ человѣкѣ? Никто не боится переступить нѣсколько разъ въ день первѣйшіе и священнѣйшіе законы Христа, и между тѣмъ боится не исполнить ея малѣйшаго приказанія, дрожа передъ нею, какъ робкій мальчишка. Что значитъ, что даже и мы, которые сами надъ нею смѣемся, пляшемъ, какъ легкіе вѣтренники, подъ ея лудку? Что значать эти такъ называемыя безчисленные приличія, которыя стали сильнѣе всякихъ коренныхъ постановленій? Что значать эти странныя власти, образовавшіяся мимо законныхъ — постороннія, побочныя вліянія? Что значитъ, что уже правятъ міромъ пивеи, портные и ремесленники всякаго рода, а Божія помазанники остались въ сторонѣ? Люди темные, никому неизвѣстные, не имѣющіе мыслей и чистосердечныхъ убѣжденій, правятъ мнѣніями и мыслями умныхъ людей и газетный листокъ, признаваемый лживымъ всѣми, становится нечувствительнымъ законодателемъ его неуважающаго человѣка! Что значать всѣ незаконные эти законы, которые видимо, въ виду всѣхъ, чертитъ исходящая снизу нечистая сила и міръ это видитъ весь, и, какъ очарованный, не смѣетъ шевельнуться? Что за страшная насмѣшка надъ человѣчествомъ! И къ чему при такомъ ходѣ вещей сохранять еще наружные святыя обычаи Церкви, небесный хозяинъ которой не имѣетъ надъ нами власти? Или это еще новая насмѣшка духа тьмы? . . . Христіанинъ! Выгнали на улицу Христа, въ лазареты и больницы, намѣсто того, чтобы призвать Его

къ себѣ въ домъ, подѣ родную крышу свою, и думаютъ, что они христіане!

Чуждый эгоизма и фарисейства Николай Васильевичъ проникнуть былъ глубокимъ смиреніемъ и дѣятельною любовью къ ближнимъ, безъ которой считалъ невозможною любовь къ Богу и спасеніе души. „Нѣтъ, вы еще не любите Россіи, писалъ онъ одному своему знакомому. А не полюбивши Россіи, не полюбите вамъ своихъ братьевъ, а не полюбивши своихъ братьевъ, не возгорѣтся вамъ любовью къ Богу, а не возгорѣвшись любовью къ Богу, не спасетесь вамъ“. Всѣ христіанскіе идеалы, по мнѣнію Николая Васильевича, можно выполнять только въ союзѣ со Христомъ и при посредствѣ установленной имъ церкви. Отсюда его вѣра въ силу молитвы, благоговѣйное отношеніе къ православной церкви и ея священнослужителямъ. „Для того, кто не христіанинъ, все стало теперь трудно; для того же, кто внесъ Христа во всѣ дѣла и во всѣ дѣйствія своей жизни, все легко“, говорилъ Николай Васильевичъ. Говорятъ, что церковь наша безжизненна, но это не правда, потому что церковь наша есть жизнь. Мы трупы, а не церковь наша, и по намъ и церковь нашу называютъ трупомъ. Бѣда только въ томъ, что мы идемъ мимо нашей церкви и едва знаемъ ее теперь. „Владѣемъ сокровищемъ которому цѣны нѣтъ и не только не заботимся о томъ, чтобы это почувствовать, но не знаемъ даже, гдѣ положили его.“ Въ церкви нашей заключено все, что нужно для жизни истинно русской, во всѣхъ ея отношеніяхъ, начиная отъ государственнаго до простаго семейственнаго, всему настрой, всему направленіе, всему законная и вѣрная дорога. По мнѣ, безумна и мысль ввести какое нибудь нововведеніе въ Россію, минуя нашу церковь, не испросивъ у нея на то благословенія. Нелѣпно даже и къ мыслямъ нашимъ прививать какія бы то ни было европейскія идеи, пока не окрестить ихъ она свѣтомъ Христомъ. Только въ церкви православной просторъ не только душѣ и сердцу человѣка, но и разуму во всѣхъ его верховныхъ силахъ. Въ ней дорога и путь, какъ

устремить все въ человѣкѣ въ одинъ согласный гимнъ верховному существу.“ Съ такою же бодрою вѣрою Николай Васильевичъ смотритъ на служителей церкви. Онъ убѣжденъ въ томъ, что православные пастыри могутъ имѣть и имѣютъ самое благотворное вліяніе на народъ и общество. Они нуждаются только въ поддержкѣ и ободреніи, при которыхъ они воодушевлятся сознаниемъ своего высокаго долга и обнаружатъ многоплодную дѣятельность. Они должны заниматься не только проповѣданіемъ, но участвовать въ дѣлахъ общественной благотворительности и быть естественными помощниками въ благотворительной дѣятельности правительственныхъ лицъ. При такомъ взглядѣ на значеніе Церкви и пастырства въ жизни русскаго народа, естественно, что Гоголь смотритъ и на просвѣщеніе, какъ на дѣло церкви. Самое слово „просвѣщеніе“, по его словамъ, заимствовано у церкви и должно имѣть тотъ смыслъ, какой усваиваетъ ему церковь. По мысли же церкви, истинное просвѣщеніе человѣка состоитъ въ раскрытіи всѣхъ сторонъ его природы. „Просвѣтитъ, говоритъ Гоголь, не значитъ научить, или наставить или образовать или даже освѣтить; но всего насквозь высвѣтлитъ человѣка, во всѣхъ его силахъ, а не въ одномъ умѣ, пронести всю природу его сквозь какой то очистительный огонь“. Поэтому и задача школы, по его мнѣнію, состоитъ не въ томъ только, чтобы сообщить крестьянину одну грамотность; ибо грамотность можетъ быть употреблена на чтеніе пустыхъ книгъ или на плутовское крючкотворство, вслѣдствіе котораго народъ напѣ питаетъ боязнь къ всякой печатной бумагѣ. „Деревенскій священникъ можетъ сказать гораздо больше истинно нужнаго для мужика, чѣмъ всѣ эти книжки. Грамотность нужна мужику для того, чтобы прочесть тѣ книги, въ которыхъ начертанъ Законъ Божій человѣку“.

Таковы были религіозно-нравственныя воззрѣнія Николая Васильевича. Будемъ же и мы со своей стороны слѣдовать его высокимъ завѣтамъ и стремиться къ тѣмъ идеаламъ, къ которымъ стремился онъ. Будемъ любить Бога и ближнихъ,

какъ любилъ онъ. Будемъ дорожить св. православной вѣрою, какъ дорожилъ ею онъ, будемъ благоговѣть предъ св. церковью, и предъ ея уставами, какъ благоговѣлъ предъ ними онъ. Этимъ мы не только достойно почтимъ память его, но и доставимъ отраду его боголюбивой душѣ, ибо въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи онъ самъ написалъ намъ: „Кто послѣ моей смерти вырастетъ выше духомъ, нежели какъ былъ при жизни моей, тотъ покажетъ, что онъ точно любилъ меня и былъ мнѣ другомъ и симъ только воздвигнетъ мнѣ памятникъ“. Нѣтъ ничего болѣе невѣрнаго и предвзятаго, какъ то сужденіе о немъ, что будто въ послѣдніе годы своей жизни онъ измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, которыя раньше исповѣдывалъ, впалъ въ мистицизмъ и даже упомяшательство. Самъ Николай Васильевичъ съ рѣшительностію отвергалъ въ себѣ такую перемѣну убѣжденій и настаивалъ на своей послѣдовательности. Въ отвѣтъ на тяжкій упрекъ въ томъ, что онъ сошелъ съ истиннаго пути, онъ писалъ: „чуть ли не съ двѣнадцатилѣтняго возраста я иду тою же дорогою, какъ и нынѣ, не мѣняясь и не колеблясь никогда въ мнѣніяхъ главныхъ и не переходя изъ одного положенія въ другое“.

Отъ всей души вознесемъ молитвы наши о дорогомъ нашемъ Николаѣ Васильевичѣ, да упокоитъ Господь духъ его въ царствѣ небесномъ. Аминь!

Рѣчь

предъ панихидою по Василиѣ Андреевичѣ Жуковскомъ въ торжественномъ собраніи Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ, сказанная профессоромъ богословія протоіереемъ А. С. Царевскимъ.

Литературное воспоминаніе о Василии Андреевичѣ Жуковскомъ мы предваряемъ церковною молитвою объ упокоеніи души его. Такъ мы поступаемъ не только по долгу своего христіанскаго званія, повелѣвающаго намъ молиться о всѣхъ усопшихъ отцахъ и братіяхъ нашихъ по вѣрѣ, но и по чувству любви и уваженія къ Василию Андреевичу, какъ знаменитому русскому поэту, замѣчательному педагогу, истинному христіанину и преданному сыну св. православной церкви, особенно близкому всѣмъ намъ по своей жизни здѣсь въ Юрьевѣ, ибо онъ жилъ и дѣйствовалъ въ той обстановкѣ, въ которой живемъ и дѣйствуемъ мы. Я не рѣшаюсь подробно говорить о заслугахъ Василия Андреевича во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ, предоставляя это другимъ ораторамъ. Скажу только, что великое значеніе его, какъ поэта, для русской литературы, опредѣлено однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ и авторитетнѣйшихъ нашихъ критиковъ, сказавшихъ о немъ, что безъ Жуковского мы не имѣли бы Пушкина, а безъ Пушкина мы не имѣли бы Гоголя, Достоевскаго, Тургенева и всей теперешней литературы. Великое значеніе

Жуковского какъ педагога опредѣляется тѣмъ, что онъ воспиталъ для Россіи замѣчательнѣйшаго человека, Императора Александра II, Царя-Освободителя, освободившаго миллионы русскаго народа отъ крѣпостной зависимости, даровавшаго ему правый, гласный судъ, избавившаго единовѣрныхъ намъ славянъ отъ мусульманскаго ига, и совершившаго много другихъ славныхъ дѣлъ, покрывшихъ его имя вѣчною славою. Воспитавши столь великаго и славнаго Питомца, Жуковский является и самъ отчасти нечуждымъ его славы. Будучи человекомъ въ высшей степени мягкимъ, гуманнымъ, чуждымъ гордаго и высокомернаго отношенія къ людямъ, онъ старался привить эти качества и къ своему высокому воспитаннику, являясь образцомъ, въ этомъ отношеніи, для всѣхъ современныхъ педагоговъ. И если бы послѣдніе подражали ему въ педагогическомъ дѣлѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что дѣло это у нихъ шло бы болѣе благоуспѣшно.

Какъ вѣрующій христіанинъ и преданный сынъ св. православной церкви, Василій Андреевичъ Жуковский по преимуществу можетъ быть названъ поэтомъ-христіаниномъ. Свой поэтический талантъ онъ употреблялъ не на колебаніе св. вѣры и церкви, какъ теперь нерѣдко дѣлаютъ нѣкоторые русскіе писатели, но на укрѣпленіе св. вѣры, великую цѣну которой онъ признавалъ всѣмъ своимъ сердцемъ. Можно сказать, что ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не оставилъ въ своихъ сочиненіяхъ такого обильнаго матеріала по разнымъ вопросамъ религіи и морали, какъ Жуковский. Всѣ его стихотворенія проникнуты тѣмъ настроеніемъ, которое вполне отвѣчаетъ настроенію искренняго христіанина. На поэзію онъ смотрѣлъ какъ на нѣкоторое откровеніе и на дѣло поэта, какъ на дѣло Божіе. Это онъ выразилъ въ извѣстныхъ словахъ своихъ: „Поэзія есть Богъ въ свѣтѣ мѣтахъ земли“.

Находясь въ самыхъ благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, стоя въ близкихъ отношеніяхъ съ царями и князьями, Жуковский въ сердечной своей жизни былъ однимъ

изъ самыхъ несчастныхъ людей. Но никогда онъ не впалъ въ отчаяніе: въ св. вѣрѣ онъ находилъ укрѣпленіе и ободреніе для себя. На бѣдствія и несчастія въ жизни онъ смотрѣлъ какъ на средства, которыми Господь приводитъ человѣка къ вѣрѣ и смиренію. По его словамъ „цѣною бѣдствія люди покупаютъ лицезрѣніе Бога“. Какъ понять постигающія насъ иногда страданія, спрашиваетъ онъ? Отвѣтъ на это, говоритъ Жуковский, простой. „Мы должны не по событіямъ судить промыслъ Божій, а событія по промыслу Божію. Въ однихъ онъ является намъ во всей своей благодати, а въ другихъ мы не видимъ его своими слѣпыми глазами. Въ обоихъ случаяхъ, какъ и во всемъ, мы должны смириться“. Глубокая религіозность Василія Андреевича особенно проявилась при его кончинѣ. Причастившись Св. Таинъ, онъ позвалъ къ себѣ младшую дочь свою и сказалъ ей: „Пойди, скажи матери: я теперь нахожусь въ ковчегѣ и выпускаю перваго голубя — это моя вѣра; другой мой голубь — терпѣніе“. Когда затѣмъ онъ съ трудомъ уже различалъ лица родныхъ, онъ обратился къ матери своей жены съ слѣдующими словами: „теперь остается только матеріальная борьба, душа уже готова“. Эти были послѣднія слова нашего поэта христіанина. Такъ умирать можетъ только истинный христіанинъ, соблювшій свою вѣру до конца и съ непоколебимымъ упованіемъ ожидающій того вѣнца правды, который Господь обѣщалъ всѣмъ, возлюбившимъ явленіе Его. Да упокоится же духъ его, по вѣрѣ его, въ селеніяхъ праведныхъ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь и радость безконечная. Аминь!

Михайлъ Васильевичъ Остроградскій

(род. 12 сент. 1801 г., † 20. дек. 1861 г.).

По поводу исполнявшагося 12 сентября сего года столѣтія со дня его рожденія.

(Читано въ засѣданіи Общества 15 декабря 1901 года.)

Въ этомъ году — 12 сентября исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія выдающагося русскаго математика **Михаила Васильевича Остроградскаго**.

Это знаменательное для русскаго просвѣщенія событіе вспомнила прежде другихъ родина славнаго геометра — поэтическая „Украина“ и отмѣтила его торжественнымъ засѣданіемъ „Полтавскаго Кружка любителей математическихъ наукъ“, состоявшимся въ самый день исполнявшагося столѣтія. На это засѣданіе было прислано много привѣтствій отъ различныхъ учрежденій со всѣхъ сторонъ нашего обширнаго отечества, а отъ нѣкоторыхъ учрежденій прибыли даже депутаціи, какъ на примѣръ — отъ университетовъ: Харьковскаго, Кіевскаго и Московскаго.

Затѣмъ, старѣйшее изъ русскихъ математическихъ обществъ — Московское математическое Общество посвятило памяти знаменитаго русскаго математика свое октябрьское засѣданіе, въ которомъ за біографіей **Михаила Васильевича Остроградскаго**, составленной ученикомъ Остроградскаго, бывшимъ профессоромъ Одесскаго университета **Е. О. Сабининымъ**, слѣдовали рефераты профессоровъ: **Н. Е. Жуковскаго**,

Н. А. Умова и Л. К. Лахтина, охарактеризовавшие все-сторонне научную деятельность М. В. Остроградского в областях теоретической механики, математической физики и чистой математики.

Наконецъ, Петербургское математическое Общество устроило 20 ноября торжественное заседание, тоже посвященное памяти русскаго математика, въ которомъ профессора: К. А. Поссе, Д. К. Бобылевъ, И. Л. Пташицкій, И. В. Мещерскій, Г. В. Колосовъ и докторъ математики Гёттингенскаго университета г-жа Н. Н. Гернетъ слѣлали рефераты объ изслѣдованіяхъ М. В. Остроградскаго въ различныхъ областяхъ чистой и прикладной математики.

Наше молодое Учено-Литературное Общество, конечно, не обладаетъ такими научными средствами, какъ указанная общеста, по весьма специальному отдѣлу знаний — математикѣ, и не можетъ, поѣтому, представить особенно детальной оцѣнки трудовъ знаменитаго математика, но было бы весьма нежелательно ничѣмъ не отмѣтить въ жизни нашего Общества годовщины исполнившагося столѣтія со дня рожденія Остроградскаго — событія, весьма знаменательнаго для русскаго просвѣщенія. Намъ слѣдуетъ вспомнить объ этомъ ученомъ тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ нѣкоторое научное общеніе съ нашимъ университетомъ черезъ извѣстнаго Дерптскаго профессора математики Миндинга; и вообще въ то время между Академіей Наукъ, въ которой была сосредоточена главная дѣятельность Остроградскаго, и Дерптскимъ университетомъ, который давалъ значительный контингентъ членовъ Академіи, существовало весьма тѣсное общеніе. Ко всему этому надо прибавить еще то, что покойный попечитель Рижскаго учебнаго округа Николай Алексѣевичъ Лавровскій былъ ученикомъ Остроградскаго въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, а многимъ изъ насъ извѣстно, что Николай Алексѣевичъ имѣлъ большія симпатіи къ математическому образованію, благодаря чему онъ сумѣлъ, конечно

при содѣйствіи своего талантливаго и энергичнаго помощника В. Я. Попова, поднять на высокій уровень преподаваніе математики въ Рижскомъ учебномъ округѣ, что составляетъ одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ реформированныхъ нѣмецкихъ школъ въ здѣшнемъ краѣ.

Въ настоящемъ докладѣ я попытаюсь дать хотя бы блѣдный очеркъ жизни и научной дѣятельности Михаила Васильевича Остроградскаго для того, чтобы познакомить членовъ Общества съ личностью, потрудившеюся на пользу просвѣщенія нашего отечества, и чтобы дать возможность нашему Обществу принять посильное участіе въ чествованіи памяти знаменитаго русскаго математика.

Михаилъ Васильевичъ Остроградскій, сынъ помѣщика Полтавской губерніи Кобелякскаго уѣзда, родился 12 сентября 1801 года въ деревнѣ Пашенной. Уже въ раннемъ возрастѣ онъ сталъ обнаруживать пытливый умъ: обо всемъ его окружавшемъ онъ постоянно спрашивалъ своего отца, который и былъ, такимъ образомъ, его первымъ воспитателемъ. На девятомъ году Остроградскій былъ опредѣленъ въ пансіонъ при Полтавской гимназіи, называвшійся домомъ для воспитанія бѣдныхъ дѣтей (начальникомъ этого заведенія былъ въ то время извѣстный украинскій поэтъ Котляревскій). Въ это же время, по дворянскому обычаю того времени, Остроградскаго записали на службу въ канцелярію Полтавскаго гражданскаго губернатора, гдѣ онъ былъ награжденъ, уже въ слѣдующемъ году, чиномъ губернскаго регистратора, а вскорѣ, будучи перемѣщенъ на службу въ Роменскую почтовую контору, получилъ чинъ коллежскаго регистратора; конечно вся его служба значилась только на бумагѣ. Изъ пансіона онъ скоро перешелъ на частную квартиру г. Ротмистрова и продолжалъ посѣщать ту же гимназію. Большаго прилежанія къ научнымъ занятіямъ въ гимназіи Остроградскій не обна-

руживалъ и, наконецъ, вышелъ изъ третьяго класса гимназіи — по желанію отца.

Въ 1816 году судьба Остроградскаго една не похитила его отъ той карьеры, на которой онъ впослѣдствіи стяжалъ себѣ славу: отецъ хотѣлъ было отдать его въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, стоявшій въ С. Петербургѣ; но, однако, по совѣту родственника г. Устимовича, рѣшилъ опредѣлить его въ Харьковскій университетъ.

Для приготовленія въ студенты университета, Остроградскій былъ помѣщенъ на квартиру къ университетскому адъютанту военныхъ наукъ М. К. Робушу.

Остроградскій сначала весьма сожалѣлъ, что не пришлось поступить на военную службу и повтому весьма неохотно занимался науками. До 1817 года онъ посѣщалъ университетъ въ качествѣ вольнослушателя, а въ этомъ году былъ уже зачисленъ въ студенты физико-математическаго факультета.

Рѣзкій переломъ въ занятіяхъ Остроградскаго наступилъ, когда онъ перешелъ на квартиру къ преподавателю математики Павловскому. Послѣдній сумѣлъ разъяснить юношѣ всю несообразность его желаній поступить на военную службу и пріохотилъ его къ занятіямъ математикой. Вскорѣ Остроградскій подъ руководствомъ Павловскаго овладѣлъ вполне методами высшей математики.

Въ 1818 году, 3 октября, Остроградскій окончилъ курсъ университета со студентскимъ аттестатомъ, въ которомъ сказано, что онъ обучался — алгебрѣ, тригонометріи, криволинейной геометріи, гражданской архитектурѣ, практической геометріи, исторіи, статистикѣ Россійскаго государства и всеобщей исторіи — съ очень хорошимъ успѣхомъ, а военнымъ наукамъ, теоріи функций, интегральному и варіаціонному исчисленію и Россійской словесности — съ превосходнымъ успѣхомъ, и во все время пребыванія его въ университетѣ поведенія былъ добропорядочнаго.

По окончаніи университетскаго курса, Остроградскій прожилъ одинъ годъ въ имѣніи отца и затѣмъ снова поступилъ

въ университетъ для слушанія нѣкоторыхъ специальныхъ курсовъ, особенно по прикладной математикѣ.

Въ 1820 году Остроградскій виѣстъ съ другими студентами держалъ экзаменъ для того, чтобы получить степень кандидата, и былъ записанъ въ число отличившихся. На основаніи этого экзамена профессоръ математики Осиповскій, бывший въ то время ректоромъ Харьковскаго университета, предложилъ Совѣту удостоить Остроградскаго степени кандидата на основаніи новаго положенія о степеняхъ, но профессоръ философіи Дудровичъ заявилъ Совѣту, что эти положенія нельзя примѣнить къ Остроградскому, такъ какъ послѣдній получилъ „студентскій“ аттестатъ до новаго положенія о степеняхъ, и, кромѣ того, онъ заявилъ, что аттестатъ выданъ Остроградскому противозаконно, такъ какъ Остроградскій не держалъ экзамена по философіи, которая была обязательнымъ предметомъ для студентовъ физико-математическаго отдѣленія. Это заявленіе Дудровича было слѣдствіемъ, главнымъ образомъ, того, что Осиповскій всегда обнаруживалъ полное пренебреженіе къ философіи и философамъ; послѣднее обстоятельство создало весьма дурныя личныя отношенія между Осиповскимъ и тогдашними профессорами философіи — Шацомъ и Дудровичемъ; изъ-за этихъ отношеній пришлось страдать Остроградскому. Ссора Осиповскаго съ Дудровичемъ по дѣлу Остроградскаго приняла крупныя размѣры, и Дудровичъ подалъ въ Совѣтъ докладную записку, въ которой онъ обвиняетъ физико-математическое отдѣленіе и ректора Осиповскаго въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ по выдачѣ Остроградскому аттестата и по производствѣ послѣдняго въ кандидаты; онъ указываетъ, между прочимъ, на то, что Остроградскій, во все время своего пребыванія въ университетѣ, не посѣщалъ лекцій философіи, а въ заключеніи говоритъ: „Я умалчиваю уже о томъ, что, не смотря на предписаніе начальства, Остроградскій не слушалъ Богопознанія и христіанскаго ученія. По всѣмъ этимъ причинамъ все дѣло о производствѣ Остроградскаго въ кандидаты мнѣ кажется несогласнымъ ни съ университетскими

узаконавленіями, ни съ предписаніями начальства.“ Въ это время Осиповскаго уже не было въ университетѣ: онъ былъ уволенъ отъ должности ректора и профессора по представленію попечителя Корнѣева, который былъ къ нему не расположенъ лично.

Совѣтъ университета, вслѣдствіе докладной записки Дудровича, потребовалъ объясненія отъ Остроградскаго, и послѣдній сообщилъ слѣдующее:

„Сего 1820 года декабря 3-го дня получилъ я отъ секретаря правленія Императорскаго Харьковского университета выписку изъ журнала Совѣта онаго университета за № 321, въ которой сказано: что Совѣтъ поручаетъ правленію истребовать отъ меня объясненіе, просилъ ли я экзамена какъ студентъ 1818 года, или какъ студентъ сего 1820 года, и по какой я причинѣ оставался въ университетѣ?

„На сіе честь имѣю правленію донести: окончивъ курсъ наукъ въ университетѣ 1818 года и получивъ на званіе студента аттестатъ, я уѣхалъ изъ Харькова и, по истеченіи года, возвратившись въ оный, просилъ правленіе университета принять меня подъ свое вѣдомство и позволить слушать лекціи для усовершенствованія себя по части наукъ, относящихся къ прикладной математикѣ; но дабы показать усилъхи свои предъ начальствомъ, я, съ позволенія гг. преподающихъ, сдавалъ изъ оныхъ наукъ экзаменъ, при бывшихъ общихъ испытаніяхъ сего 1820 г., ни мало не думая, чтобы то, что позволено закономъ, могло быть препятствіемъ къ полученію степени кандидата. Въ бывшемъ торжественномъ собраніи сего 1820 года, августа 30-го, я былъ провозглашенъ въ числѣ отличившихся. Услышавъ сіе, подалъ я въ факультетъ прошеніе, какъ студентъ 1818 г., и, прилагая аттестатъ, просилъ произвести меня за отличіе въ кандидаты, имѣя въ виду къ тому примѣры. Но гг. члены физико-математическаго отдѣленія въ засѣданіи своемъ объявили, что я, какъ студентъ, кончившій курсъ 1818 года, не иначе могу получить степень кандидата, какъ подвергнувъ себя положенному законами испытанію. Я согласился на сіе безирекословно. Отдѣленіе приступило не-

медленно къ испытанію, проэкзаменовало меня изъ всѣхъ наукъ, исключая одной философіи, изъ которой я также готовъ былъ подвергнуться испытанію, такъ какъ и изъ прочихъ наукъ, но не знаю по какой причинѣ не былъ до сихъ поръ къ сему допущенъ.

Студентъ Михаилъ Остроградскій.“

7-го декабря 1820 г.

Найдя эти объясненія удовлетворительными, факультетъ допустилъ Остроградскаго къ экзамену по философіи, который Остроградскій выдержалъ удовлетворительно. Тогда Совѣтъ постановилъ: „испросить разрѣшеніе попечителя на выдачу Остроградскому кандидатскаго диплома“, представивъ при семъ мнѣніе Дудровича.

Попечитель Корнѣевъ согласился съ мнѣніемъ послѣдняго и вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ съ представленіемъ, въ которомъ поддерживалъ мнѣніе Дудровича о незаконности производства Остроградскаго въ кандидаты. Министръ — князь Голицынъ предписалъ: „предоставить Остроградскому вновь подвергнуться испытанію, буде пожелаетъ, къ полученію студентской степени на точномъ основаніи Высочайше утвержденнаго положенія о производствѣ въ ученыя степени, а за симъ, по предписанному въ томъ же положеніи порядку, достигать и прочихъ ученыхъ степеней; удержанный же у Остроградскаго, выданный ему въ 1818 году студентскій аттестатъ — не возвращать.“

Такимъ образомъ, личныя счеты профессоровъ и университетскія интриги послужили причиной весьма крупной неудачи первыхъ шаговъ Остроградскаго на научномъ поприщѣ. Но къ счастью у Остроградскаго были уже достаточно развиты его университетскими учителями, главнымъ образомъ Осиповскимъ, любовь къ научнымъ занятіямъ и увѣренность въ его математическія способности. Поэтому Остроградскій не потерялся при столь жестокихъ ударахъ судьбы, не сталъ снова мечтать о военной службѣ или какой-нибудь другой карьерѣ,

а рѣшилъ продолжать свои занятія математикой. Отказавшись отъ своего права снова держать экзаменъ на студентскій аттестатъ, Остроградскій сталъ просить своего отца отпустить его въ Парижъ, гдѣ въ то время сосредоточили свою дѣятельность знаменитѣйшіе французскіе математики начала истекшаго столѣтія: Лапласъ, Лагранжъ, Коши, Фурье, Амперъ, Пуассонъ и другіе, которые составили въ математикѣ эпоху, неимѣющую еще себѣ равной въ исторіи развитія точныхъ наукъ. Отецъ Остроградскаго согласился на эту просьбу послѣдняго, не смотря на всѣ увѣщанія родственниковъ не отпускать юношу на погибель; таковъ былъ взглядъ въ то время на заграничную поѣздку.

Прежде чѣмъ перейти ко второму періоду жизни Остроградскаго — за-границею, я позволю себѣ остановиться на выясненіи тѣхъ условій жизни, на выясненіи той среды, гдѣ, собственно говоря, уже сложился характеръ Остроградскаго не только какъ человѣка, но и какъ ученаго: дальнѣйшее усовершенствованіе Остроградскаго въ наукѣ у французскихъ ученыхъ только укрѣпило направленіе его научной дѣятельности, основаніе котораго было уже заложено въ его занятіяхъ подъ руководствомъ харьковскихъ профессоровъ.

Знакомство съ условіями, при которыхъ началъ развиваться и окрѣпъ характеръ и математическій талантъ Остроградскаго, можно почерпнуть изъ прекраснаго очерка Н. А. Лавровскаго¹⁾ о В. Н. Каразинѣ и основаніи Харьковского университета, а также изъ „Матеріаловъ для исторіи“ М. Сухомлинова²⁾.

17 января 1805 года былъ торжественно открытъ университетъ въ Харьковѣ, благодаря, главнымъ образомъ, бывшему въ то время правителю дѣлъ „главнаго училищъ правленія“ В. Н. Каразину, который убѣдилъ харьковское дворянство

1) Н. Лавровскій. Василій Назарьевичъ Каразинъ и открытіе Харьковского университета. Журналъ Минист. Нар. Просвѣщ. 1872.

2) Сухомлиновъ. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ Царствованіе Императора Александра I, т. I.

сдѣлать крупныя пожертвованія на устройство „университета для средоточія просвѣщенія полуденной Россіи“. Только вслѣдствіе этого пожертвованія и личнаго расположенія къ В. Н. Каразину, Императоръ Александръ I согласился на открытіе университета въ Харьковѣ, хотя раньше были намѣчаемы другіе города для южнаго университета — Кіевъ и Воронежъ, а въ Харьковѣ предполагалось только устройство кадетскаго корпуса.

В. Н. Каразинъ положилъ также много личнаго труда по оборудованію новаго университета и пріисканіи подходящихъ лицъ для преподаванія наукъ.

Въ то время было весьма трудно найти достойныхъ лицъ для университетскаго преподаванія среди русскихъ ученыхъ, потому что единственный Московскій университетъ едва могъ удовлетворять своимъ нуждамъ въ пополненіи преподавательскаго персонала. Вслѣдствіе этого пришлось пригласить большинство профессоровъ изъ-за границы. Изъ общаго числа всѣхъ 24 преподавателей, начавшихъ свою дѣятельность въ январѣ 1805 года, не считая учителей „пріятныхъ искусствъ“, только шестеро были русскіе. Въ послѣдствіи было еще хуже: напримѣръ, въ 1810 году иностранныхъ преподавателей въ Х. университетѣ было 20 на шесть русскихъ. Конечно, русскимъ профессорамъ было не особенно уютно въ такой коллегіи; и вотъ, съ самого начала дѣятельности, въ университетѣ начинаютъ проявляться въ самой острой формѣ — партійная борьба, личные счеты, интриги и другіе, къ сожалѣнію, весьма частые атрибуты академической жизни.

Главный контингентъ профессоровъ составляли нѣмцы, представлявшіе, какъ и всегда, весьма сплоченную партію. Во время министерства графа Завадовскаго эту партію старались ослабить приглашеніемъ преподавателей изъ западныхъ славянъ. Въ этомъ направленіи особенно работалъ весьма ловкій сербъ Стойковичъ¹⁾, профессоръ физики и второй

1) Н. Лавровскій. Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго Университета: I. А. И. Стойковичъ; II. I. Г. Шадъ. Чтеніе въ Имп. Общ. исторіи и древностей Росс. 1873, кн. 2.

ректоръ въ Харьковскомъ университетѣ, который любилъ своихъ земляковъ сербовъ, и вообще карпато-россовъ, и приглашалъ ихъ на мѣста при университетѣ. По его приглашенію пріѣхалъ въ Россію и Дудровичъ, о которомъ мы говорили выше. Стойковичъ надѣлалъ въ свое время много шума вслѣдствіе исторіи съ венгерскимъ виномъ: его обвиняли въ томъ, что онъ выписывалъ вино подъ именемъ физическихъ приборовъ безъ пошлины и производилъ широкую торговлю имъ; эта исторія послужила причиною оставленія Стойковичемъ Х. университета. Вообще надо замѣтить, что большинство изъ иностранцевъ профессоровъ занималось разными гешефтами и мало дорожили достоинствомъ университета; пришельцы славяне не составляли въ этомъ смыслѣ исключенія. Многіе изъ иностранцевъ повтому даже сдѣлались богатыми, тогда какъ русскіе профессора были, по большей части, народъ бѣдный и оставались таковыми. Между первыми русскими профессорами былъ приглашенъ В. Н. Каразинъ и Т. О. Осиповскій — главный наставникъ Остроградскаго, занимавшій до этого мѣсто профессора математики и физики въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ въ СІПБ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ профессоровъ, которые составляли честь и украшеніе Х. университета, какъ говоритъ Н. А. Лавровскій. Будучи весьма хорошимъ знатокомъ современной ему математики, какъ чистой, такъ и прикладной, главнымъ образомъ, по изслѣдованіямъ французскихъ ученыхъ, Осиповскій, благодаря своему недюжинному преподавательскому таланту, увлекалъ своихъ слушателей строго-изыщнымъ изложеніемъ точныхъ знаній и особенно изложеніемъ новыхъ въ то время наукъ: небесной механики и математической физики.

Въ началѣ истекшаго столѣтія, среди интеллигентныхъ русскихъ, вошло въ моду мистическое направленіе, по всей вѣроятности вслѣдствіе распространившагося франкъ-массонства. Но одни члены русскаго общества были преданы этому направленію искренно, другіе же только въ угоду высокопоставленнымъ особамъ — съ цѣлью дѣланія карьеры.

Весьма уважаемый своими коллегами и за высокія научныя знанія, и за благородство характера, Осиповскій былъ избранъ ректоромъ Х. университета и пребывалъ въ этой должности отъ 1813—1821. „Осиповскій, говоритъ Н. А. Лавровскій¹⁾, весьма самостоятельно держалъ себя относительно иностранныхъ профессоровъ и можно смѣло утверждать, что и послѣдніе, во время его ректорства вели себя умѣреннѣе“. Послѣдніе годы Осиповскому было тяжело исполнять свои ректорскіе обязанности, потому что и попечитель З. Я. Корнѣевъ, и министръ князь А. Н. Голицынъ принадлежали къ вышеуказанному мистическому направленію, которому Осиповскій весьма не сочувствовалъ. Особенно тяжело стало Осиповскому, когда среди профессоровъ — нѣкоторые, въ угоду попечителю, сдѣлались тоже мистиками и стали наущничать доброму, но безхарактерному старику-попечителю, весьма убѣжденному мистикъ, бывшему раньше предсѣдателемъ масонской ложи въ Орлѣ, когда онъ былъ тамъ вице-губернаторомъ. Слѣдующее распоряженіе Корнѣева по поводу замѣчанія министра объ одной студенческой работѣ, напечатанной съ одобренія словеснаго отдѣленія, прекрасно характеризуетъ, какіе искусственные порядки старался привить этотъ мистикъ въ университетѣ, хотя и по искреннему своему убѣжденію. (Подобные порядки заводили также Руничъ въ Петербургскомъ и Магницкій въ Казанскомъ университетахъ, но далеко не вслѣдствіе своихъ искреннихъ убѣжденій, а совсѣмъ по другимъ соображеніямъ). Въ этомъ распоряженіи Корнѣевъ пишетъ въ Совѣтъ (25 января 1819 г.): „Чтеніе библіи не должно быть подобно чтенію обыкновенныхъ книгъ, но съ великимъ приготовленіемъ сердца и ума, прося прежде всего во внутренней молитвѣ чистоты сердечной и ума истиннаго. Прежде всего надо оживиться любовью къ Богу, а умъ долженъ подчиниться свѣту вѣры, пока не раскроется въ немъ духъ истины, который Іисусъ Христосъ, по вознесеніи Своимъ оде-

1) См. въ выше цитированной статьѣ: Н. В. Каразинъ.

снующаго Отца, ниспослалъ Апостоламъ и теперь ниспосылаетъ всѣмъ, просящимъ его отъ чистаго сердца“. Затѣмъ попечителемъ предписываются чтенія твореній святыхъ отцевъ и „просвѣщенныхъ отъ Бога людей, появившихся особенно въ прошедшемъ вѣкѣ, которые съ корнемъ ниспровергли ложное философское ученіе непобѣдимыми доказательствами, взятыми изъ слова Божія и изъ внутренняго познанія испорченной чрезъ паденіе природы человѣческой“. (Здѣсь попечитель указываетъ на сочиненія французскаго мистика Дютюа-Мамбрини — *Philosophia divina* и *Philosophia christiana*, переведенныя на русскій языкъ его племянникомъ.)

Въ заключеніе Корнѣевъ выражаетъ надежду, что ректоръ и профессора университета, по извѣстному ихъ образованію и добродѣтельной жизни, безъ сомнѣнія, обратятъ особенное вниманіе на столь важное дѣло и не упустятъ изъ вида всего того, что ожидаетъ отъ нихъ начальство.

По прочтеніи этого распоряженія попечителя, было постановлено Совѣтомъ купить нѣсколько экземпляровъ библіи на разныхъ языкахъ для казенныхъ воспитанниковъ.

Корнѣевъ посѣщалъ иногда лекціи профессоровъ и по поводу читаннаго дѣлалъ замѣчанія; такъ, напримѣръ, профессору физики Комлишинскому онъ замѣтилъ, что молнія падаетъ, имѣя на концѣ треугольникъ, который изображаетъ собою Св. Троицу.

Такая утрировка духовно-нравственнымъ воспитаніемъ, конечно, подрывала всякіе нравственные устои у преподавательскаго персонала учебныхъ заведеній того времени. Съ одной стороны, она создавала типъ преподавателей, которые, не занимаясь дѣломъ, въ угоду начальству, помимо своихъ убѣжденій, старались проводить указанныя мѣры дальше, чѣмъ слѣдовало бы; съ другой стороны, болѣе честные и добросовѣстные преподаватели переходили въ совершенную оппозицію начальству.

Въ Харьковскомъ университетѣ тоже не замедлили обра-

зоваться эти двѣ категоріи преподавателей, сильно враждовавшія между собою.

Осиповскій, какъ человѣкъ прямой, честный, не способный идти на сдѣлку съ своей совѣстью, не могъ, конечно, ужиться съ заводимыми Корнѣевымъ порядками и очутился въ оппозиціи съ начальствомъ. Это обстоятельство, можетъ быть, отчасти повліяло и на крайне реалистическое направленіе, горячимъ проповѣдникомъ котораго являлся Осиповскій, въ смыслѣ усиленія послѣдняго, какъ естественной реакціи насильственно прививаемаго мистическаго направленія.

Въ то время большинство профессоровъ физико-математическаго факультета были сторонниками реализма, въ противоположность юридическому и словесному, гдѣ профессора отличались ихъ любовью къ древнему міру и склонностью къ нѣмецкой философіи. Осиповскій былъ однимъ изъ самихъ крайнихъ реалистовъ и противникомъ всякой апріорной философіи въ естественныхъ наукахъ. Его взгляды на новую апріорную философію Канта были изложены въ его актовыхъ рѣчахъ 1807 и 1813 гг. Въ этихъ рѣчахъ Осиповскій признаетъ еще значеніе философіи для наукъ математическихъ и моральныхъ, но позже, вѣроятно вслѣдствіе реакціи на мистическое направленіе начальства, онъ идетъ гораздо дальше и совершенно пренебрегаетъ философіей, о чемъ можно заключить уже изъ вышеописаннаго отношенія его къ инциденту съ Остроградскимъ — по поводу непосѣщенія послѣднимъ лекцій философіи, а также изъ нѣкоторыхъ его мнѣній, высказанныхъ въ засѣданіяхъ Совѣта. Напримѣръ, онъ говорилъ въ засѣданіи 17 декабря 1819 г. по поводу письменныхъ отвѣтовъ Дудровича, ищущаго званіе ординарнаго профессора, слѣдующее рѣзкое мнѣніе: „Въ нихъ изложено только состояніе новой германской философіи, которая со времени Канта, отнявъ у духа естественное основаніе пониманія, не оставила разуму ничего, кромѣ произведеній однихъ фантазій; что же касается до предлагаемой имъ въ особенности философіи Шеллинга, то она-то и есть фантазія по преимуществу

(*est etiam prae ceteris phantasia per eninentiam*)“. Вся рѣчь на латинскомъ.

Эта крайняя нетерпимость Осиповскаго къ философскимъ ученіямъ, безъ всякаго сомнѣнія, сообщилась и Остроградскому и составляла, по моему мнѣнію, весьма темную сторону таланта послѣдняго. Это было причиною того, что Остроградскій не могъ понять всей глубины мыслей другого знаменитаго русскаго математика, своего современника — Н. И. Лобачевскаго и присоединился ко мнѣнію другихъ русскихъ ученыхъ, осуждавшихъ попытки Лобачевскаго въ его новой геометріи сдѣлать „малопонятной идеальной-ясную систему Эвклида“. Говорятъ, что Остроградскій высказалъ даже сомнѣніе о нормальности умственныхъ способностей Лобачевскаго.

Вполнѣ естественно, что Остроградскій не понималъ идей Лобачевскаго объ основаніяхъ геометріи, потому что подобные философскіе вопросы его совсѣмъ не интересовали. Этотъ же вопросъ, конечно, относится къ апріорной философіи, такъ какъ всѣ геометрическія понятія, если даже не считать ихъ — по Канту, намъ прирожденными и чисто субъективными, что составляетъ одну изъ основныхъ доктринъ „Критики чистаго разума“, тѣмъ не менѣе они суть продукты большаго или меньшаго отвлеченія, идеализированія того, что мы наблюдаемъ въ природѣ. Изслѣдованія Лобачевскаго, а затѣмъ Риманна и другихъ геометровъ, показали, что апріорныя геометрическія понятія, лежащія въ основаніи геометріи, могутъ быть измѣнены по нашему усмотрѣнію и получаютъ новыя геометрическія системы, замѣняющія систему Эвклида. Рѣшить же вопросъ, какая система имѣетъ мѣсто въ природѣ, мы не можемъ, потому что эти системы суть продукты нашихъ болѣе или менѣе субъективныхъ возрѣній, или, по крайней мѣрѣ, продукты идеализированія дѣйствительности.

На примѣрахъ Остроградскаго и Лобачевскаго мы можемъ видѣть, какъ сильно вліяетъ среда и наставники на направленіе слагающееся у научнаго дѣятеля. Относительно условій, въ которыхъ слагался научный характеръ Остроградскаго

мы сказали уже выше. Что же касается до условий, способствовавших образованію характера Лобачевского, то они были совсѣмъ другія. Главный наставникъ Лобачевского, извѣстный нѣмецкій математикъ Бартельсъ, въ послѣдствіи профессоръ Дерптскаго университета, былъ далеко не чуждъ новой нѣмецкой философіи, а благодаря дружбѣ со всестороннимъ математикомъ — знаменитымъ Гауссомъ, онъ обладалъ весьма широкимъ кругозоромъ въ области математики. Еще болѣе широкіе взгляды на человѣческія знанія сообщилъ Лобачевскому другой иностранецъ — профессоръ физики Броннеръ, бывший директоромъ педагогическаго института, въ который поступали молодые магистры для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ. Этотъ наставникъ обладалъ весьма широкимъ философскимъ образованіемъ, хотя представлялъ собою крайне подвижную натуру — то увлекавшуюся идеями Руссо и французской революціей, то „Критикою чистаго разума“; онъ пережилъ многое: былъ монахомъ-католикомъ, писателемъ идиллій, механикомъ и физикомъ и, наконецъ, историкомъ и статистикомъ въ кантонѣ Ааргау, гдѣ и кончилъ свою бурную жизнь.

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ наставниковъ Лобачевского, надо указать еще профессора математики, большого идеалиста, Реннера, пріѣхавшаго изъ Гёттингена въ Казань въ послѣдніе студенческіе годы Лобачевского, и астронома Литрова, чело-вѣка высокообразованнаго, увлекавшагося философіей Шеллинга, которую такъ поносилъ Осиповскій.

Изъ всего этого мы видимъ, что Лобачевскій находился въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ для расширенія своего научнаго кругозора, чѣмъ Остроградскій, находившійся, какъ мы выше видѣли, подъ исключительнымъ вліяніемъ Осиповскаго, который въ своей борьбѣ съ мистиками дошелъ до отрицанія всякой философіи. Правда и Лобачевскій обнаруживалъ больше симпатій къ сенсуалистамъ и критиковалъ Канта, но все это имѣло умѣренный характеръ и никогда не переходило въ полное пренебреженіе апріорной философіей.

Къ тому же, онъ еще не сознавалъ, какой ударъ готовить его воображаемая геометрія сенсуализму; это раскрылось только гораздо позже.

Мы уже достаточно выяснили ту среду, гдѣ развился и окрѣпъ молодой талантъ Остроградскаго, но еще понятнѣе сдѣлаются эти условія университетской жизни въ Харьковѣ въ то время, если мы обратимъ вниманіе на весьма характерный документъ — докладную записку или скорѣе доносъ Дудровича, поданный попечителю Корнѣеву на ректора Осиповскаго. Этотъ доносъ былъ поданъ попечителю въ октябрѣ 1820 г. и сохранился въ архивѣ при дѣлѣ объ увольненіи Осиповскаго, хотя послѣдній былъ уволенъ нѣсколько раньше на основаніи превратнаго истолкованія со стороны попечителя прошенія Осиповскаго о перемѣщеніи послѣдняго на кафедрѣ прикладной математики.

„Ваше превосходительство! Милостивый государь! Явная ко мнѣ ненависть г. ректора Харьковскаго университета Осиповскаго, питаемая имъ единственно потому, что я всѣми силами стараюсь защищать благія намѣренія верховнаго начальства, доходитъ уже до крайности.

„Въ засѣданіи университетскаго совѣта, сентября 18-го дня сего 1820 года, члены университетскаго правленія словесно представили на разсужденіе совѣта, что многіе изъ студентовъ, не выслушавши всѣхъ наукъ по своему факультету, входятъ съ прошеніями о выдачѣ имъ полнаго студентскаго аттестата. Вслѣдствіе чего я полагалъ мнѣніемъ, что, со времени высочайше утвержденнаго въ 20-й день января 1819 года положенія о производствѣ въ ученые степени, не слѣдуетъ выдавать полныхъ студентскихъ аттестатовъ тѣмъ, кои не выслушали всѣхъ предметовъ, относящихся къ классамъ наукъ, помянутымъ положеніемъ для каждаго факультета определеннымъ, буде таковыя предметы въ бытность при университетѣ увольняемаго студента, по распоряженію университетскаго совѣта, преподаваемы были. При выдачѣ студентскихъ аттестатовъ соблюдать такой порядокъ, чтобы всѣ классы

наукъ, составляющіе по новому положенію какой-либо факультетъ, были въ аттестатѣ напечатаны, а особенные предметы, къ онымъ классамъ принадлежащіе, коихъ, смотря по обстоятельствамъ, то болѣе, то менѣе быть можетъ, прописывались бы въ аттестатѣ. Сіе мнѣніе мое, на которое всѣ почти члены совѣта согласились, послужило потомъ поводомъ къ различнымъ толкованіямъ на счетъ новаго положенія о производствѣ въ ученыя степени, о чемъ и имѣетъ послѣдовать отъ совѣта къ вашему превосходительству представленіе съ кучею бумагъ.

„Спустя послѣ того нѣсколько дней, выданы, при всемъ томъ, изъ правленія полные аттестаты двумъ по физико-математическому факультету обучавшимся въ университетѣ студентамъ, Дмитрію Канатову и Василию Лукашевичу, не слушавшимъ принадлежащихъ къ своему факультету наукъ: механики, естественной исторіи и философіи, ниже богопознанія и христіанскаго ученія, которое, по предписанію его сіятельства господина министра, съ прошлаго учебнаго 1819 года, обязаны слушать всѣ студенты всѣхъ факультетовъ. Я, узнавъ о такомъ неусмотрительномъ поступкѣ правленія, находясь случайно въ присутствіи онаго въ 23-й день истекшаго сентября, долгомъ почелъ предварить о томъ словесно г. ректора, который отвѣтствовалъ, что онъ спрашивалъ упомянутыхъ двухъ студентовъ, почему не слушали они философіи, и они будто изъяснились: „потому что не понимаютъ изъ оной ничего, а выучивать слова наизусть они не расположены“. Вотъ что начальникъ университета представляетъ въ извиненіе студентовъ въ неисполненіи ими законной обязанности своей! Какіе изъ сего могутъ произойти безпорядки, само собою явствуется.

„Сего октября 18-го дня приглашенъ я былъ г. ректоромъ, чрезъ повѣстку, въ засѣданіе физико-математическаго факультета, и того же дня явился въ университетскую залу, гдѣ бывають присутствія. Узнавъ здѣсь отъ секретаря упомянутаго факультета, г. экстраординарнаго профессора Ар-

хангельскаго, что я приглашенъ для того, дабы экзаменовать изъ философіи студента Остроградскаго, котораго факультетъ, на основаніи § 24-го положенія о производствѣ въ ученыя степени, намѣревается произвести въ кандидаты за отличіе, долгомъ поставляя предъявить г. ректору, вошедшему тогда же въ залу, что экзаменовать нынѣ студента Остроградскаго изъ философіи не сообразно тѣмъ самымъ узаконеніямъ, на основаніи коихъ желаетъ онъ получить кандидатскую степень, потому что онъ, Остроградскій, во всю бытность свою въ Харьковскомъ университетѣ, никогда не бывалъ на лекціяхъ по части философіи. На сіе, со всею учтивостію мною предъявленное, г. ректоръ вдругъ разгнѣвавшись, въ присутствіи гг. профессоровъ: Джунковскаго, Кронеберга, Архангельскаго и адъюнкта Куницкаго, самымъ грубымъ образомъ и весь въ ярости мнѣ отвѣтствовалъ: „что моя обязанность есть экзаменовать всѣхъ, кто бы ни пожелалъ, и что такое сужденіе мое есть сербское“.¹⁾ Дабы избѣгнуть дальнѣйшихъ со стороны г. ректора грубостей, я немедленно удалился изъ залы. Но узналъ потомъ, на слѣдующій день, отъ г. профессора Архангельскаго, что г. ректоръ и въ отсутствіи моемъ еще продолжалъ самымъ непристойнымъ образомъ изливать на меня свою досаду, крича громко и въ ярости, въ присутствіи гг. профессоровъ: Джунковскаго, Могилевскаго, Кронеберга и его, Архангельскаго, и въ виду всей почти канцеляріи: „что я сумасшедшій, записался въ мистики, которые сдѣлали заговоръ противъ государя и правительства, противъ религіи и разсудка, на которомъ должна утверждаться религія“.

„Я увѣренъ, что ваше превосходительство изволите совершенно понимать, какихъ разумѣтъ г. ректоръ мистиковъ,

1) Андрей Ивановичъ Дудровичъ былъ родомъ изъ Сербіи и явился въ Харьковскій университетъ, вызванный, кажется, профессоромъ и ректоромъ А. И. Стойковичемъ, тоже родомъ сербомъ. Дудровичъ въ послѣдствіи былъ тоже ректоромъ, но короткое время 1829—1830 гг.

въ которые я, по его мнѣнію, записался. Это вы, безъ сомнѣнія, ваше превосходительство, котораго онъ считаетъ верховъ сумасшедшихъ мистиковъ и котораго милостію и начальническимъ благорасположеніемъ я пользоваться имѣю счастье. Это, безъ сомнѣнія, также и его сіятельство, господинъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, котораго онъ публично, въ засѣданіи училищнаго комитета 9-го сего октября, чему очевиднымъ свидѣтелемъ г. профессоръ Пауловичъ, называлъ невѣждою, не читавшимъ ничего другого, кромѣ библіи, и противъ предписаній котораго, относящихся особливо къ водворенію при воспитаніи юношества благочестія, онъ всегда вооружается съ величайшею пылкостью. Я увѣренъ въ семь тѣмъ болѣе, что ваше превосходительство изволите знать образъ мыслей г. ректора совершенно противнымъ началамъ вѣры и св. писанія, образъ мыслей, говорю, по которому онъ, какъ извѣстно вашему превосходительству, при публичномъ испытаніи студентовъ изъ философіи, бывшемъ въ іюнѣ мѣсяцѣ сего 1820 года, въ присутствіи профессора протоіерея Афанасія Могилевскаго, адъюнктовъ Куницкаго и Робуша и многихъ постороннихъ посѣтителей, изъ злобы противъ внушаемаго мною юношеству благочестія, не устыдился громко утверждать: что Богъ не живетъ (въ насъ, прибавлено въ рукописи карандашомъ), что благочестивѣйшій сочинитель „Божественной и христіанской философіи“ Дютуа и таковой же разныхъ назидательныхъ книгъ Эккартсгаузенъ¹⁾ суть люди сумасшедшіе. Вотъ разсудокъ г. ректора, на ко-

1) Dutoit-Membrini, мистикъ французско-реформатской церкви въ кантонѣ Ваадтѣ, родился въ 1721 г.; учился теологии въ Лозанскомъ университетѣ. Въ 1759 г. оставилъ духовное званіе. Онъ образовалъ особую мистическую систему и нашелъ много приверженцевъ. Главное его сочиненіе появилась въ 1790 г.: *Philosophie divine, appliquée aux lumières naturelles, magiques, astrales, surnaturelles*, par Keleph ben Natan, 3 тома. Другое сочиненіе: *Philosophie chrétienne*, 4 тома, появилось въ 1800 г. — *Eckartshausen, Karl*, нѣмецкій писатель-мистикъ. Онъ родился въ Баваріи въ 1752 г., былъ хранителемъ баварскихъ архивовъ и умеръ въ Мюнхенѣ въ

торомъ утверждается, по его мнѣнію, религія и противъ котораго возстали сумасшедшіе мистики. Отъ подобнаго разсудка и отъ утвержденной на ономъ религіи, признаюсь, в. п., что я всегда отвращался, и отвращать своихъ слушателей представлялъ священнѣйшимъ долгомъ званія моего. Сей-то разсудокъ г. ректора причиною, что ни одинъ почти изъ обучающихся въ Харьковскомъ университетѣ по части математики студентовъ, коихъ онъ глава, почитающій явно все за вздоръ и сумасшествіе, что не подлежитъ математическимъ его выкладкамъ, не ходитъ ни на богопознаніе и христіанское ученіе, ни на лекціи мои по части философіи.

„Относительно означеннаго выше отвѣта, даннаго мнѣ г. ректоромъ сего октября 18-го дня, я было думалъ войти въ совѣтъ съ представленіемъ 20-го числа сего же октября, и положилъ мнѣніемъ: что поелику студентъ Остроградскій дѣйствительно во всю бытность свою въ университетѣ самовольно пренебрегъ посѣщать публичныя лекціи по части философіи, между тѣмъ какъ слушать оныя ему слѣдовало, и въ силу постановленія университетскаго совѣта, по которому съ 1819 года психологію, логику и нравственную философію, яко общія и пріуготовительныя науки, обязывались слушать студенты всѣхъ факультетовъ, и на основаніи высочайше утвержденнаго въ 20-й день января 1819 года положенія о производствѣ въ ученныя степени, по которому философія теоретическая и практическая именно внесена въ кругъ наукъ, составляющихъ физико-математическій факультетъ; то, въ противность §§ 10, 11, 21 и 24-го означеннаго положенія, онъ, Остроградскій, никоимъ образомъ не можетъ произведенъ

1803 г. Онъ публиковалъ множество сочиненій, наиболѣе извѣстное изъ которыхъ есть небольшое разсужденіе по мистической теологіи, подъ заглавіемъ: „Богъ есть чистѣйшая любовь“ 1790 г. Эта книжка выдержала болѣе 60-ти изданій въ Германіи и переведена почти на всѣ языки. На русскомъ языкѣ издано было нѣсколько его сочиненій, напримѣръ: „Ключъ къ тайнствамъ природы“, 4 т. Спб. 1804 г., „Наука числъ природы“, 2 т. Спб. 1815 г., „Ночи“, 2-е изд. Спб. 1817.

быть прямо въ кандидаты за отличіе, ниже получить правъ дѣйствительнаго студента иначе, какъ если верховное начальство позволить ему экзаменоваться изъ философіи и другихъ предметовъ, по части которыхъ публичныя лекціи посѣщать въ университетѣ онъ самовольно оставилъ. Тѣмъ паче, что если въ подобныхъ случаяхъ поступать по мнѣнію г. ректора и не соблюдать надлежащей строгости, то легко случиться можетъ, что принимаемые чрезъ матрикулы въ университетъ студенты оставляютъ ходить на публичныя лекціи по своему факультету или вовсе, или на большую часть оныхъ, и по прошествіи законнаго срока станутъ требовать экзамена съ дарованіемъ имъ правъ, ученымъ степенямъ по узаконеніямъ присвоенныхъ, что какъ цѣли, для которой учреждены въ имперіи университеты, такъ и § 45-му положенія о производствѣ въ ученыя степени было бы совершенно противно.

„Но узнавъ потомъ отъ г. профессора Джунковскаго, что физико-математическій факультетъ, отмѣнивъ прежнее свое положеніе о производствѣ студента Остроградскаго прямо въ кандидаты за отличіе, потому что онъ имѣетъ уже выданный ему изъ Харьковскаго университета еще отъ 3-го октября 1818 года студентскій аттестатъ, подвергалъ его испытанію въ 19-й день сего октября, на основаніи § 25-го положенія о производствѣ въ ученыя степени, и опредѣлилъ продолжать оное въ другомъ засѣданіи, пригласивъ и меня для учиненія ему экзамена изъ философіи, — я отложилъ войти въ совѣтъ съ помянутымъ выше представленіемъ моего мнѣнія. И находя съ своей стороны сей поступокъ факультета весьма страннымъ, ибо если изъ приложеннаго при просьбѣ студента Остроградскаго аттестата видно было, что онъ кончилъ курсъ ученія еще въ 1818 году, то такимъ образомъ и думать можно было произвестъ его въ кандидаты за отличіе въ противность почти въ то самое время полученнаго отъ вашего превосходительства предписанія его сіятельства господина министра отъ 25-го августа сего 1820 года, за № 2,775-мъ, объ отобраніи кан-

дидатскихъ свидѣтельствъ у студентовъ, точно такимъ же неправильнымъ образомъ сей степени удостоенныхъ; а, сверхъ того, принимая въ разсужденіе и то, что студентъ Остроградскій, имѣя выданный изъ университета студентскій аттестатъ отъ 3-го октября 1818 года, въ теченіи цѣлаго учебнаго года, то есть съ означеннаго числа по іюль мѣсяцъ 1819 года, не являлся въ университетъ, и потомъ чрезъ годъ, то есть съ сентября 1819 по іюль мѣсяцъ сего 1820 года, считался опять при университетѣ студентомъ же; ходилъ на нѣкоторыя публичныя лекціи (за исключеніемъ, разумѣется, богопознанія и христіанскаго ученія), и въ іюнѣ мѣсяцѣ подвергался вмѣстѣ съ прочими студентами студентскому экзамену изъ общей и прикладной физики, изъ механики и высшей геометріи, изъ химіи 1-го курса, о которыхъ въ прежнемъ студентскомъ аттестатѣ его ничего не значится, — я намѣренъ нынѣ войти въ совѣтъ съ особеннымъ представленіемъ, и не иначе согласиться, для производства студента Остроградскаго въ кандидаты на основаніи 25-го § положенія о производствѣ въ ученыя степени, экзаменоватъ его изъ философіи, на лекціи которой онъ никогда не хаживалъ, какъ если о томъ предписано мнѣ будетъ отъ верховнаго начальства.

„Между тѣмъ, доводя все сіе до свѣдѣнія вашего превосходительства, покорнѣйше прошу потребовать отъ г. ректора объясненія, какихъ онъ разумѣетъ мистиковъ, въ которые будто я записался, и которые сдѣлали заговоръ противъ государя, правительства, религіи и разсудка, и потомъ, съ показаніями по сему предмету свидѣтелей, представить его сіятельству господину министру о принятіи надлежащихъ мѣръ. Въ противномъ случаѣ злобный сей поступокъ г. ректора, сдѣланный имъ въ публичномъ мѣстѣ и начинающій уже дѣлаться извѣстнымъ и внѣ университета, можетъ не только лишить меня должнаго со стороны обучающаго(ся) въ университетѣ юношества уваженія, каковымъ я по сіе время всегда пользовался, но и подвергнуть меня величайшей опасности, ранѣе

или позже впасть въ подозрѣніе у самого благонамѣреннаго нашего правительства. Ваше превосходительство изволите знать и способъ публичнаго моего въ университетѣ ученія, и домашній образъ жизни моей, почему и смѣю надѣяться, что не позволите злобѣ безпрепятственно издѣваться надо мною невинно(ымъ). Въ каковой надеждѣ съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною начальническому вашему благорасположенію преданностію пребыть честь имѣю вашего превосходительства, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою Андрей Дудровичъ“.

Харьковъ. — 24-го октября 1820 г.

Этимъ мы закончимъ очеркъ перваго періода жизни Остроградскаго до отъѣзда его за границу.

Послѣ неудачнаго окончанія курса въ Харьковскомъ университетѣ, проживъ годъ у отца въ деревнѣ, Остроградскій собрался ѣхать за границу, чтобы усовершенствоваться въ математическихъ наукахъ, любовь къ которымъ заставляла его забывать неудачи первыхъ шаговъ на научномъ поприщѣ.

Въ маѣ 1822 года Остроградскій отправился въ далекій путь съ какимъ-то попутчикомъ, нѣмцемъ или французомъ, который, какъ говорятъ, его обобралъ на дорогѣ, и онъ принужденъ былъ вернуться къ отцу.

Въ августѣ этого же года, получивъ новую сумму денегъ отъ отца, Остроградскій снова двинулся въ путь и на этотъ разъ благополучно достигъ Парижа — цѣли своихъ завѣтныхъ мечтаній. Тамъ Остроградскій сталъ прилежно посѣщать лекціи въ Сорбоннѣ и въ Collège de France — знаменитыхъ математиковъ: Лапласа, Фурье, Ампера, Пуассона, Коши. Благодаря своимъ выдающимся способностямъ, онъ вскорѣ же обратилъ на себя вниманіе этихъ профессоровъ и вступилъ съ ними въ болѣе близкія, съ нѣкоторыми даже въ дружескія отношенія.

Относительно того, какъ открылся въ Парижѣ талантъ Остроградскаго, существуютъ слѣдующія двѣ легенды, которыя

любилъ разсказывать мой учитель, бывший преподаватель математики Новочеркасской гимназіи — И. Г. Поляковъ, воспитанникъ Харьковскаго университета и большой почитатель Остроградскаго.

Когда на пути въ Парижъ Остроградскій былъ обобранъ его попутчикомъ, онъ не вернулся домой, а продолжалъ свой путь по способу „пѣшаго хожденія“, какъ выражался И. Г. Поляковъ, и прибылъ въ Парижъ почти безъ гроша въ карманѣ. Тамъ онъ нанялся, по словамъ этой легенды, въ лакеи у Лапласа. Въ это время Лапласъ былъ весьма занятъ рѣшеніемъ одного весьма труднаго вопроса по небесной механики. Онъ бился уже нѣсколько дней съ длинными математическими выкладками на большой доскѣ, но желательнаго результата получить не могъ. Каково было его удивленіе и радость, когда, однажды, придя домой, онъ увидѣлъ на доскѣ доведенное до конца преобразование его формулъ съ давно уже предвидѣннымъ имъ результатомъ. Удивленію его не было конца, когда выяснилось, что этотъ результатъ полученъ его лакеемъ.

По другой легендѣ математическій талантъ Остроградскаго обнаружился слѣдующимъ образомъ: Лапласъ имѣлъ обыкновеніе задавать своимъ слушателямъ задачи для рѣшенія въ аудиторіи. Одно время онъ сталъ замѣчать, что едва онъ успѣетъ продиктовать задачу, какъ поднимается большая фигура „съ цѣлой кошной волосъ на головѣ“ и говоритъ отвѣтъ на заданную задачу. Послѣ одного изъ такихъ случаевъ Лапласъ заинтересовался этою большою фигурою и пригласилъ ее къ себѣ на домъ; оказалось, что это былъ никто иной какъ Остроградскій, съ которымъ Лапласъ, съ тѣхъ поръ, весьма подружился.

Уже въ 1825 году Коши въ одномъ изъ своихъ мемуарахъ (Объ интегралахъ съ мнимыми предѣлами) упоминаетъ Остроградскаго; онъ говоритъ: „наконецъ, одинъ русскій молодой человекъ, одаренный большою проницательностью и весьма свѣдущій въ исчисленіи бесконечно-малыхъ, прибѣгнулъ

также къ ихъ употребленію и къ преобразованію въ обыкновенныя, далъ новое доказательство упомянутыхъ мною выше формулъ, помѣщенныхъ мною въ 19-й тетради журнала политехнической школы“.

Это извѣстіе объ успѣхахъ Остроградскаго дошло и до Харькова. Оно обрадовало больше всѣхъ учителя Остроградскаго, сумѣвшего когда-то пріохотить послѣдняго къ занятіямъ математикой — профессора Павловскаго, такъ какъ онъ первый замѣтилъ недожинный талантъ своего ученика и приложилъ много стараній къ его развитію.

Въ 1826 году Остроградскій представилъ въ Парижскую Академію мемуаръ о волнообразномъ движеніи жидкости въ цилиндрическомъ сосудѣ. Этотъ мемуаръ былъ встрѣченъ Академіей съ полнымъ одобреніемъ и напечатанъ въ его журналѣ: *Mémoires présentées par divers savants* (т. III, 1832).

Во время своего пребыванія въ Парижѣ Остроградскій пріобрѣлъ расположеніе всѣхъ выдающихся французскихъ математиковъ того времени и пользовался даже дружбою многихъ изъ нихъ. Съ Коши онъ былъ въ перепискѣ и по возвращеніи въ Россію до самой смерти этого знаменитаго французскаго геометра. У Лапласа онъ былъ принятъ какъ членъ семьи, и творецъ небесной механики называлъ его не иначе, какъ *mon fils*, а передъ смертью подарилъ ему одинъ изъ ненапечатанныхъ еще мемуаровъ. Былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Пуассономъ, и Пуассонъ сообщилъ ему свою теорію движенія твердаго тѣла, раньше чѣмъ она была напечатана.

Не смотря на то, что во время пребыванія Остроградскаго въ Парижѣ, тамъ было такъ много знаменитѣйшихъ математиковъ, тѣмъ не менѣе нашъ соотечественникъ былъ весьма отличенъ тѣмъ, что получилъ профессуру въ коллегіи Генриха IV-го.

Къ сожалѣнію, кромѣ этихъ краткихъ свѣдѣній о пребываніи Остроградскаго въ Парижѣ, нигдѣ нельзя найти болѣе подробностей. Хотя сохранились у племянницы

Остроградскаго нѣкоторыя письма его къ родителямъ, присланныя изъ Парижа, но въ нихъ кромѣ постоянныхъ просьбъ о высылкѣ денегъ и жалобъ на дороговизну Парижской жизни, ничего нѣтъ. Эти письма написаны крайне безграмотно и почти безъ знаковъ препинанія; они помѣщены въ послѣднемъ номерѣ „Историческаго Вѣстника“.

По результатамъ научныхъ работъ Остроградскаго въ Парижѣ можно судить, что въ немъ установилось то математическое — строго дедуктивное направленіе, съ анализомъ безконечно-малыхъ въ основаніи, котораго фундаментъ былъ заложенъ еще въ Харьковскомъ университетѣ, вкусы къ которому были у него уже развиты профессоромъ Осиповскимъ. Освободиться отъ узкости крайняго реалистическаго направленія Остроградскій, конечно, не могъ — въ Парижѣ, такъ какъ, послѣ недавней революціи и переворотовъ начала второй имперіи, французовъ могла удовлетворять только философія Кондильяка и другихъ представителей крайняго реализма.

Въ 1827 году Остроградскій переехалъ изъ Парижа въ Петербургъ. Это было началомъ третьяго періода его дѣятельности. Здѣсь вскорѣ около него образовался кружокъ молодыхъ математиковъ, весьма интересовавшихся новѣйшими работами знаменитыхъ французскихъ ученыхъ. Соотечественники скоро оцѣнили талантъ и знанія Остроградскаго, и онъ былъ приглашенъ преподавателемъ, хотя не имѣлъ никакого диплома, сначала въ офицерскіе классы морскаго кадетскаго корпуса, а затѣмъ и въ другія высшія учебныя заведенія: въ институтъ путей сообщенія, въ главный педагогическій институтъ, главное инженерное училище и училище артиллерійское. Академія наукъ также не замедлила избрать его сначала адъюнктомъ (17 декабря 1828 г.), а вскорѣ экстраординарнымъ и, наконецъ (въ 1831 г.), ординарнымъ академикомъ.

Какъ преподаватель въ высшемъ учебномъ заведеніи Остроградскій, можно сказать, не имѣлъ себѣ равнаго ни въ то время, ни, даже, въ позднѣйшее время. Онъ увлекалъ

своихъ слушателей общностью и изящностью своего изложенія, а также замѣчательною простотою своихъ доказательствъ тѣхъ истинъ, которыя сдѣлались достояніемъ человѣчества только въ концѣ 18 и началѣ 19 вѣковъ, благодаря трудамъ такихъ гениевъ, какъ Лапласъ, Коши, Лагранжъ, Лежандръ и другихъ.

Его ученикъ по главному педагогическому институту, бывший профессоръ Одесскаго университета — Е. О. Сабининъ говоритъ слѣдующее о лекціяхъ Остроградскаго: „Михаилъ Васильевичъ читалъ лекціи такъ, что увлекалъ своихъ слушателей; самыя сложныя и трудныя вещи излагалъ весьма просто и ясно, но замѣтивъ, что и тутъ могутъ встрѣтиться нѣкоторыя затрудненія, тотчасъ приводилъ доказательство, нисколько не задумываясь, какъ великій мастеръ своего дѣла, обладавшій необыкновеннымъ талантомъ совершенствоваться и вести его впередъ. Въ своихъ лекціяхъ Михаилъ Васильевичъ не только упрощалъ изложеніе началъ читаемой имъ науки, но развивалъ и обобщалъ ихъ; его лекціи по читаемому имъ предмету отличались поучительными приѣмами анализа, что возбуждало въ слушателяхъ любовь къ излагаемому нашимъ геометромъ предмету“.

Изъ всего этого можно заключить, что Остроградскій былъ типъ преподавателя высшаго учебнаго заведенія, самый желательный, но, къ сожалѣнію, не такъ часто встрѣчающійся въ дѣйствительности. Онъ былъ и выдающійся ученый, стоявшій въ первыхъ рядахъ научныхъ дѣятелей того времени, и замѣчательный педагогъ, умѣвшій популяризировать новѣйшія научныя открытія и дѣлать ихъ достояніемъ многихъ.

Его педагогическая дѣятельность, по моему мнѣнію, остается, и еще долго будетъ оставаться безпримѣрной въ исторіи просвѣщенія нашей страны, по крайней мѣрѣ по отношенію къ точнымъ наукамъ. Въ то время какъ труднѣйшія математическія изслѣдованія по небесной механикѣ не были доступны заграницей для большинства даже выдающихся математиковъ, они, въ простомъ сравнительно изложеніи, были

предложены Остроградскимъ на публичныхъ лекціяхъ въ залѣ Академіи Наукъ (съ ноября 1829 по мартъ 1830 г.) русскимъ математикамъ, которые только начали появляться въ то время въ Россіи, еще такъ недавно вызванной къ научной дѣятельности просвѣщенными мѣрами Императора Александра I. Относительно этого курса небесной механики, который былъ представленъ Остроградскимъ французской академіи при его поѣздкѣ въ Парижъ (въ іюлѣ 1830 г.), знаменитые французскіе математики Араго и Пуассонъ дали весьма лестный отзывъ. Послѣ подробнаго разбора этого курса и историческаго обзора развитія методовъ небесной механики, Араго и Пуассонъ говорятъ: „Прочтя внимательно лекціи г. Остроградскаго, мы находимъ, что этотъ даровитый профессоръ глубокимъ изученіемъ усвоилъ тѣ общіе методы, которыми въ послѣднее время обогатилась небесная механика, и упростилъ ихъ изложеніе. Мы должны благодарить его за то, что онъ передалъ своимъ соотечественникамъ свѣдѣнія, почерпнутыя имъ въ трудахъ французскихъ ученыхъ. Ревнители просвѣщенія должны съ удовольствіемъ видѣть, что онъ нашелъ въ своемъ отечествѣ слушателей, достаточно свѣдущихъ для того, чтобы изучить подъ его руководствомъ столь высокій и трудный предметъ. Мы полагаемъ, что трудъ г. Остроградскаго заслуживаетъ похвалу и одобреніе Академіи“: Этотъ курсъ былъ изданъ въ 1831 г. въ С. Петербургѣ на французскомъ языкѣ И. С. Янушевскимъ.

Педагогическая дѣятельность Остроградскаго дала Россіи цѣлый рядъ дѣятелей съ очень солидными математическими знаніями на весьма различныхъ поприщахъ гражданской службы, а въ особенности военной, которые или передали эти знанія новымъ поколѣніямъ съ профессорскихъ кафедръ, или нашли имъ примѣненія въ практической жизни, каждый соответственно роду своихъ занятій. И до самаго послѣдняго времени еще здравствуютъ многіе ученики Остроградскаго, занимающіе въ настоящее время весьма видныя мѣста въ Имперіи. На сколько мнѣ приходилось слышать, всѣ

ученики Остроградскаго съ глубокимъ уваженіемъ и признательностью вспоминаютъ своего знаменитаго учителя.

Такого громаднаго общаго значенія для просвѣщенія нашего отечества не имѣла педагогическая дѣятельность Лобачевскаго. Послѣдній далъ учениковъ несравненно меньше, чѣмъ Остроградскій, для этого имѣлась, конечно, чисто внѣшняя причина — удаленность Казанскаго университета отъ культурныхъ центровъ. Но, кромѣ того, Лобачевскій и не могъ сообщить своимъ ученикамъ тѣхъ глубокихъ мыслей въ области строго-дедуктивной математики, которыя принадлежали первокласснымъ французскимъ ученымъ начала 19 вѣка и съ которыми такъ освоился Остроградскій. Къ тому же Лобачевскаго интересовали болѣе философскіе вопросы, проложившіе въ послѣднее время новые пути въ математикѣ, которые въ то время были еще непонятны даже первокласснымъ математикамъ. Идеи Лобачевскаго были поняты за границею и нашли тамъ послѣдователей только лѣтъ 20—30 тому назадъ, а у насъ и въ настоящее время нѣтъ специалистовъ по этой отрасли математики: этимъ идеямъ русскаго геометра принадлежитъ еще будущее.

И такъ, подводя итогъ нашихъ сопоставленій трудовъ двухъ знаменитыхъ русскихъ математиковъ на пользу отечественной науки, мы можемъ сказать, что Остроградскій разрабатывалъ и популяризировалъ тѣ математическія знанія, которыя находили и теперь находятъ повседневныя приложенія, какъ теоретическія, такъ и практическія, т. е. такія знанія, которыя ближе стоятъ къ обыденной жизни. Совсѣмъ наоборотъ, Лобачевскій своими трудами уноситъ насъ далеко отъ потребностей обыденной жизни, — такъ далеко, что многіе изъ ученыхъ, не исключая и Остроградскаго, даже усумнились въ справедливости умозаключеній Лобачевскаго и сочли ихъ пустою фантазіей. Въ настоящее время, когда выяснилось значеніе воображаемой геометріи, этотъ смѣлый полетъ мысли русскаго геометра сравниваютъ съ открытіемъ другого знаменитаго славянина — Коперника. И дѣйствительно, ха-

ракетъ открытій этихъ ученыхъ одинаковъ въ смыслѣ пораженій, нанесенныхъ ими сенсуализму: Коперникъ нанесъ первый крупный ударъ сенсуализму и человѣческой гордости показавъ, что наша земля, считавшаяся до того центромъ вселенной, есть только одинъ изъ многихъ міровъ — песчинка, несущаяся въ пространствѣ; Лобачевскій своими изслѣдованіями окончательно выяснилъ всю ограниченность нашихъ чувственныхъ представлений, такъ какъ онъ показалъ, что наше пространство, изображаемое системою Евклида можетъ быть только ничтожной частицей, почти точкой въ другомъ пространствѣ многихъ измѣреній — въ пангеометріи, о которомъ мы не можемъ имѣть никакихъ конкретныхъ представлений, но нашъ духъ можетъ его до нѣкоторой степени постигать.

Изъ всего предыдущаго, мнѣ кажется, достаточно выяснились характеры двухъ русскихъ научныхъ дѣятелей первой половины истекшаго столѣтія, и мы видимъ, какой сильный отпечатокъ оставили на нихъ описанныя выше условія университетской жизни, которыя были весьма различны для каждаго изъ нихъ.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о наиболѣе выдающихся самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ Остроградскаго, сдѣланныхъ имъ въ послѣднее двадцатилѣтіе его жизни. Въ подробный разборъ ихъ мы не будемъ входить.

Кромѣ вышеуказаннаго курса небесной механики, изданнаго Янушевскимъ и курса алгебраическаго и трансцендентнаго анализа, изданнаго Бурачкомъ и Зеленымъ, имѣются въ печати 48 отдѣльныхъ изслѣдованій Остроградскаго, помѣщенныхъ въ изданіяхъ С. Петербургской Академіи, и три мемуара — въ изданіяхъ Парижской Академіи.

Изъ всѣхъ этихъ изслѣдованій особенно замѣчательно по чистому анализу — изслѣдованіе объ исчисленіи варіацій кратныхъ интеграловъ. Хотя Эйлеръ и Лагранжъ положили уже прочныя основанія варіаціонному исчисленію, однако приложенія этого исчисленія къ отысканію наибольшихъ и наименьшихъ величинъ кратныхъ интеграловъ встрѣчали непрео-

долимыя затрудненія. Пуассонъ сумѣлъ преодолѣть эти затрудненія только для двукратныхъ интеграловъ, хотя весьма искусственнымъ путемъ. Остроградскій же далъ общую формулу для варіаціи какого угодно кратнаго интеграла, а также указалъ, какъ ее надо преобразовать для большаго удобства въ приложеніяхъ. Такимъ образомъ вопросъ о наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ кратныхъ интеграловъ былъ рѣшенъ Остроградскимъ вполне уже въ 1834 году, но почему-то это рѣшеніе осталось непонятымъ и въ 1840 году этотъ вопросъ, или скорѣе вторая часть его — о предѣльныхъ условіяхъ, былъ предложенъ Парижской Академіей на премію. Премію получилъ Саррюсъ, давшій болѣе удобныя для приложенія формулы. Въ послѣднее время мемуаръ Саррюса подвергся весьма серьезной критикѣ, со стороны ученика Остроградскаго — профессора Е. Θ. Сабинина, который находитъ въ немъ крупныя ошибки и старается возстановить оставшіеся въ тѣни изслѣдованія Остроградскаго по этому вопросу. Варіаціонное исчисленіе, надо замѣтить, играетъ весьма важную роль въ изслѣдованіяхъ чистой и прикладной математики. Напримѣръ, оно даетъ возможность рѣшать такіе вопросы: данъ замкнутый контуръ въ пространствѣ и требуется найти наименьшую поверхность, черезъ него проходящую. Силы природы просто рѣшаютъ эту задачу, весьма трудно поддающуюся рѣшенію математики: если осуществить контуръ изъ проволоки, опустить его въ растворъ мыла съ глицериномъ и затѣмъ вынуть его изъ этого раствора, то на немъ останется тонкая плѣнка, которая и есть минимальная поверхность, проходящая черезъ данный контуръ. Эти опыты называются опытами Plateau.

Важную услугу оказалъ Остроградскій изысканіямъ въ области интеграловъ алгебраическихъ функцій, которымъ положилъ начало гениальный норвежскій математикъ Абель, умершій 27 лѣтъ отъ роду, но сдѣлавшій такія открытія, которыми математики занимаются уже цѣлое столѣтіе и не могутъ изчерпать. Здѣсь Остроградскій нашелъ условіе и способъ выражать алгебраическою функціей интегралъ раціо-

нальной дроби и интегралъ отъ функціи, содержащей квадратный корень отъ цѣлаго многочлена. Онъ далъ также способъ находить въ интегралѣ раціональной дроби отдѣльно алгебраическую и логарифмическую часть.

Въ теоріи вѣроятностей Остроградскій также сдѣлалъ нѣкоторыя изслѣдованія, изъ которыхъ надо отмѣтить одно — о томъ, что вѣроятность ошибки приговора въ судѣ присяжныхъ зависитъ только отъ большинства голосовъ, а не отъ общаго числа присяжныхъ, какъ предполагали Кондорсе и Лапласъ, если только вѣроятность гипотезы правдивости каждаго присяжнаго заключается въ одинаковыхъ предѣлахъ. Пуассонъ подтвердилъ это заключеніе, кажущееся парадоксомъ.

Особенно же важны изслѣдованія Остроградскаго по аналитической механики, которой онъ занимался съ особенною любовью. Уже въ своихъ лекціяхъ по небесной механики, Остроградскій далъ остроумный способъ варіаціи произвольныхъ постоянныхъ въ примѣненіи начала возможныхъ перемѣщеній Лагранжа и, благодаря этому, онъ весьма просто и изящно развилъ всѣ основныя положенія аналитической механики, нужныя для изученія движенія планетъ около солнца, при ихъ взаимныхъ возмущеніяхъ. Затѣмъ, въ рядѣ мемуаровъ Остроградскій освобождаетъ нѣкоторыя изъ изслѣдованій творца аналитической механики Лагранжа отъ ненужныхъ ограниченій, а въ своихъ изслѣдованіяхъ объ изопериметрическихъ вопросахъ онъ исправляетъ даже весьма крупную ошибку, допущенную Лагранжемъ при выводѣ ур-ій динамики изъ начала наименьшаго дѣйствія. Общую теорію движенія системы Остроградскій дополнилъ общею теоріей удара, которая привела его къ обобщенію теоремы Карно, поднявшему такіе жаркіе споры изъ-за пріоритета въ Парижской Академіи между Коши, Дюгамелемъ и Понселе, тогда какъ русскій математикъ совсѣмъ не заявлялъ никакихъ претензій на безспорно ему принадлежащее первенство этого обобщенія. Въ этомъ последнемъ мемуарѣ Остроградскій даетъ также въ самомъ общемъ видѣ замѣчательное доказательство основного

ур-ія динамики о вариации живой силы, сложенной съ моментомъ силъ и сопротивлений, которое было дано Лагранжемъ.

Остроградскій занимался баллистикой и составилъ новыя таблицы для вычисленія полета снаряда въ сопротивляющейся средѣ, а также вывелъ болѣе общія, чѣмъ Пуассоновскія, ур-ія движенія эксцентрическаго снаряда въ воздухѣ.

Кромѣ всего этого, Остроградскій напечаталъ девять рецензій на сочиненія, представленныя для соисканія Демидовскихъ премій. Изъ этихъ рецензій одна относится къ сочиненію бывшаго дерптскаго профессора Миндинга: „Изысканія, относящіяся къ интегрированію дифференціальныхъ ур-ій перваго порядка съ двумя переменными“.

Что касается до частной жизни Остроградскаго въ Петербургѣ, то въ началѣ онъ весьма нуждался въ деньгахъ, что видно изъ одного сохранившагося у его племянницѣ письма къ отцу, но вскорѣ онъ получилъ нѣсколько профессорскихъ мѣстъ, какъ мы уже выше сказали, и матеріально былъ обставленъ довольно хорошо, хотя педагогическая дѣятельность, конечно, отвлекала его отъ научныхъ занятій; особенно много времени требовала должность главнаго наблюдателя военно-учебныхъ заведеній по разряду математики, которую Остроградскій занималъ довольно долго.

Остроградскій, по возвращеніи въ 1831 году изъ Парижа, женился безъ вѣдома отца на уроженкѣ Лифляндской губерніи — Маріи Васильевнѣ Купферъ, умершей только 12 лѣтъ тому назадъ. Отъ этого брака онъ имѣлъ одного сына и двухъ дочерей, которые недавно еще были живы, но теперь умершіе.

Во время поѣздки въ Парижъ въ 1830 году, Остроградскій повредилъ глазъ отъ неосторожнаго обращенія съ стѣнною спичкою и вслѣдствіе дурного лѣченія совсѣмъ его потерялъ.

Подъ конецъ жизни Остроградскій сдѣлался весьма религіозенъ. Эта переменъ произошла въ немъ, по словамъ племянницы, отъ занятій моднымъ въ то время спиритизмомъ: будто Остроградскій вызвалъ тѣнь матери, которая ему сказала: Михайло, вѣрь и молись!

Въ 1861 году, Остроградскій по домашнимъ обстоятельствамъ уѣхалъ на лѣто въ свое имѣніе Генераловку, доставшееся ему по раздѣлу отцовскаго имѣнія, и въ августъ сильно заболѣлъ. У него образовался нарывъ на спинѣ, который обратился въ злокачественную рану. Остроградскій не любилъ вообще лѣчиться и не обращалъ вниманія на рану, но родные заставили его, наконецъ, обратиться къ врачу сосѣдней деревни — Коляновскому, который подалъ ему первую медицинскую помощь. Черезъ мѣсяцъ Остроградскій сталъ порываться ѣхать въ Петербургъ, не смотря на то, что врачи и родные его удерживали. Наконецъ, въ началѣ ноября, Остроградскій выѣхалъ въ Полтаву, чтобы дальше ѣхать на Петербургъ. Въ Полтавѣ его убѣдили остаться. Лѣченіе, однако, уже не помогло ему: въ началѣ декабря у него образовалось лихорадочное состояніе отъ невоздержанія въ пищѣ, перешедшее вскорѣ въ гнилостную горячку, а 20 декабря 1861 года въ 12 часовъ ночи великаго математика не стало. . . Тѣло его было привезено въ деревню Пашенную и похоронено въ фамильномъ склепѣ семейства Остроградскихъ. На слѣдующей недѣлѣ 20 декабря исполняется ровно 40 лѣтъ со дня смерти знаменитаго геометра.

· В. Алексѣевъ.

Вліяніє климатовъ на челоуѣка.

Живые организмы суть ничто
иное какъ сгущенный воздухъ.
(Дюма).

Воздухъ, облакающій нашъ земной шаръ сравнительно тонкимъ слоемъ, вмѣстѣ съ солнечною теплотою и солнечнымъ свѣтомъ — вотъ факторы, управляющіе всею органическою жизнью на землѣ. Безъ воздушной оболочки наша планета была бы огромною сплошною пустынею, безъ звука, безъ красоты, безъ жизни. Воздухъ есть носитель и регуляторъ теплоты, которую онъ задерживаетъ при ея непрерывномъ круговоротѣ между солнцемъ и землею и между землею и міровымъ пространствомъ. Въ воздухѣ же постоянно содержится и влага, то въ видѣ поднимающихся съ поверхности земли паровъ, то подъ обликомъ измѣнчивыхъ облаковъ, то въ формѣ дождя, оплодотворяющаго землю возвращаемой ей водою; въ немъ разражаются грозы, онъ составляетъ матеріалъ вѣтровъ во всѣхъ ихъ разновидностяхъ, начиная съ легкаго зефира и кончая свирѣпыми ураганами и бурей. Въ немъ происходятъ всѣ явленія, которыя мы объединяемъ подъ словомъ „погода“. Онъ же способствуетъ росту и развитію растительнаго и животнаго царствъ, а также и взаимному общенію людей. Возлѣ челоуѣка нѣтъ другого вещества, которое бы въ такой же степени проникало организмъ его и было бы такъ же тѣсно связано съ его существованіемъ, какъ

воздухъ. Съ момента появленія въ свѣтъ ребенокъ безсознательно глотаетъ охватившій его внѣшній воздухъ и въ теченіе всей своей жизни, до послѣдняго вздоха, не перестаетъ имъ дышать. Питаніе человѣка составляютъ, главнымъ образомъ, вещества, входящія въ составъ воздуха, и только незначительное количество другихъ питательныхъ веществъ потребляется для созиданія и поддержанія человѣческаго тѣла. Воспринимаемая дыханіемъ и воплощаемая въ тѣлѣ человѣка вещества съ теченіемъ времени возвращаются назадъ въ атмосферу, отчасти въ видѣ выдѣленій жизненнаго процесса, отчасти какъ продуктъ посмертнаго тлѣнія, а затѣмъ они восприимчивы другими организмами, перерабатываются въ новыя формы и затѣмъ снова переходятъ въ воздухъ. Такимъ образомъ, частицы воздуха находятся въ постоянномъ круговоротѣ и странствуютъ, непрестанно переходя отъ смерти къ жизни и отъ жизни къ смерти.

Въ воздухѣ совершаются всѣ явленія погоды съ ихъ огромнымъ разнообразіемъ, а потому воздухъ есть носитель и климата, какъ характеристичной для каждаго даннаго мѣста комбинаціи явленій погоды. Какъ таковой, онъ имѣетъ явное вліяніе на образъ жизни человѣка, его здоровье и болѣзни и его развитіе и даже, быть можетъ, на его географическое распространеніе, расу и исторію.

Огромное значеніе въ этомъ отношеніи придавалъ воздуху и климату еще въ глубокой древности Гиппократъ, который въ V вѣкѣ до Рождества Христова развилъ въ сочиненіи „о воздухѣ, водахъ и мѣстностяхъ“ свой взглядъ на зависимость здоровья, болѣзней, быта, нравовъ и даже физическихъ свойствъ человѣка отъ метеорологическихъ свойствъ воздуха. Повидимому, онъ впервые указалъ на то благотворное вліяніе, которое можетъ оказать на человѣка смѣна временъ года, способствуя образованію болѣе развитыхъ въ умственномъ и физическомъ отношеніяхъ и болѣе предприимчивыхъ индивидуумовъ и племенъ. Взгляды Гиппократа и доселѣ не могутъ считаться потерявшими значеніе.

Въ концѣ XVIII вѣка эти взгляды были восприняты и въ свою очередь развиты знаменитымъ философомъ-юристомъ Монтескьё, который въ трактатѣ „о духѣ законовъ“ отводитъ нѣсколько главъ занимающему насъ вопросу. Приписывая климату весь укладъ жизни человѣка, знаменитый философъ, къ сожалѣнію, въ доказательствахъ физическихъ и физиологическихъ не оказался на столько сильнымъ, какъ въ логическихъ разсужденіяхъ; такъ, констатируя сокращеніе кровеносныхъ сосудовъ кожи отъ холода, онъ объясняетъ это тѣмъ, что отъ холода всѣ тѣла сжимаются; „извѣстно, говоритъ онъ въ подстрочномъ примѣчаніи, что на холодѣ желѣзная проволока укорачивается“; а далѣе онъ утверждаетъ: „даже на глазъ видно, что на холодѣ люди болѣе тощи, чѣмъ въ теплѣ“. Такимъ образомъ, въ представленіяхъ Монтескьё отступали на задній планъ, какъ физическія понятія о коэффициентахъ расширенія, такъ и вся физиологія нервной системы. Мы не будемъ, однако, останавливаться на изложеніи того смѣшенія истинъ и курьезовъ, которые можно найти въ произведеніяхъ старой литературы; если-бы мы захотѣли пользоваться метеорологическими соображеніями XVIII вѣка, то намъ пришлось бы окунуться въ бездонную пропасть астрометеорологическихъ комбинацій и упованій и заняться повтореніемъ вѣчно юныхъ повѣрій о волшебномъ дѣйствіи луны, Юпитера, Сатурна и т. под. на погоду, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на судьбу человѣка. Но и XIX вѣкъ, противопоставившій этимъ повѣріямъ массу научныхъ данныхъ, до конца своего не находилъ въ себѣ силъ для проведенія рациональной связи между явленіями погоды и явленіями органическаго міра. Убѣжденіе въ существованіи такой связи заставляло иной разъ улавливать случайныя совпаденія крупныхъ метеорологическихъ явленій, въ родѣ циклоновъ и антициклоновъ, съ явленіями безпокойства животныхъ, нервныхъ страданій и т. п., но совпаденія эти представлялись большею частью чѣмъ-то загадочнымъ и неподдающимся анализу. Допускали, напримѣръ, что появленіе циклоновъ на западѣ предвѣщается теллури-

ческими (земными электрическими) токами, которые уже непосредственно взаимодействуют съ работою нервовъ. Столь-же неясною представляется и зависимость органической жизни и ея проявленій отъ явленій воздушнаго электричества: несмотря на всѣ завоеванія физики, несмотря на расширение и обобщеніе понятія объ электрическомъ полѣ, а отчасти и благодаря этимъ обобщеніямъ и ихъ неудачной популяризаціи, явилась возможность дѣлать довольно фантастичныя предположенія о причинахъ явленій еще необъясненныхъ; нужно быть физикомъ, чтобы знать ту массу недоразумѣній, которую возбудило въ кругахъ неспеціалистовъ трудно усваиваемое общее понятіе объ электрическомъ полѣ атмосферы.

Съ своей стороны, я не считаю, чтобы наступила необходимость обращаться къ столь трудно усваиваемымъ физическимъ представленіямъ для того, чтобы отыскивать объясненія такъ называемыхъ остаточныхъ, ждущихъ объясненія явленій органическаго міра. Немногіе обсерваторіи и изслѣдователи могутъ похвалиться безукоризненными наблюденіями надъ паденіемъ электрическаго потенціала въ воздухѣ. Огромное вліяніе мѣстныхъ условій дѣлаетъ то, что указанными крайне малочисленными наблюденіями невозможно пользоваться для сопоставленія ихъ съ фенологическими и клиническими наблюденіями, непріуроченными, конечно, къ мѣстностямъ обсерваторій. Кромѣ измѣренія напряженія поля, существуютъ и другія крайне интересныя и важныя электрическія наблюденія, напр., надъ потерей электрическихъ зарядовъ, надъ актино-электрическими явленіями и т. под., которыя современнымъ, вѣроятно, также войдутъ въ обиходъ въ качествѣ матеріала для объясненія явленій органической жизни и будутъ подлежать повсѣмѣстному изученію.

Но и здѣсь, пока не выработано пріемовъ наблюденія, простыхъ и свободныхъ отъ недоразумѣній, а потому доступныхъ для неспеціалистовъ, едва ли справедливо было бы желать введенія въ общую практику электрическихъ наблюденій и ихъ сведенія съ явленіями жизни.

Въ физическихъ явленіяхъ, даже и вполне выясненныхъ успѣхами послѣднихъ десятилѣтій, можно найти не мало такихъ данныхъ, которыя при всей своей важности для явленій жизни остаются какъ бы въ забвеніи въ средѣ лицъ, занимающихся соотношеніями между мертвой и живой природою. Мы приходимъ здѣсь къ упреку по адресу монографій и отдѣльныхъ изслѣдованій по гигиенѣ. Тамъ, гдѣ излагаются вліянія метеорологическихъ условій на человека, не всегда гигиенисты оказываются располагающими всѣмъ запасомъ свѣдѣній по физикѣ и метеорологіи, и только въ немногихъ случаяхъ метеорологъ долженъ признавать неоспоримый авторитетъ нѣкоторыхъ дѣятелей, какъ Петенкоферъ, Рубнеръ, Эрисманъ и затѣмъ Левашевъ и другіе ихъ ученики. Отдавая должное сдѣланному этими лицами вкладу въ нашу науку, мы особенно должны согласиться съ мѣткимъ замѣчаніемъ самого Рубнера, что „метеорологич. данныя относительно влажности воздуха представляются для гигиенистовъ кладомъ, съ которымъ послѣдніе пока не знаютъ, что дѣлать“. По словамъ Ф. Ф. Эрисмана, „до сихъ поръ мало изучены экспериментально какъ термическое значеніе для человѣческаго организма той или другой степени влажности окружающей его атмосферы, такъ и вліяніе этой влажности на испареніе воды съ поверхности тѣла; у насъ даже нѣтъ яснаго и опредѣленнаго представленія о томъ, какимъ мѣриломъ и въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ мѣрить гигрометрическое состояніе атмосферы для санитарныхъ цѣлей, т. е. какую роль въ этомъ отношеніи играетъ относительная влажность и какую — недочетъ влажности“ „Весьма сбивчивыми и большею частью лишенными научныхъ основаній мы должны назвать взгляды врачей (въ особенности климато-терапевтовъ) на значеніе большей или меньшей сухости воздуха для развитія и для леченія тѣхъ или другихъ болѣзней. Въ этомъ отношеніи медицинская литература представляетъ собой калейдоскопъ самыхъ разнообразныхъ и подчасъ противо-

рѣчивыхъ мнѣній, основанныхъ большею частью на грубомъ эмпиризмѣ“¹⁾).

Ранѣе чѣмъ указать на нѣкоторые успѣхи, разъясняющіе путаницу этого калейдоскопа, укажемъ и на тѣ претензіи, которыя гигиенистъ выдвигаетъ по адресу нашихъ изслѣдованій надъ температурою. „Требованія и задачи гигиены, говоритъ Ф. Ф. Эрисманъ (тамъ же стр. 248) относительно наблюденій надъ ходомъ температуры атмосфернаго воздуха, должны быть гораздо сложнѣе требованій метеорологовъ, и мы не можемъ руководствоваться исходными точками метеорологовъ, у которыхъ главную роль играютъ среднія цифры — суточные, мѣсячныя, сезонныя и годовыя среднія величины“. И въ этомъ отношеніи современная метеорологія имѣетъ что противопоставить стариннымъ выкладкамъ, ибо колебанія температуры, періодическія и неперіодическія, въ теченіе дня и изо дня въ день, столь важныя по отношенію къ явленіямъ простуживанія, отнюдь не ускользнули отъ ея вниманія, какъ мы это увидимъ дальше.

Перечислимъ же нѣкоторые успѣхи метеорологіи, непосредственно примѣнимые къ фізіологическимъ явленіямъ жизни человѣка и животныхъ.

На смѣну темной и свѣтлой теплоты, одной задерживаемой, другой пропускаемой атмосферою, въ наукѣ появилось избирательное поглощеніе тепловыхъ лучей воздуха. Ланглей показалъ что составъ солнечнаго луча зависитъ и отъ времени дня, и отъ уровня мѣста наблюденія, и отъ присутствія влаги и инородныхъ примѣсей въ воздухѣ; наблюдателю, перенесшемуся вдругъ на предѣлѣ атмосферы, солнце показалось бы синимъ, хотя и еще болѣе ослѣпительно яркимъ; тѣ части спектра, которыя наиболѣе сильно преломляются и вмѣстѣ съ тѣмъ способствуютъ по преимуществу газообмѣну въ тѣлѣ животныхъ (см. опыты Молешотта, Фубини, Дайча

1) Ф. Ф. Эрисманъ. Гигіена. Т. I, ч. I. 1901 года стр. 128—129.

и др.) по преимуществу и поглощаются атмосферой. Живя на днѣ воздушнаго океана, человѣкъ тѣмъ самымъ гарантированъ отъ избыточнаго газообмѣна, а въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ газообмѣнъ оказывается недостаточнымъ (что имѣетъ мѣсто обыкновенно въ городахъ), онъ имѣетъ средство по желанію увеличивать его, подвергая себя солнечному дѣйствію на горныхъ станціяхъ; съ высотой, очевидно, химическое дѣйствіе солнца возрастаетъ въ еще большей степени, чѣмъ тепловое. На сколько велика эта разница, можно видѣть изъ того, что въ предѣлахъ видимаго спектра наиболѣе преломляемые лучи имѣютъ въ 10 разъ меньшій коэффициентъ прозрачности, чѣмъ лучи наименѣе преломляемые. Данное отношеніе 10 относится до воздуха нижнихъ слоевъ атмосферы, обитаемыхъ человѣкомъ — не выше 4000 метровъ; на большихъ высотахъ составъ воздуха уже иной, инородныхъ примѣсей гораздо меньше, и прозрачность гораздо больше, въ особенности для фіолетовыхъ и голубыхъ, слѣдовательно болѣе преломляемыхъ лучей; тамъ указанное отношеніе 10, по Ланглю, нисходитъ до 3. Слѣдовательно, человѣку достаточно для усиленія газообмѣна подняться на высоту наиболѣе возвышенныхъ поселеній, а дальнѣйшее поднятіе было бы и затруднительно, и мало полезно (конечно, мы здѣсь оставляемъ въ сторонѣ всѣ осложненія фізіологическихъ отпращиваній, зависящія отъ другихъ элементовъ горнаго климата). Поглощеніе химическихъ лучей свѣта атмосфернымъ воздухомъ въ послѣднее время весьма остроумно выводится изъ наблюденія напряженности пепельнаго свѣта луны, котораго тепловое дѣйствіе близко сходится съ вычисляемымъ, а химическое оказывается въ среднемъ въ 7 разъ меньшимъ (З. К. Маевскій); очевидно, оно задерживается въ высокой степени атмосферою.

Всѣми врачами издавна признано благотѣльное дѣйствіе солнечнаго свѣта по отношенію къ человѣческому организму, а въ послѣднее время возникла отрасль медицины, примѣняющая отдѣльныя части спектра въ качествѣ лечебнаго средства;

нужно только пожелать, чтобы народившаяся фототерапія (леченіе свѣтомъ) не ограничивалась эмпиризмомъ и воспользовалась бы успѣхами физики для анализа замѣчаемыхъ физиологическихкихъ эффектовъ. На сколько поразительны послѣдніе по отношенію къ микроорганизмамъ, можно судить изъ массы фактовъ. Грибки, жившіе въ темнотѣ больше года, погибаютъ на солнечномъ свѣтѣ въ 14—40 дней. Дюкло наблюдалъ даже умираніе подъ вліяніемъ солнца въ нѣсколько дней такихъ дробянокъ, которыя сохраняли свою жизнѣдѣтельность въ теченіе 5—6 мѣсяцевъ въ высушенномъ видѣ. Палочки сибирской язвы дѣлаются безвредными и погибаютъ подъ дѣйствіемъ солнечнаго свѣта; не противостоятъ ему и споры. При опытахъ Дюкло было устраниено тепловое дѣйствіе солнечныхъ лучей, и особенно активными оказались фіолетовые лучи, которые, напримѣръ, на палочки брюшного тифа оказываютъ ясное вліяніе, по Бюхнеру, въ теченіе какихъ-нибудь 10 минутъ.

Климатотерапевты, правда, и не забываютъ благотѣльнаго значенія солнечнаго свѣта, подбирая для своихъ пациентовъ наиболѣе подверженныя ему мѣстности. Но для нихъ, конечно, совершенно неожиданнымъ покажется теоретическій выводъ Винера, который показалъ, что количество энергіи, доставляемой солнцемъ въ теченіе дня — такъ называемая суточная инсоляція — отнюдь не достигаетъ возможнаго максимума въ тропическихъ странахъ; большей, чѣмъ гдѣ бы то ни было величины, она достигаетъ на полюсахъ въ эпохи солнцестоянія, на сѣверномъ — въ іюнѣ, на южномъ — въ декабрѣ. Правда, эти максимумы зависятъ болѣе отъ продолжительности, чѣмъ отъ силы освѣщенія, и при наклонномъ паденіи лучей солнца большая часть ихъ энергіи задерживается въ атмосферѣ, но для теплого баланса полярныхъ странъ эта задерживаемая энергія оказывается, несомнѣнно, въ полной мѣрѣ активной.

Самый обиходный элементъ — температура воздуха, какъ въ послѣднее время выяснено, наблюдалась далеко

не съ той степенью достовѣрности, которую естественно было ожидать отъ столь простыхъ, повидимому, измѣреній; метеорологъ не станетъ теперь мѣрить температуру ни на солнцѣ, ни въ палаткѣ, ни въ тѣни каменнаго зданія, и даже знаменитая установка термометровъ въ вентилируемой жестяной клѣткѣ внутри деревянной будки на столбахъ (по Вильду) не даетъ возможности судить о быстрыхъ перемѣнахъ температуры. Сравненія съ аспираціоннымъ термометромъ Асмана, а также и съ моими защищенными вращательными термометрами (наиболѣе чувствительными изъ всѣхъ инструментовъ этого рода) показали, насколько нормальная установка по Вильду способна скрывать колебанія температуры и какому избыточному накаливанію она подвержена при солнцепекѣ. Поэтому съ особенною охотою я рекомендую климатотерапевтамъ защищенные термометры-пращи, какъ дешевый, вполне портативный и быстро (въ 1 минуту) дѣйствующій инструментъ для оцѣнки топографическихъ особенностей температуры лечебныхъ мѣстностей.

Насколько велико разнообразіе этихъ топографическихъ условій, можно судить изъ изслѣдованій А. И. Воейкова; еще недавно только стали общеизвѣстными его положенія относительно суточного хода температуры въ зависимости отъ рельефа мѣстности, а также и огромнаго значенія снѣгового покрова по отношенію къ температурѣ зимы. Рѣзкую перемену температуры отъ мѣста къ мѣсту и отъ момента къ моменту случалось многимъ наблюдать не только при заходѣ солнца въ горныхъ курортахъ, но и на сравнительно ровныхъ пространствахъ; такъ, въ Саратовской губ., по сообщенію г. Маркова, наблюдаются такъ называемые полосатые вѣтры, рѣзко колеблющіе температуру. Последняя никогда не остается постоянною, какъ показываютъ непрерывные скачки индекса соотвѣтственныхъ инструментовъ, построенныхъ въ Германіи гг. Гефнеромъ и Альтенеконъ — т. наз. варіометровъ.

Укоръ гигиенистовъ метеорологамъ въ пренебреженіи

колебаніями температуры, отнюдь не справедливъ : величины максимумовъ и минимумовъ температуры, какъ среднихъ, такъ и крайнихъ, а равно и въ нормальномъ ходѣ, вводятся во всѣ изданія наблюдений, а въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ никогда не упускается изъ виду и измѣнчивость температуры въ смыслѣ какъ отклоненія отъ нормальныхъ величинъ, такъ и въ смыслѣ колебаній ея изъ дня въ день; этотъ послѣдній элементъ, за которымъ желательно было бы закрѣпить названіе „аномальной варіаціи температуры“ (по Валену), отличнымъ образомъ пополняетъ данныя относительно амплитуды температуры при сужденіи о вѣроятности быстрыхъ переимѣнъ температуры и связанномъ съ ними рискѣ простуживанія. Сводъ извѣстныхъ величинъ этого элемента можно найти, напримѣръ, въ гигиенической метеорологіи Фанъ-Беебера.

Слишкомъ часто повторяемый укоръ въ пристрастіи къ среднимъ величинамъ никѣмъ такъ давно и такъ хорошо не сознавъ, какъ самими метеорологами, и именно метеорологамъ обязана наука тѣмъ, что довѣріе къ среднимъ величинамъ, освященное высшимъ анализомъ Гаусса, получило нѣкоторое ограниченіе; метеорологи обратили вниманіе на отклоненія повторяемости отдѣльныхъ величинъ элементовъ отъ гипотетическаго закона случайныхъ отклоненій: они обнаружили, что среднія величины не совпадаютъ съ величинами, всего чаще наблюдаемыми; они построили таблицы повторяемости температуръ и другихъ элементовъ для отдѣльныхъ мѣсяцевъ, весьма наглядно изображающія разныя особенности въ періодическихъ и неперіодическихъ колебаніяхъ этихъ величинъ; интересно, какія большія отклоненія отъ нормы въ сторону холода допускаютъ температуры зимнихъ мѣсяцевъ въ Россіи, и какъ малы отклоненія отъ нормы въ лѣтніе мѣсяцы, въ особенности въ сторону холода. Во всякомъ случаѣ, не отъ метеоролога исходитъ то заблужденіе, будто бы средняя величина есть та, которую всего чаще можно встрѣтить въ данномъ мѣстѣ.

Та температура воздуха, о которой шла рѣчь до сихъ

портъ, въ дѣйствительности не представляетъ собою температуры, управляющей жизненными процессами; тѣмъ менѣе можно считать ее за температуру, ощущаемую человѣкомъ. Повседневное наблюденіе показываетъ, что ощущенія холода или тепла отнюдь не соотвѣтствуютъ показаніямъ обыкновеннаго термометра; этому обстоятельству можетъ быть подыскано, помимо фізіологическаго, и чисто физическое объясненіе. Дѣло въ томъ, что съ поверхности человѣческаго тѣла, а также и легкихъ, постоянно выдѣляется влага путемъ испаренія, при чемъ затрачивается на парообразованіе большее или меньшее количество теплоты тѣла, а, слѣдовательно, и происходитъ извѣстное охлажденіе послѣдняго; въ этомъ отношеніи можетъ быть проведена аналогія между тѣломъ животнаго и резервуаромъ термометра, имѣющимъ батистовую, постоянно увлажняемую оболочку, какъ это имѣетъ мѣсто въ психрометрѣ Августа. Въ этомъ послѣднемъ инструментѣ показанія сухого и смоченнаго термометровъ различаются между собой на величину, зависящую отъ влажности воздуха, и даютъ возможность вычислять различныя величины, опредѣляющія гигрометрическое состояніе воздуха: количество пара въ единицѣ объема или единицѣ вѣса, „гигрометрическое богатство“ (по Жамену) процентное содержаніе, точку росы, упругость пара или абсолютную влажность, наконецъ, отношенія послѣдней къ упругости насыщенія: арифметическое — недостатокъ насыщенія и геометрическое — относительную влажность. Весьма естественно, что при данной температурѣ чѣмъ больше паровъ содержится въ воздухѣ, тѣмъ медленнѣе происходитъ испареніе, и тѣмъ сильнѣе происходитъ охлажденіе. Это даетъ чисто физическое объясненіе того факта, что высокія температуры весьма тягостно переносятся при высокой влажности и легко — въ случаѣ сухого воздуха; извѣстно, какъ страдаютъ мореплаватели на жаркомъ и влажномъ Красномъ морѣ, между тѣмъ какъ тѣ же градусы температуры въ сухихъ пустыняхъ Сахары и Колорадо переносятся довольно легко; разнымъ образомъ, и изъ лабораторныхъ

опытовъ гг. Рубнера и Левашова¹⁾ извѣстно, что температура въ 24° Ц., по достиженіи влажностью 96 0/0 насыщѣнія, переносится кое-какъ лишь при полномъ бездѣйствіи мускуловъ и причиняетъ ощущеніе тоски, удушья и мучительную жажду, хотя и безъ выдѣленія пота. Условія жизни заставили обратить особое вниманіе на вредъ влажнаго зноя въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ почти ежегодно лѣтомъ наблюдаются повальные заболѣванія отъ жарового удара. Метеорологи указали, что періодамъ этихъ заболѣваній соотвѣтствуютъ весьма высокія показанія влажнаго психрометрическаго термометра; это и вполне естественно, потому что повышенію этихъ показаній въ равной мѣрѣ содѣйствуютъ и нагрѣваніе воздуха, и его увлажненіе, т. е. уменьшеніе испаренія; явилось представленіе о смоченномъ термометрѣ, какъ инструментѣ для опредѣленія опускаемой температуры, образовалась привычка къ этому инструменту и явился спросъ на бюллетени, въ которыхъ публиковались наблюдаемая и ожидаемая *sensitive temperature*; надвигающаяся знойная волна оказывалась болѣе или менѣе опасною, въ зависимости не отъ крайнихъ степеней повышенія температуры, а отъ температуры испаренія, которую она съ собою несла; съ показаніемъ бюллетеней о влажномъ термометрѣ сообразовались различныя общественныя мѣры предосторожности: прикрываніе лошадей соломенными чепчиками, разстановка санитарныхъ фельдшеровъ и каретокъ въ различныхъ мѣстахъ городовъ, подбораніе пораженныхъ истощеніемъ силъ отъ жара, препровожденіе ихъ въ пріемный покой и леченіе ихъ холодными ваннами — все это вошло совершенно въ обиходъ жизни большихъ сѣверо-американскихъ городовъ.

1) Archiv für Hygiene. 1897, т. 29, стр. 1—55, кромѣ того важны статьи въ томъ же журналѣ Вольперта о вліяніи влажности при физич. работѣ, т. 36, стр. 203—219, и Рубнера объ испареніи съ поверхности легкихъ (въ средн. 17 гт. въ часъ), 1898 г., т. 33, стр. 151. Все, сдѣланное по этой части вплоть до 1898 г., собрано Вольпертомъ въ книгѣ „Die Luft und die Methoden der Hygrometrie“.

Само собою разумѣется, что влажный термометръ не можетъ съ опредѣленностью показывать температуру тѣла человѣка; извѣстно, что сами эти показанія не вполне опредѣленны и понижаются въ зависимости отъ силы вѣтра; по малости резервуара термометра, равновѣсіе температуры достигается уже при небольшой скорости вентиляціонной струи, 2—3 метра въ сек.; ощущеніе зноя тѣломъ человѣка умѣряется вообще отъ вѣтра, и чѣмъ сильнѣе вѣтеръ, тѣмъ болѣе замѣтно для насъ его освѣжающее дѣйствіе; впрочемъ скорость 2 метра въ сек., соотвѣтствующая легкому вѣтерку, повидимому, не далека отъ того предѣла, при которомъ этотъ вѣтеръ дѣлается тягостнымъ въ свою очередь.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что ощутимая температура не можетъ опредѣляться независимо отъ силы вѣтра; попытки опредѣлить вліяніе послѣдняго выразились въ рядѣ статей Клев. Аббе и другихъ американскихъ наблюдателей, которые стали трудиться надъ изысканіемъ, такъ называемыхъ, „кривыхъ комфорта“: на графикахъ, имѣющихъ температуры по абсциссамъ и влажности по ординатамъ, наносились цифры, опредѣляющія силу вѣтра, возстановляющую хорошее самочувствіе, и черезъ точки, отвѣчающія одинаковымъ цифрамъ, проводились кривыя, которыя и опредѣляли, какой комбинаціи температуры и влажности сообщаетъ данная сила вѣтра ощущеніе комфорта¹⁾.

Нельзя закрывать глаза на то, что кривыя комфорта оказались неодинаковыми для отдѣльныхъ наблюдателей, и что даже самочувствіе одного лица колеблется въ зависимости отъ различныхъ условій, въ томъ числѣ отъ нервнаго напряженія и отъ настроенія духа.

Съ точки зрѣнія физики мы должны отмѣтить слѣдующій моментъ, осложняющій аналогію между смоченнымъ термо-

1) Monthly Weather Review. Washington 1898 г., стр. 362.

метромъ и тѣломъ человѣка: послѣднее находится при своеобразныхъ условіяхъ, обеспечивающихъ сохраненіе постоянства температуры, благодаря наличности химической и нервной регуляціи прихода-расхода тепла, между тѣмъ какъ притокъ теплоты къ смоченному термометру при правильной установкѣ послѣдняго зависитъ отъ того самаго воздуха, который уноситъ образующіеся пары (такова основа Апжоновой теоріи психрометра). Для усиленія аналогіи нужно принять во вниманіе температуру испаряющей поверхности человѣческаго тѣла. Эта поправка введена при изслѣдованіи климата Энгадина и различныхъ мѣстъ въ Египтѣ гг. Визе и Лейгомъ Кенеемъ, которые вычислили въ отдѣльности сушащее дѣйствіе воздуха, иначе сказать, недостатокъ насыщенія, какъ при температурѣ воздуха, такъ и при температурѣ человѣческаго тѣла 37° Ц.; особые графики при статьѣ Лейга Кенея о зимнемъ климатѣ Египта показываютъ колебанія обоихъ этихъ элементовъ, далеко не совпадающія; такъ, въ Ассуанѣ недостатокъ насыщенія достигаетъ максимума въ февралѣ, а сушащее дѣйствіе воздуха по отношенію къ тѣлу человѣка — въ мартѣ. Вообще сушащее дѣйствіе по Кенею больше, чѣмъ это слѣдуетъ судя по обыкновенному недостатку насыщенія (вычисленіе этого дѣйствія очень упрощается въ виду того, что его величина определяется дополненіемъ упругости пара до нѣкоторой постоянной величины = 41 мм.).

Къ сожалѣнію, мы имѣемъ въ литературѣ слишкомъ мало вычисленій отдѣльныхъ элементовъ, опредѣляющихъ влажность, чтобы имѣть возможность дѣлать изъ нихъ детальныя выводы въ отношеніи фізіологіи человѣческихъ отправленій и самочувствія.

Къ числу физическихъ явленій, усложняющихъ теоретическія соображенія относительно явленій испаренія и высушиванія, принадлежатъ аномаліи насыщенія, иначе сказать, пересыщеніе воздуха парами при извѣстныхъ условіяхъ и конденсація (сгущеніе) пара изъ ненасыщенного воздуха при иныхъ условіяхъ. Такъ какъ эти аномаліи должны, повиди-

тому, играть немаловажную роль въ физиологическихъ процессахъ и для гигиеническихъ соображеній, я полагаю не лишнимъ нѣсколько остановиться на нихъ. Дѣло въ томъ, что высшій предѣлъ упругости, которой можетъ достигнуть паръ, опредѣляется, по всей вѣроятности, свойствами не пара и не воздуха, растворяющаго его въ себѣ, но либо наличностью и видомъ поверхности уже сгущенной жидкости — воды, либо присутствіемъ инородныхъ тѣлъ, присасывающихъ къ себѣ паръ и конденсирующихъ (сгущающихъ) его. Такъ, давно уже было извѣстно, что при содержаніи въ водѣ той или другой соли упругость пара при поверхности раствора не можетъ достигнуть такой величины, какъ при поверхности чистой воды; на примѣръ: насыщенный растворъ поваренной соли конденсируетъ паръ изъ воздуха при относительной влажности всего 78%. Отсюда видно, между прочимъ, что надъ бассейнами соленой воды упругость пара не можетъ достигать такихъ величинъ, какъ надъ прѣсноводными озерами.

Совершенно аналогична конденсація пара кристаллизованною водою — льдомъ. Еще Реньо наблюдалъ, что упругость насыщеннаго пара меньше при поверхности льда, чѣмъ при поверхности жидкой воды; но Реньо не придавалъ значенія этой аномаліи; лишь въ новѣйшее время гг. Юлинъ, Фишеръ, Экгольмъ, Марвинъ, Тизенъ и Шеле точными изслѣдованіями опредѣлили размѣръ аномаліи; по наблюденіямъ Фишера, ледъ при температурѣ — 25° сгущаетъ паръ изъ воздуха, имѣющаго относительную влажность 50% (по Тизену 60%¹⁾). Эти результаты даютъ основу для объясненія курьезнаго способа высушиванія якутами мокрыхъ мѣховъ и одеждъ. Прилипшія къ ткани и къ волосу частицы воды остаются жидкими, „переохлажденными“ и при ихъ поверхности путемъ испаренія образуется насыщенный паръ; если теперь эти ткани положить на снѣгъ, то про-

1) Monthly Weather Review, апрѣль 1900 г.

странство между снѣгомъ и тканью понемногу наполняется паромъ, который конденсируется на снѣговыхъ кристаллахъ до тѣхъ поръ, пока вся жидкая вода не испарится. Эта сушка — не что иное, какъ дистилляція воды, перегоняемой съ тканей на снѣговую поверхность. Не слѣдуетъ удивляться возможности сохраненія частицами воды жидкаго состоянія на морозѣ; подобное переохлажденіе очень легко непосредственно наблюдается въ капиллярныхъ трубкахъ и несомнѣнно свойственно также волоснымъ сосудамъ растительныхъ тканей, равно какъ и порамъ гигроскопическихъ тѣлъ. Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить курьезныхъ фактовъ всасыванія жидкой воды изъ замерзшей почвы корнями растений, фактовъ, представленныхъ г. Козаровымъ Лейпцигскому университету въ 1897 г.; корни индійской хризантемы всасывали влагу изъ льда даже при температурѣ — 5°. Такъ какъ умерщвленіе корней обвариваніемъ не останавливало прогресса всасыванія, то, очевидно, послѣдній представляетъ собой не фізіологическое, а просто физическое явленіе — дистилляцію влаги: паръ льда конденсировался корнями, просто какъ гигроскопическимъ тѣломъ.

Что касается механизма этой конденсаціи, то таковой мнѣ удалось выяснитъ для частнаго случая поглощенія пара человѣческимъ волосомъ, употребляемымъ въ извѣстномъ гигрометрѣ Соссюра. Микроскопическое изслѣдованіе поверхности волоса обнаружило наличность большого числа мелкихъ поръ, содержащихъ частицы воды. Вода эта не испаряется, повидимому, въ зависимости отъ вогнутого вида поверхностей жидкихъ менисковъ, какъ это показалъ лордъ Кельвинъ, и этою же кривизною менисковъ опредѣляется и поверхностное натяженіе волоса. Чѣмъ суше воздухъ, тѣмъ меньше долженъ быть, по Кельвину, радіусъ кривизны менисковъ, и тѣмъ болѣе натяженіе поверхности и сокращеніе волоса. Мнѣ удалось показать, что это сокращеніе зависитъ прямо отъ относительной влажности, и даже получить числовое опредѣленіе шкалы гигрометра, дающее

поразительное согласіе съ опытнымъ опредѣленіемъ Гей-Люссака¹⁾).

Испареніе воды поверхностью кожи человѣка, достигающее около 100 гр. въ часъ, такъ наз. перспирація, твердо установленная помощью опытовъ въ пневматическихъ камерахъ, показываетъ, что и въ порахъ кожи имѣются свободныя, испаряющія поверхности частицъ воды; пока не произошло выдѣленія пота, ихъ поверхность должна быть вогнутая, и тогда, подобно волосу, можно ожидать натяженія кожи, т. е. эффекта, направленнаго къ сокращенію поръ; такимъ образомъ, при малой относительной влажности, количество испаряемой влаги должно нѣсколько умѣряться вслѣдствіе уменьшенія поверхности испаренія; при появленіи капелекъ пота — наоборотъ.

Это послѣднее замѣчаніе даетъ возможность указать чисто физическое объясненіе той аномаліи перспираціи влаги, которая была найдена гг. Рубнеромъ и Левашевымъ и которая побудила Ф. Ф. Эрисмана высказать убѣжденіе „въ огромномъ значеніи чисто физиологическихъ моментовъ для испаренія воды съ поверхности тѣла“ и въ невозможности пользоваться для учета его какимъ либо метеорологическимъ факторомъ („Гигіена“, т. I, ч. I, стр. 133). Аномалія эта состоитъ въ томъ, что при нѣкоторомъ данномъ недостаткѣ насыщенія, скажемъ, 10,2 мм., отдача воды въ 1 часъ не остается постоянною, какъ это слѣдовало бы ожидать по закону Дальтона, но увеличивается съ увеличеніемъ относительной влажности: при 20% она равна 32 гр., при 41% — 36 гр. и при 56% — 41 гр. Но вѣдь, какъ я показаль, съ увеличеніемъ относительной влажности, увеличивается и поверхность испаренія въ порахъ, слѣдовательно, и количество испаренія. Такимъ образомъ здѣсь еще преждевременно высказано разочарованіе въ физическихъ законахъ. Аномалія

1) См. Уч. Зап. Имп. Юрьев. Унив. за 1894 г., также Jubelband d. Denkschriften d. Wien.-Akad. 1901 г.

испаренія, замѣченная при температурахъ 20° и 25° , можетъ быть сведена на увеличеніе поверхности испаренія въ обоихъ случаяхъ ровно на 50%, при увеличеніи относительной влажности отъ 5% до 80%. Если принять, что приращенію влажности на 75% соответствуетъ приращеніе поверхности на 50%, то объясняются вышеприведенныя числа, которыя дали на приращеніе влажности въ 36% приращеніе испаренія на 28%; между этими 4-мя числами замѣчается почти точная пропорціональность.

Изъ сказаннаго можно заключить, что при нѣкоторой опредѣленной величинѣ относительной влажности испаряющая поверхность человѣческаго тѣла должна быть приблизительно постоянною, а тогда и отдача паровъ тѣла будетъ управляться общими физическими законами; числа подтверждаютъ это: по опытамъ Рубнера и Левашева при влажности 50% количество испаренія увеличивается почти въ точной пропорціи съ величиной недостатка [насыщенія (коэффициентъ пропорціональности, разсчитанный на единицу времени 1 часъ, оказался равнымъ 0,577 при температурѣ 15° , 0,552 при 20° , 0,524 при 25°), и нѣтъ ничего удивительнаго, что отдача пара не возрастаетъ пропорціонально температурѣ, какъ это кажется авторамъ опытовъ.

Не лишено вѣроятія предположеніе, что испаряющіе воду сосуды кожи суть не только потовыя железки, но и кровеносные сосуды, а этимъ допущеніемъ можно было бы воспользоваться для объясненія дѣйствія такъ называемой „влажной теплоты“ согрѣвающихъ компрессовъ; въ насыщенномъ паромъ слоѣ воздуха подъ компрессомъ поверхность водяныхъ менисковъ утрачиваетъ свое натяженіе, и освобожденные отъ стягиванія стѣнки сосудовъ поддаются внутреннему давленію крови, которая и приливаетъ къ поверхности кожи, — вотъ возможный физическій механизмъ нашего обыденнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ загадочнаго лечебнаго средства.

Явленія гигроскопичности позволяютъ объяснить, почему сырость воздуха не умѣряетъ ощущенія холода при низкихъ

температурахъ, а дѣлаетъ ихъ еще болѣе непріятными. Очевидно, что влага, сгущающаяся въ порахъ тканей одежды, вытясняетъ воздухъ и увеличиваетъ теплопроводность тканей (Рубнеръ), и нѣтъ никакого основанія прибѣгать, какъ это дѣлаютъ другіе гигиенисты, къ соображеніямъ объ „усиленной теплопроводности влажнаго воздуха“, ибо для паровъ воды не имѣется вовсе экспериментальныхъ опредѣленій теплопроводности (Винкельманъ даетъ только зависимость послѣдней отъ температуры).

Разъ мы пришли къ заключенію, что насыщеніе воздуха паромъ опредѣляется не столько поглотительной способностью воздуха, сколько поверхностными свойствами испаряющихся частей жидкости, то тѣмъ самымъ мы освобождаемся отъ необходимости считать, что та упругость пара, которая опредѣляетъ обыкновенное насыщеніе (при плоской поверхности жидкой воды), представляетъ собой крайній предѣлъ достижимаго паромъ сгущенія. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ лордъ Кельвинъ, допускающій, что при поверхности выпуклыхъ менисковъ воды въ капиллярахъ упругость насыщеннаго пара превышаетъ нормальную упругость насыщенья; чѣмъ меньше радіусъ кривизны мениска, тѣмъ больше эта разница. Лабораторные опыты показали, что въ отсутствіи свободныхъ поверхностей воды и гигроскопическихъ тѣлъ сгущеніе пара можетъ быть доведено гораздо выше насыщенья, и это безъ всякаго перехода изъ газообразнаго въ жидкое состояніе. Большое вниманіе обратили на себя опыты Вильсона, который доводилъ паръ до упругости въ 25—30% выше упругости насыщенья.¹⁾ Весьма замѣчательно, что переходъ въ жидкое состояніе, иначе сказать — въ состояніе тумана, вызывался при этихъ условіяхъ нѣкоторыми электрическими

1) Вильсонъ: о сгущеніи водяныхъ паровъ въ присутствіи обезыленнаго воздуха и другихъ газовъ, о сгустительныхъ ядрахъ, образуемыхъ лучами рентгеновыми, ультрафіолетовыми, урановыми и др., о преимущественномъ сгущеніи іонами отрицательнаго знака. *Proceedings of the Royal Society of London*, 1897—1899 г., т. 61, стр. 240; т. 64, стр. 127; т. 65, стр. 289.

агентами, какъ искра и рентгеновы лучи, а также и тѣми наиболѣе преломляемыми лучами спектра, о которыхъ уже была рѣчь у насъ, — фіолетовыми и ультрафіолетовыми.

Въ томъ случаѣ, если неизвѣстные патологическіе процессы могутъ довести сосуды кожи до такого высыханія, при которомъ уже прекращается ихъ смачиваніе и гигроскопичность, какъ это наблюдается по отношенію къ человѣческому волосу въ гигрометрѣ, то возможно допустить и присутствіе пересыщенного пара въ этихъ сосудахъ; естественно, что освѣщеніе ихъ ультрафіолетовыми лучами можетъ послужить къ сгущенію пара и возстановить нарушенную гигроскопичность. Вотъ возможное физическое объясненіе фототерапевтическаго факта.

Сгущенію пара содѣйствуетъ также наличность нѣкоторыхъ загрязненій воздуха, вродѣ пыли, копоти, паровъ сѣры и т. д. По Айткену образованіе тумана и дождя обусловлено присутствіемъ въ воздухѣ взвѣшенныхъ микроскопическихъ твердыхъ частицъ, пылинокъ, какъ неорганическихъ, такъ и органическихъ. Взгляды эти въ сильной степени подтверждаются работами Роберта Гельмгольца, Кислинга и Меландера. Въ свою очередь, образованіе и выпаденіе осадковъ, способствуя поглощенію жидкими элементами загрязненій воздуха, представляетъ могущественное средство въ гигиеническомъ смыслѣ для очищенія воздуха. Кому не случалось наблюдать это очищающее дѣйствіе дождя!

Заклучимъ это изложеніе нѣкоторыхъ вновь выведенныхъ особенностей влажности воздуха указаніемъ на то, что и въ нѣдрахъ почвы существуетъ, какъ показалъ недавно скончавшійся Г. Я. Близнинъ, своя атмосфера пара, и что въ этой атмосферѣ происходитъ, въ зависимости отъ перемѣнъ распредѣленія температуры, своя послынная дестилляція, причемъ между сравнительно сухими пластами можетъ оказаться слой влажной земли, могущей послужить питательной средою для развитія вибрионовъ и различныхъ болѣзнетвор-

ныхъ микроорганизмовъ почвы. Здѣсь мы имѣемъ переходъ къ объясненію нѣкоторыхъ особенностей почвенныхъ заразы.

Другое соединеніе элементовъ почвы съ микроорганизмами и влагой мы находимъ въ такъ называемыхъ грязныхъ осадкахъ. Извѣстно, между прочимъ, то впечатлѣніе, которое произвело въ мартѣ 1901 г. выпаденіе красныхъ осадковъ въ Италіи, Австріи и частяхъ Германіи; количество перенесенной дождемъ красной пыли измѣрено для всего пространства осадковъ Бараккомъ въ 13 мил. пудовъ; въ томъ числѣ около 600 тысячъ пудовъ приходится именно на долю микроорганизмовъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что подобная миграція микроорганизмовъ можетъ быть поводомъ къ переносу также и заразы. Не лишне вспомнить и о пылевыхъ явленіяхъ мая 1894 года, которыя выразились въ выпаденіи грязныхъ осадковъ въ Петербургѣ и Стокгольмѣ. Въ то время покойный знаменитый путешественникъ баронъ Норденшельдъ думалъ воспользоваться этимъ явленіемъ для доказательства своей гипотезы о выпаденіи метеорной пыли въ земную атмосферу (см. отчеты Парижской Академіи). Но дѣло объясняется гораздо проще: движеніе пыли прослѣжено на всемъ протяженіи ея пути изъ-за Каспія; увлекаемая мощнымъ движеніемъ воздуха около антициклона, она совершила движеніе по дугообразной кривой, причемъ въ Таврической губ. пыльные ураганы причинили настоящее бѣдствіе, забивая пылью даже совершенно замкнутыя помѣщенія и выдувая постѣвы; усиливаясь за счетъ вздымаемыхъ частицъ почвы, эта пыльная струя застала весь небосклонъ въ западной и отчасти средней Россіи бурю пеленою, сквозь которую солнце едва просвѣчивало въ видѣ тусклаго краснаго фонаря.

Не показываютъ ли подобныя явленія, что не совсѣмъ неосновательно допущеніе возможности переноса инфекцій на многія тысячи верстъ? Мы имѣемъ и непосредственное доказательство этого въ распространеніи бактериологической болѣзни растений, такъ называемаго захвата или помохи по

вѣтру. Случаи такой миграціи помохи констатированъ мною въ „Метеорологическомъ Вѣстникѣ“.

Все это заставляетъ меня съ уваженіемъ отнестись къ идеямъ д-ръ П. Г. Розанова, который, вопреки жестокимъ возраженіямъ большинства эпидемиологовъ, отстаиваетъ свое убѣжденіе въ томъ, что воздушныя и рѣчныя теченія служатъ могущественными средствами распространенія заразъ.

Упомянемъ еще о періодичности засухъ и эпидемій въ Индіи, о сравненіи климатовъ городовъ, полей и лѣсовъ, о вліяніи растительности на климатъ, о выясненіи особенностей горнаго: все это — успѣхи новой метеорологіи, которые находятъ себѣ ближайшія примѣненія въ гигиенѣ и климатотерапіи, въ качествѣ опредѣленія внѣшнихъ атмосферныхъ условій здороваго и больного существованія человѣка.

Резюмируя сказанное по отношенію къ метеорологическимъ факторамъ заболѣваній, мы можемъ выдѣлить, какъ таковыя: 1) факторы простуживанія, 2) переносъ инфекцій (заразъ) воздухомъ и 3) почвенную интоксикацію (отравленіе), далѣе: 4) факторъ горной болѣзни, 5) сухость, какъ причину, благопріятствующую катарру дыхательныхъ путей, 6) влажный зной, какъ факторъ жаровыхъ ударовъ, 7) дѣйствіе солнечныхъ лучей на кожу, какъ факторъ отчасти лечебный и отчасти вредный (солнечные удары), и 8) электрическіе разряды, какъ причина пораженій молніей.

Оставивъ анализъ отдѣльныхъ элементовъ воздѣйствія атмосферы на жизнь человѣка, посмотримъ, какъ складываются эти отдѣльные элементы въ различныя комбинаціи, характеризующія климаты и такимъ или другимъ образомъ обуславливающія складъ жизни ее развитія человѣка. Человѣкъ и весь органическій міръ стоитъ въ двоякой зависимости отъ климата. Съ одной стороны, условія климата дѣйствуютъ непосредственно на жизненные процессы, съ другой стороны они оказываютъ косвенное вліяніе на человѣка своимъ вліяніемъ на животное и растительное царства, плодами ко-

торыхъ принужденъ пользоваться человѣкъ; благопріятнымъ въ этомъ смыслѣ долженъ считаться тотъ климатъ, который способствуетъ процвѣтанію и развитію полезныхъ видовъ флоры и фауны, и который подавляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь вредныхъ ихъ представителей. Непосредственное воздѣйствіе есть главное по отношенію къ растеніямъ и холоднокровнымъ животнымъ, косвенное же воздѣйствіе есть самое главное для человѣка и теплокровныхъ животныхъ. Какъ таковое, человѣкъ обладаетъ замѣчательнымъ механизмомъ для сохраненія нормальной температуры тѣла, какъ при самыхъ низкихъ, такъ и при сравнительно высокихъ температурахъ. Благодаря этому механизму человѣкъ можетъ выносить и холодъ до -76° , какъ въ Верхоянскѣ, и жару не менѣе 40° , какъ въ пустыняхъ Колорадо. Человѣка гонить изъ полярныхъ странъ не погода, а отсутствіе питательныхъ растеній; тамъ, гдѣ человѣка вытѣсняютъ эпидемическія болѣзни, онъ подчиняется не непосредственному дѣйствію климата, но его косвенному вліянію, ибо эти болѣзни почти всегда оказываются слѣдствіемъ условій климата, благопріятствующихъ жизни патогенныхъ (болѣзнетворныхъ) микроорганизмовъ.

Я перехожу къ изложенію крупныхъ успѣховъ въ области біологической климатологіи, достигнутыхъ метеорологомъ, котораго мы съ гордостью можемъ назвать своимъ, русскимъ, хотя вся дѣятельность его проходитъ въ Германіи; я говорю о В. П. Кёппенѣ, метеорологѣ Гамбургской морской обсерваторіи. Давно уже занимаясь означеннымъ вопросомъ г. Кёппенъ отъ времени до времени публиковалъ, какъ отдѣльныя статьи, такъ и карты, изображающія важныя для органической жизни изо-линіи; первая такая карта съ подробнымъ климатологическимъ объясненіемъ напечатана въ 1884 г. (*Meteor. Zeitschrift*), а два года тому назадъ г. Кёппенъ далъ новый очеркъ ботанической климатологіи;¹⁾ не могу упустить изъ

1) Versuch einer Klassifikation der Klimate, vorzugsweise nach ihren Beziehungen zur Pflanzenwelt. *Geograph. Zeitschrift* т. VI 1900, стр. 593 и 657.

виду и коротенькой популярной книжки его „Klimalehre“ (ученіе о климатѣ), въ которой онъ въ чрезвычайно изящномъ видѣ сводитъ результаты своихъ работъ для пользы большой публики (сборникъ Гешена). На протяженіи 17 лѣтъ взгляды Кеппена не могли не видоизмѣниться, и, чтобы представить нынѣ ихъ очеркъ, мнѣ приходится прибѣгнуть къ извѣстному произволу въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Замѣчу еще, что Кеппенъ далекъ отъ задачъ медицинской климатологіи, и что его выводы примѣняются къ человѣку лишь косвеннымъ образомъ постольку, поскольку и воздѣйствіе климата на человѣка есть воздѣйствіе косвенное, находящее связующее звено въ ботанической географіи.

Какъ примѣръ незаконченной детали разсужденій Кеппена, можно указать на нерѣшенный выборъ температуры, опредѣляющей то, что въ общежитіи мы называемъ жарою; эта температура равняется по Кеппену, то 18° , то 20° ; согласно указанію послѣдняго популярнаго сочиненія г. Кеппена, я остановлю свой выборъ предѣла на температурѣ 18° ; эта температура близка къ обычной комнатной температурѣ, въ которой человѣкъ себя чувствуетъ хорошо безъ физической работы; болѣе низкая температура заставляетъ его прибѣгать къ мускульной дѣятельности для усиленія производства теплоты; при болѣе высокой температурѣ всякая работа, какъ физическая, такъ и умственная, становится затруднительной. Тамъ, гдѣ температура не опускается ниже 18° , европеецъ лишенъ возможности добыванія себѣ средствъ къ жизни собственнымъ трудомъ, а слѣдовательно лишенъ и возможности осядлой жизни, — таковы условія жаркаго пояса.

Линія, опредѣляющая границу этого пояса — по Кеппену, 18-градусная изотерма самаго холоднаго мѣста — можетъ быть двоякимъ образомъ проведена: на основаніи непосредственныхъ наблюденій т. е. съ удержаніемъ всѣхъ аномалій, зависящихъ отъ высоты мѣстностей или же на основаніи температуръ, освобожденныхъ отъ вліянія высоты, т. е. приведенныхъ къ уровню моря; въ послѣднемъ случаѣ линіи эти

являются въ сглаженномъ, такъ сказать идеализированномъ видѣ и болѣе плавны, чѣмъ въ первомъ случаѣ, когда онѣ передаютъ всѣ подробности рельефа мѣстности, почти сливаясь съ линіями равныхъ высотъ — изогипсами — въ горныхъ странахъ. На этихъ то болѣе капризныхъ кривыхъ, ближе отвѣчающихъ жизненнымъ условіямъ, которыя приурочиваются естественно къ поверхности земли и останавливаетъ свое вниманіе г. Кеппенъ.

Чтобы опредѣлить полярную границу умѣреннаго пояса благопріятствующаго условіямъ человѣческой жизни г. Кеппенъ беретъ нѣкоторую ботанико-географическую границу, именно линію, отдѣляющую бесплодное полярное пространство льдовъ и тундръ отъ области лѣсной; какъ таковую границу, онъ принимаетъ 10-градусную изотерму самаго теплаго мѣста. Эта же граница соотвѣтствуетъ приблизительно и границѣ хлѣбонашества. Здѣсь весьма ясно проявляется то общее положеніе, что разселеніе человѣка по необходимости строго приурочивается къ географіи растений, какъ это замѣчаетъ и Альфр. Гетнеръ; тамъ, гдѣ нѣтъ лѣса и хлѣба, не можетъ быть и полной осѣдлости человѣка. Таковы предѣлы умѣреннаго пояса въ смыслѣ умѣренности, благопріятной для человѣческой осѣдлости и работы.

Ранѣе, чѣмъ перейти къ разясненію другихъ границъ и особенностей климатовъ, обратимъ вниманіе на то, что Кеппенъ не нашелъ возможнымъ принять за таковыя среднія годовыя изотермы, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ Рошаръ въ своей „Энциклопедія гигіены“ (1899 г.). Дѣйствительно, насколько различны могутъ быть условія флоры и фауны на одной и той же изотермѣ свидѣлствуетъ, напримѣръ, нулевая изотерма, на которой расположены и обледѣнные восточные берега Гренландіи, и роскошные лѣса средняго Амура гдѣ сплетаются дикія виноградныя лозы съ дубами, и гдѣ еще недавно случалось видѣть охоту тигра на сѣверныхъ оленей. Разница въ томъ, что въ Гренландіи температура лѣтнихъ мѣсяцевъ не поднимается выше 6 градусовъ, а на

Амурѣ мы находимъ въ іюлѣ среднюю температуру 22°. Нужды нѣтъ, что въ Якутской области во всѣ времена года подѣ почвою температура ниже 0°, въ соотвѣтствіи со средней годовой температурой; нужды нѣтъ, что нормальная температура января достигаетъ тамъ 11° мороза — на оттаивающей поверхности земли растутъ лѣса, и лѣтомъ находятъ выгоднымъ сѣять яровую рожь и овесъ.

Г. Кенпенъ отступилъ и отъ обычнаго географическаго дѣленія поверхности земли тропиками и полярными кругами на пять поясовъ: два холодныхъ, два умѣренныхъ и одинъ жаркій, но усматриваетъ достоинство предлагаемыхъ имъ границъ этихъ поясовъ въ ихъ близости къ географическимъ параллелямъ.

Перейдемъ теперь къ характеристикѣ зонъ Кенпена, начиная съ полярныхъ пространствъ и кончая умѣренными поясами.

Упомянутая 10-градусная изотера довольно близко сходится съ полярнымъ кругомъ: на сушѣ она расположена сѣвернѣе, на морѣ — южнѣе послѣдняго. Изъ этой близости видно, что въ холодномъ поясѣ мы встрѣчаемся съ зимнею непрерывною ночью и лѣтнимъ непрерывнымъ днемъ, которыхъ продолжительность достигаетъ полугода на полюсахъ. Лѣтнее время, какъ уже было указано весьма богато солнечнымъ тепломъ, но вслѣдствіе расхода на плавленіе льда и снѣга и на развитіе органической жизни, этого тепла остается весьма мало. Этимъ можно объяснить отсутствіе микроорганизмовъ въ полярныхъ климатахъ, а слѣдовательно и отсутствіе различныхъ заболѣваній. Слабый наклонъ солнечныхъ лучей дѣлаетъ то, что они задерживаются всякими неровностями почвы и тогда производятъ на освѣщенныхъ склонахъ усиленное таяніе и образованіе болотъ; тутъ же гнѣздится и жалкая растительность. Такъ какъ вообще земля не получаетъ достаточнаго орошенія изъ атмосферы по скудости осадковъ, свойственной холодному климату, то тамъ могутъ выживать лишь особо приспособленныя растенія; любопытно, что эти

растенія нуждаются для сохраненія влаги въ такихъ же предохранительныхъ органахъ въ родѣ волосковъ, какъ и растенія тропическаго пояса, страдающія отъ испаренія подъ вліяніемъ избытка солнечнаго нагрѣванія. Можно видѣть нѣкоторое сходство съ тропическою растительностью также и въ малочисленности видовъ. Для питанія человѣка растительность холоднаго пояса непригодна, и источниками существованія могутъ быть лишь олень, да рыба на прибрежныхъ мѣстахъ. По отношенію къ самочувствію человѣка важно замѣтить, что, благодаря зимней сухости, ощущеніе сильныхъ морозовъ довольно слабо; курьезно, что лѣтомъ по причинѣ влажности, какъ она ни скудна, прохлада дѣйствуетъ болѣе непріятно, чѣмъ самые трескучіе морозы зимою. Нечувствительность сѣверяня къ крайнимъ степенямъ холода давно приобрѣла славу и дала поводъ говорить объ общей притупленности ощущеній; такъ Монтескьё, для котораго повидимому не представлялось разницы между русскимъ человѣкомъ и какимъ нибудь моржомъ, утверждалъ, что съ нашего брата нужно содрать шкуру, чтобы мы почувствовали.

Въ противоположность полярнымъ странамъ, жаркій поясъ не знаетъ рѣзкой разницы между температурами лѣта и зимы, но зато подверженъ въ теченіе сутокъ такимъ смѣнамъ температуръ дня и ночи, какихъ не знаетъ полярный житель. Въ своемъ суточномъ ходѣ солнце встаетъ почти на самомъ востокѣ, круто поднимается вверхъ, быстро повышая температуру, накаляетъ почву своими отвѣсными лучами, проходя близъ зенита неба, и послѣ захожденія предоставляетъ землю быстрому паденію температуры. Своеобразную рѣзкую аномалію суточного хода представляютъ въ береговыхъ мѣстностяхъ бризы; во французской Дагомеѣ, среди общаго подавляющаго зноя, дующій ежедневно между 9 и 12 часами дня морской влажный вѣтеръ является въ видѣ благодатнаго освѣженія, дающаго человѣку кратковременное пробужденіе; въ Joul'ѣ наблюдается регулярное паденіе температуры на десятокъ

градусовъ вмѣстѣ съ повышеніемъ влажности почти до насыщениіа.¹⁾

Смѣна временъ года происходитъ также своеобразно, состоя изъ двухъ влажныхъ и двухъ сухихъ сезоновъ; наибольшимъ удаленіемъ солнца отъ зенита къ сѣверу и къ югу соотвѣтствуютъ засухи; послѣднимъ французскія наблюденія на верхнемъ теченіи Нила дали названія большой и малой. Очень нагляденъ изображающій ихъ распредѣленіе чертежъ въ *Annales du Bureau Central Météorologique de France* за 1898 г. Въ разстояніи 20° отъ экватора въ обѣ стороны малыя засухи исчезаютъ: на сѣверѣ — въ іюнѣ, а на югѣ — въ декабрѣ, и тогда остаются только большая зимняя засуха и лѣтній влажный сезонъ. То же имѣетъ мѣсто и въ областяхъ муссоновъ. Лѣтніе дожди принимаютъ нормально характеръ ливней, такихъ какіе изрѣдка наблюдаемъ и мы; въ немногихъ мѣстахъ эти ливни достигаютъ болѣе грозной силы. При общей ровной, высокой температурѣ дождливый сезонъ оказывается благодѣтельнымъ для освѣженія растительности и жизни человѣка. Равномѣрность распредѣленія температуры въ пространствѣ не даетъ мѣста образованію теплыхъ и холодныхъ вѣтровъ; слабость отклоняющей силы земного вращенія не благопріятствуетъ образованію вихревыхъ движеній — циклоновъ и антициклоновъ, и такимъ образомъ исчезаютъ тѣ смѣны погоды, которыя такъ близки и знакомы намъ; на первый планъ выступаютъ мѣстные климатическія условія, зависящія отъ берегового или континентальнаго положенія и отъ уровня.

Тропическая жара въ общемъ оказываетъ на человѣка неблагопріятное непосредственное дѣйствіе: непокрытая кожа страдаетъ отъ болѣзненнаго дѣйствія лучей солнца; часты жаровые и солнечные удары; жара подавляетъ физическую и умственную дѣятельность, разслабляетъ и разбаловываетъ такъ, что небольшое пониженіе температуры дѣлается нестер-

1) *Ango, Traité de météorologie.*

шимымъ. Говорятъ, что негры племени Пулло въ центральной Африкѣ отапливаютъ свои ночлеги, когда температура опускается до 23°!

Къ этимъ неблагоприятнымъ условіямъ нужно прибавить еще бѣдствія отъ различныхъ повальныхъ болѣзней. Цвѣтно-кожіе страдаютъ отъ бери-бери, проказы, elephantiasis; диссен-терія и малярія составляютъ бичи европейцевъ. Несомнѣнно, что высокая температура весьма благопріятствуетъ развитію патогенныхъ микроорганизмовъ. По Гиршу, малярія, столь знакомая и умѣренному поясу, не свиваетъ себѣ гнѣздъ за 15-градусной лѣтней изотермой.

Акклиматизація европейцевъ въ жаркомъ поясѣ встрѣчаетъ себѣ серьезныя препятствія. Дейблеръ находитъ ихъ непреодолимыми, развѣ только на высокихъ мѣстахъ, и то при постепенномъ перерожденіи европейца, путемъ скрещиванія съ туземною расою¹⁾. По замѣчанію Ратцеля²⁾, англичане могутъ управлять Индією лишь изъ болѣе холодныхъ, нагорныхъ центровъ.

Особенно неблагоприятно складываются условія жизни въ жаркой полосѣ внутренней Австраліи³⁾. Защищенная горами отъ восточныхъ влажныхъ вѣтровъ, эта страна страдаетъ отъ сухости и не имѣетъ постоянныхъ рѣкъ и озеръ; лишь изрѣдка ливни, осадившіеся на горахъ, изливаются въ бурныхъ потокахъ, причемъ на время заливаются равнины, и заполняются водою озерныя впадины. Природа представляетъ рядъ сюрпризовъ, не давая возможность ничего устроить, ничѣмъ заняться: сельское хозяйство невозможно при капризномъ чередованіи засухъ съ наводненіями, о рыболовствѣ нечего и думать, за отсутствіемъ рыбы въ пересыхающихъ водоемахъ, — остается въ виду только бродячій образъ жизни направленный къ розыску скудной пищи и добычи. Въ этомъ

1) Helmholt's Weltgeschichte, т. I, 1900.

2) Schrader. Revue Scient. 1892.

3) Acclimatisation und Physiologie der Tropenbewohner. — Tropenpathologie. Geograph. Zeitschrift 1896, т. II, стр. 25 и 617.

несчастномъ существованіи не было мѣста совершенствованію человѣка, и лишь бумерангъ является характернымъ плодомъ избобрѣтательности или воспріимчивости дикаго разбойника и охотника.

Какъ ни трудно приспосаблиется европеецъ къ условіямъ существованія въ жаркомъ поясѣ, и какъ ни плачевны эти условія, тѣмъ не менѣе размноженіе и борьба за существованіе запрещаютъ ему отказаться и отъ этихъ жалкихъ остатковъ на пользу отставшихъ въ своемъ развитіи низшихъ расъ. Мексика и Перу давно исчезли подъ кулакомъ европейца. Краснокожіе загнаны на сѣверо-западный уголъ Америки, и лишь болѣе способные индивидуумы сѣумѣли приспособиться къ новымъ условіямъ. Когда-то грозный вождь гуроновъ занялся ремесломъ нотаріуса въ городкѣ французской Канады, и его жилище украшается, вмѣсто скальповъ, фортепіано, на которомъ научились бренчать его дочери. Лучше сопротивлялись маорисы Новой Зеландіи, но и то безъ успѣха. Европейцы бережно сохраняли старую королеву, послѣднюю изъ тасманокъ, какъ археологическую рѣдкость, но и та уже погребена, какъ и все ея племя.

Переходимъ къ характеристикѣ умѣреннаго пояса. Мы его подраздѣлимъ здѣсь на зоны субтропическую и прохладную. Особенно интересна для насъ сосѣдняя съ романскимъ Средиземнымъ моремъ страна классическаго субтропическаго климата съ мягкими влажными зимами и сухимъ лѣтомъ — какъ видно, распределеніе влажныхъ сезонныхъ, несогласное со смѣною ихъ у тропиковъ. Зоны высокихъ давленій, оттѣсненныя къ сѣверу лѣтними зенитальными дождями, обуславливаютъ лѣтомъ сухость, уступающую лишь въ зимнее полугодіе мѣсто осадкамъ, когда солнце переводитъ въ южное полушаріе условія цѣлой экваторіальной циркуляціи. Въ этомъ климатѣ нѣтъ зимы, самый холодный мѣсяцъ имѣетъ температуру отъ 2—17°; здѣсь мы находимъ вѣчно зеленые деревья и кустарники, но мало лѣсовъ, которые, какъ утверждаютъ и древнія сказанія, пріурочи-

ваются лишь къ болѣе холоднымъ нагорьямъ (напр., Ливану). Та часть этой области, которая пользуется жаркимъ лѣтомъ, съ температурою отъ 22—28°, есть область маслинъ: таковы все побережье Средиземнаго моря, Сирія, Персія, также западная Австралія и внутренняя Калифорнія. По роскоши даровъ природы съ этой областью идетъ въ сравненіе страна восточнаго субтропическаго климата съ влажнымъ жаркимъ небомъ и холодною зимою: таковы Китай, Японія, Индія, Парагвай, Ла-Плата, Луизіана и др. юговосточные штаты Сѣверной Америки. Это страна камелій, чая и хлопка, также многихъ хвойныхъ растений. Къ субтропическимъ странамъ можно причислить и маисовыя житницы: Сербію, Болгарію, Румынію, По, Иллинойсъ, Миссури.

Обширность береговой линіи романскаго Средиземнаго моря составляетъ немаловажное условіе, благопріятствовавшее тому, что обитатель этой благословенной страны изпользовалъ всѣ дары ея природы и, развивая свою предпріимчивость, улучшалъ условія жизни также и въ болѣе обширномъ районѣ. Поэтому съ теченіемъ времени центры культуры могли передвинуться въ страны, менѣе роскошно одаренныя природою, страны прохладной зоны.

Прохладная зона въ Европѣ можетъ быть раздѣлена на двѣ части, которыя хорошо различаются въ ботанико-географическомъ отношеніи произрастаніемъ въ одной изъ нихъ — дуба, въ другой — березы. Дубовые лѣса требуютъ для годового оборота своего внутренняго хозяйства какъ лѣта, такъ и зимы, т. е. извѣстнаго годового колебанія температуры съ амплитудою не менѣе 10°, причемъ нуждаются въ довольно продолжительномъ лѣтѣ, именно не менѣе четырехъ теплыхъ мѣсяцевъ съ температурою не ниже 10°. Эта область простирается между Петербургомъ, Уфою и Бордо, и ее же мы находимъ въ Канадѣ южнѣе параллели 48°. Сѣверная ея граница приблизительно та же самая, какъ у пшеницы, гречихи и озимой ржи, требующихъ также продолжительнаго лѣта.

Другая, болѣе сѣверная часть лѣсной зоны занята березою, которая, требуя, подобно дубу, годовой амплитуды температуры не менѣе 10^0 , не переноситъ продолжительнаго тепла и вполне приспособляется къ морозамъ до 50^0 . Рядомъ съ нею мы находимъ яровую рожь, ячмень, картофель, отлично вызрѣвающіе даже надъ мерзлотою. Сѣверъ Швеціи, лѣсная Сибирь — вотъ типическія страны березы.

Въ умѣренномъ поясѣ между изотермами 10^0 зимней и 18^0 лѣтней происходитъ вся работа европейцевъ, и тамъ же зарождалась культура и другихъ расъ. Смѣна временъ года, заставляющая заботиться о припасаніи пропитанія, одежды и жилища на зиму, составляетъ могущественное побужденіе къ работѣ. Успѣхъ работы не только удовлетворяетъ человѣка, но и побуждаетъ его къ добыванію большаго, чѣмъ необходимо. „Нужда научить калачи ѣсть“, говоритъ нашъ мужикъ, довольствующійся въ періоды голодовки и лебедю.

Тропическій обитатель питается дарами природы, не затрачивая труда, полярный человѣкъ — пролетарій, не находящій полезной работы; удѣлъ же населенія средней полосы составляетъ работа и съ нею развивающаяся предпримчивость и трудолюбіе; безъ работы европеецъ терпитъ нужду, а съ работою увеличиваетъ и облагораживаетъ свои потребности и стремленія. Зима составляетъ для него важное условіе для обновленія душевныхъ и тѣлесныхъ силъ. Жаркое, даже слишкомъ жаркое лѣто не останавливаетъ „going ahead“ и въ Сѣв. Америкѣ. Но тамъ, гдѣ жара, даже и умѣренная, тянется цѣлый годъ безъ перерыва, гдѣ отсутствуетъ стимулъ зимы, тамъ далеко не каждый сѣверянинъ можетъ годами работать надъ выполненіемъ своихъ извнѣ принесенныхъ практическихъ или идеальныхъ плановъ, тамъ и онъ подпадаетъ беззаботности и сонливости, составляющимъ характерныя черты туземцевъ.

Исторія показываетъ, что благопріятность климата для культуры человѣческой не можетъ считаться одинаковою для

всѣхъ ступеней послѣдней. По мѣрѣ роста цивилизаціи, центры ея двигались явственно въ направленіи отъ экватора къ полюсу. Такъ, культура Старога Свѣта перешла въ VI вѣкѣ до Р. Х. съ юга субтропическаго пояса въ его сѣверную часть, а затѣмъ въ умѣренный поясъ съ жаркимъ лѣтомъ, въ то время, когда поясъ умѣренный съ прохладнымъ лѣтомъ служилъ мѣстопребываніемъ варварскимъ племенамъ. Въ средніе вѣка культура обоихъ умѣренныхъ поясовъ постепенно выравнивалась, а, послѣ кратковременнаго процвѣтанія Испаніи и Португаліи, расцвѣтъ Голландіи, а затѣмъ Англіи начали собою эпоху преобладанія народовъ умѣреннаго пояса съ прохладнымъ лѣтомъ. Ясно, что движеніе происходило отъ странъ болѣе роскошно одаренныхъ къ странамъ болѣе суровымъ, имѣющимъ своимъ преимуществомъ энергію, матеріальную и духовную, строительный матеріалъ, топливо и предприимчивость. Съ помощью послѣднихъ сѣверянинъ добываетъ все, что даетъ человѣку богатство природы болѣе одаренныхъ странъ. Бѣдныя отъ природы, но удобныя для міровыхъ сношеній побережья дѣлаются центрами дѣятельности, богатыютъ и процвѣтаютъ; то, что произошло на сѣверо-западѣ Европы, повидимому, воспроизводится въ Японіи, и, почему знать, не должно ли впослѣдствіи выпасть на долю Огненной Земли? . .

Перенесеніе культуры изъ странъ жаркихъ къ болѣе прохладнымъ имѣло мѣсто и въ Америкѣ послѣ водворенія европейцевъ (см. I т. „Weltgeschichte“ Гельмольта).

Кривыя нашей карты, раздѣляющія пояса субтропическій, умѣренный съ жаркимъ лѣтомъ и умѣренный съ прохладнымъ лѣтомъ, въ своихъ изгибахъ позволяютъ намъ, какъ замѣчаетъ г. Кеппенъ, усмотрѣть еще и другія черты связи между условіями климата и культуры человѣческой; напимѣръ, тамъ, гдѣ тѣсно сближаются эти линіи, гдѣ пояса сѣуживаются, какъ у нѣкоторыхъ горныхъ цѣпей, мы можемъ заподозрить извѣстныя формы взаимодѣйствія между расами и племенами, различными по уровню цивилизаціи. Такъ,

центры культуры въ Перу (инки), Мексикѣ, отчасти на Юкатанѣ (майя) и въ Индіи принадлежатъ болѣе прохладнымъ нагорьямъ. Оттуда развившіяся въ болѣе суровыхъ условіяхъ племена распространяли свою власть и поработали менѣе энергичныя, изнѣженныя тропическою жарою, народности жаркой зоны. Такимъ образомъ, климатическія условія для деспотіи должны быть иными, чѣмъ для свободного развитія. Весьма вѣроятно, что и слѣды цивилизаціи на Явѣ и въ Индо-Китаѣ принадлежатъ воздѣйствію энергіи болѣе высоко жившихъ горныхъ племенъ.

Не забудемъ и роли осадковъ въ отношеніи опредѣленія вида культуры. Влажныя мѣстности умѣренного пояса покрываются лѣсами или болотами и даютъ мѣсто охотничьему промыслу; въ сухихъ степяхъ являются номады-скотоводы; кочевая жизнь приводитъ къ разбойничеству, развивается молодчество, и на долю женщины выпадаетъ работа. Смѣшеніе или чередованіе условій влажности приводитъ къ тому разнообразію флоры и фауны, которое допускаетъ прикрѣпленіе къ мѣсту; осѣдность ведетъ за собою обработку земли, а за нею развитіе государственнаго строя; обработка и орошеніе полей требуютъ работы рукъ и ума; здѣсь залогъ мирнаго преуспѣянія, здѣсь источникъ человѣческой цивилизаціи.

Сельскохозяйственный характеръ нашей страны, наша суровая зима, побуждающая насъ къ заботамъ и къ облагороженію нашихъ стремленій, расцвѣтъ цивилизаціи въ климатически сходныхъ съ Россією странахъ, не показываетъ ли это все, что наше отчество стоитъ на порогѣ всемірнаго преобладанія мощью своихъ развертывающихся матеріальныхъ и умственныхъ силъ!

Б. Срезневскій.

Ливонская Хроника Генриха Латыша.

Языкъ и содержаніе Хроники; научная разработка ея; происхожденіе, воспитаніе и дѣятельность автора Хроники; цѣль и историческое достоинство Хроники.

Къ числу важныхъ источниковъ по исторіи прибалтійскаго края въ первую четверть тринадцатаго вѣка по Р. Хр. принадлежитъ Ливонская Хроника Генриха Латыша, написанная имъ на латинскомъ языкѣ, довольно правильномъ въ грамматическомъ отношеніи, но богатомъ въ стилистическомъ отношеніи своеобразными библейскими выраженіями и оборотами, свидѣтельствующими объ основательномъ усвоеніи авторомъ Священнаго писанія; изрѣдка попадаются въ Хроникѣ слова эстонскія, латышскія и нѣмецкія, напоминающія о тѣхъ народностяхъ, среди которыхъ долженъ былъ вращаться ея авторъ. Прозаическая форма рѣчи въ Хроникѣ иногда разнообразится сносными стихами и содержитъ выраженія, заимствованныя авторомъ изъ Вергилія и Горація. Всѣ эти факты несомнѣнно доказываютъ систематическую школьную подготовку автора. По содержанію Хроника представляетъ большой интересъ потому, что знакомитъ насъ съ состояніемъ въ то время прибалтійскаго края въ географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, изображаетъ характеръ, бытъ, вѣрованія и взаимныя отношенія ливовъ, латышей и эстовъ

между собой и ихъ отношенія къ пограничнымъ сосѣдямъ, русскимъ и литовцамъ, подробно излагаетъ исторію завоеванія этихъ мѣстностей пришельцами изъ Германіи и Даніи, исторію распространенія здѣсь католичества огнемъ и мечемъ, освѣщаетъ борьбу датчанъ съ тевтонами изъ-за господства надъ Эстоніей, содержитъ свѣдѣнія о первоначальномъ господствѣ русскихъ въ прибалтійскомъ краѣ, о передовыхъ русскихъ удѣльныхъ княжествахъ Герцикскомъ, Куkenойскомъ и Юрьевскомъ, о постепенномъ вытѣсненіи тевтонами русскаго господства надъ туземцами и обращеніи послѣднихъ въ тевтонскихъ данниковъ, касается слегка вопроса о распространеніи и вытѣсненіи православія католичествомъ въ этомъ краѣ, повѣствуетъ о возникновеніи и постепенномъ усиленіи ордена меченосцевъ, намекаетъ на его столкновенія съ главнымъ руководителемъ по покоренію тевтонами прибалтійскаго края и насажденію здѣсь католичества — епископомъ рижскимъ Альбертомъ, который, благодаря своей умной, настойчивой и дальновидной политикѣ, въ теченіе всего двадцати пяти лѣтъ успѣлъ распространить владѣнія тевтоновъ, а равно и католичество, отъ балтійскаго побережья до коренныхъ русскихъ земель и отъ береговъ западной Двины до финскаго залива (Heng. Chron. 29,2).

Изъ Хроники узнаемъ о распредѣленіи покоренной ливонцами земли между орденомъ меченосцевъ, епископами и городомъ Ригю, объ установленіи правовыхъ отношеній между самими завоевателями съ одной стороны, и между завоевателями и ихъ данниками съ другой. Богатая содержаніемъ хроника Генриха служила источникомъ для позднѣйшихъ писателей 16-го и 17-го вѣка, при сообщеніи историческихъ свѣдѣній о Ливоніи; ею пользовались¹⁾: Балтазаръ Руссовъ, Маурицій Брандтъ, Діонисій Фабриціусъ, Мельхіоръ

1) Вопросъ о заимствованіи изъ Хроники Генриха свѣдѣній по исторіи Ливоніи позднѣйшими писателями разсмотрѣлъ тщательно Герм. Гильдебрандъ въ соч. Die Chronik Heinrich's von Lettland. Berlin 1865. стр. 145—161.

Фуксъ, Томасъ Гіернъ, Христіанъ Кельхъ. Подлинный текстъ Хроники Генриха появился въ печати впервые въ 1740 г. благодаря трудамъ Іоанна Даніеля Грубера, ¹⁾ который издалъ ее по неполному Ганноверскому рукописному списку, съ подробными объясненіями и документами, разъясняющими соотвѣтствующія мѣста въ Хроникѣ. Трудомъ Грубера воспользовался Іоаннъ Годфридъ Арндтъ при дальнѣйшемъ разъясненіи Хроники, пополненіи пробѣловъ и исправленіи текста по другимъ спискамъ, преимущественно по ревельскому; онъ же перевелъ Хронику на нѣмецкій языкъ и издалъ ²⁾ свою работу въ 1747 г.

Только столѣтіе спустя труды Грубера и Арндта были снова цѣлкомъ изданы въ первомъ томѣ „*Scriptores rerum Livonicarum*“ ³⁾ и дали толчекъ къ дальнѣйшему изслѣдованію ливонской Хроники со стороны хронологіи, языка, слога, достовѣрности фактовъ, личности автора, степени его безпристрастія и цѣли труда ⁴⁾.

Въ шестидесятихъ годахъ прошлаго (19) столѣтія надъ возстановленіемъ латинскаго текста Хроники особенно потрудился Вильгельмъ Арндтъ, который отыскалъ въ Варшавѣ списокъ Замойскаго, относящійся къ началу 14-го вѣка, сравнилъ его съ другими списками: рижской городской библіотеки подъ № 2394, библіотеки рижскаго общества исторіи и древностей, ревельской гимназіи, библіотеки ревельскаго эстонскаго

1) *Origines Livoniae Sacrae et civilis: Chronicon Livonicum vetus continens res gestas trium primorum episcoporum etc.* Joh. Dan. Gruber Francofurti et Lipsiae 1740.

2) *Der Liefländischen Chronik erster Theil von Liefland unter seinen Bischöfen etc.* J. G. Arndt. Halle 1747.

3) *Scriptores rerum Livonicarum*, томъ 1. Рига. 1853 г.

4) Разработкой вопросовъ, относящихся къ Хроникѣ, занимались ученые: Боннель въ соч. *Russisch - Liwländische Chronographie*, А. Энгельманъ: *Chronolog. Forschungen in d. russ. und livländ. Geschichte* въ *Mittheilungen zur livländ. Gesch.* Bd. IX., Іорданъ, Ганзенъ, Дарингъ, графъ Карлъ Георг. Сиверсъ, бар. Роб. Толль, Пабстъ, Виленштейнъ, Германъ Гильдебрандъ, Ф. Кейслеръ и др.

общества, ганноверскимъ и другими, болѣе или менѣе испорченными, списками. На основаніи сличенія списка Замоискаго съ другими списками, Арндтъ пришелъ къ выводу, что этотъ списокъ лучше и древнѣе другихъ извѣстныхъ списковъ, и потому возстановилъ текстъ Хроники ¹⁾ по этому списку, а недостающія мѣста пополнилъ по списку № 2394 рижской городской библіотеки, болѣе другихъ подходящему къ списку Замоискаго, придерживаясь орфографіи послѣдняго списка и сохранивъ дѣленіе текста Хроники на главы, введенное Ганzenомъ въ его изданіи Хроники по Груберу и Арндту. Подъ текстомъ Хроники Вильг. Арндтъ помѣстилъ необходимые примѣчанія и предпослалъ тексту краткое, чисто научное предисловіе о спискахъ и авторѣ Хроники, ея цѣли, источникахъ, времени составленія и о хронологіи въ Хроникѣ. Изъ научныхъ сочиненій, разбиравшихъ Хронику со стороны ея содержанія, достовѣрности и вообще историческаго достоинства, особенно заслуживаетъ вниманія трудъ Германа Гильдебранда ²⁾, а изъ работъ по выясненію текста Хроники наиболѣе важна — Эдуарда Пабста ³⁾, который перевелъ Хронику на нѣмецкій языкъ и присоединилъ дѣльныя литературно-историческія примѣчанія; „но переводъ ⁴⁾ его шероховатъ и тяжелъ, богатъ латинскими оборотами и устарѣлыми нѣмецкими словами“. Трудъ Пабста перевелъ на

1) *Heinrici Chronicon Livoniae ex recensione Wilhelmi Arndt in usum scholarum. Hannoverae 1874.*

Укажу на слѣдующую историческую неточность въ текстѣ Арндта: *Mortuo rege magno Woldemaro de Plesekowe* — либо по опечаткѣ поставлено *de Plesekowe* вм. *de Ploceke*, либо въ рукописномъ экземплярѣ допущена была переписчикомъ описка. На стр. 101 опечатка: *Vesenor fuit sike* вм. *senior fuit Vesike*.

2) *Die Chronik Heinrich von Lettland. Von Herm. Hildebrand. Berlin 1865.*

3) *Heinrich's von Lettland Livländische Chronik nach Handschriften aus dem Lateinischen übersetzt und erläutert von Eduard Pabst. Ревель 1867.*

4) См. Wilh. Arndt. *Heinrici Chron. Livon.* стр. VI.

русскій языкъ Евгр. Вас. Чешихинъ¹⁾, много потрудившійся надъ собираніемъ и изданіемъ матеріаловъ и статей по исторіи прибалтійскаго края. Примѣчанія къ переводу Чешихинъ помѣстилъ не подъ текстомъ, а позади каждой главы; вслѣдствіе чего читателю приходится постоянно переворачивать страницы, чтобы ознакомиться съ содержаніемъ примѣчаній. Самый переводъ Чешихина, заслужившій въ свое время достойную оцѣнку и съ радостію принятый русскими читателями, не утратилъ до сихъ поръ значенія, какъ образецъ трудолюбія переводчика и его любознательности ко всему тому, что имѣетъ отношеніе къ исторіи прибалтійскаго края; но при разностороннихъ, направленныхъ на благо русскихъ рижанъ, занятіяхъ Евгр. В. Чешихинъ не имѣлъ времени позаботиться объ устраненіи значительнаго количества опечатокъ въ своемъ трудѣ, сильно искажающихъ текстъ Хроники, и вообще о надлежавшей корректурѣ перевода. Почти рабски слѣдуя за Пабстомъ въ передачѣ на русскій языкъ именъ и титуловъ, Чешихинъ сохранилъ въ русскомъ текстѣ странныя и подчасъ непонятныя для русскаго читателя названія, какъ напр., л е т о н ы (литовцы), король Ветсеке, плоцекскій король, великій король Ногардіенскій, король Плицековскій и т. п. Вслѣдствіе спѣшности перевода, встрѣчаются въ немъ искаженія нѣмецкаго текста Пабста и непонятныя мѣста, напр.: „король²⁾ Плоцекскій прислалъ и позвалъ епископа, назначивъ ему день и мѣсто, чтобы онъ предсталъ ему у Герсика для объясненія о ливахъ, прежде платившихъ ему дань, а также чтобы они уступили для купцовъ безопаснѣйшій путь по Двинѣ, согласно ихъ обѣщанію, и по возобновленіи мира, могли тѣмъ легче противостоятъ летонамъ“; бывають неудачныя прибавленія (гл. 28 § 4: „русская

4) Чешихинъ: „Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи прибалтійскаго края“. Т. I. Рига 1876 г.

2) Хроника 16, 2 начало.

церковь всегда бесплодная“; ни у Пабста, ни въ латинскомъ текстѣ опредѣляемаго слова при русская нѣтъ; по ходу мысли можно было бы прибавить мать, а не церковь); иногда пропущены ¹⁾ важныя въ историческомъ отношеніи мѣста, на которыя дѣлаетъ ссылки самъ Чешихинъ въ другихъ главахъ.

Ливонская Хроника несомнѣнно составлена лицомъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ распространеніи католичества и тевтонскаго господства въ прибалтійскомъ краѣ, хорошо знакомымъ со всѣми мѣстностями этого края, съ его топографіей, народами, населявшими этотъ край, и ихъ языками, лицомъ, усвоившимъ основательно Священное писаніе, и вслѣдствіе своего проповѣдническаго служенія постоянно прибѣгавшимъ къ библейскимъ выраженіямъ и оборотамъ, лицомъ, которое вполне свыклось со своеобразнымъ библейскимъ стилемъ и потому примѣнило его и въ Хроникѣ; такимъ лицомъ, по общему убѣжденію изслѣдователей Хроники, былъ Генрихъ, священникъ и переводчикъ изъ Латышей ²⁾. Латышское происхожденіе Генриха признавалось первыми спокойными изслѣдовате-

1) Укажу, для примѣра, слѣдующіе пропуски:

Гл. 20, § 3: „*Liberos eos a Ruthenis esse, sicut semper ante baptismum fuerunt, sic et nunc esse confirmabant*“ (Lyvonensis episcopus et fratres militiae).

§ 7: *et circuiverunt Rutheni per provincias, et comprehenderunt multos et interficientes eos, proiecerunt corpora eorum in aquam, que erat in pede montis, ut non haurirent ex ea qui erant in castro. Et fecerunt omnia mala, que poterunt vastantes et incendentes omnem terram in circuitu*“. У Пабста эти мѣста переведены на нѣм. языкъ.

§ 5: „*ne subditos suos gravaminibus aut exactionibus indebitis nimium lederent*“ — переведено: „дабы они не обременяли подвластныхъ невыносимыми тягостями“.

2) Chron. 16, 3: *Sacerdos ipsius (епископа Филиппа) et interpres Henricus de Lettis*.

лями Хроники: Груберомъ, Арндтомъ, Ганзен-
номъ и др., но въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣ-
тія среди балтійскихъ уроженцевъ, занимавшихся исторіей
родины, проявилась сильная склонность выводить изъ ниж-
ней Германіи Генриха на основаніи замѣтнаго сочувствія Ген-
риха германцамъ и восхваленія имъ храбрости, мужества и
изворотливости германцевъ. Чтобы затушевать заявленія са-
мого Генриха о своемъ латышскомъ происхожденіи, Гор-
данъ, а за нимъ Гильдебрандъ и Пабстъ стара-
лись филологически, путемъ сравненія съ другими выраже-
ніями, доказать, что *sacerdos Lettorum* значитъ только
латышскій священникъ, по кругу и мѣсту его довольно про-
должительнаго пастырскаго служенія, и что встрѣчающееся
только однажды въ Хроникѣ выраженіе *sacerdos et interpres*
Henricus de Lettis тождественно съ выраженіемъ *sacerdos Lettorum*
и также указываетъ только на кругъ его
дѣятельности. Ихъ послѣдователь Кейслеръ¹⁾ къ этимъ
толкованіямъ присоединилъ еще ссылку на одно мѣсто Хро-
ники²⁾, гдѣ слова изъ нашихъ противопологающіяся
словамъ изъ латышей, ясно, по его мнѣнію, доказы-
ваютъ, что Генрихъ самъ причисляетъ себя къ нѣмцамъ.
Вѣскимъ доказательствомъ не латышскаго происхожденія Ген-
риха для Кейслера³⁾ служитъ также то, что „ака-
демикъ Куникъ въ ученomъ собраніи настаивалъ вполнѣ
рѣшительно на томъ, что Генрихъ былъ уроженецъ Ниж-
ней Германіи“. Чтобы не вводить русскихъ читателей
въ заблужденіе относительно своего взгляда на происхожденіе
Генриха, Кейслеръ называетъ даже Генриха Лят-
ляндскимъ, хотя въ русскомъ языкѣ не встрѣчается

1) Кейслеръ: Окончаніе первоначальнаго русскаго влады-
чества въ прибалтійскомъ краѣ въ XIII ст. Петербургъ 1900 г.

2) Chr. 23, 9: „Ex nostris vero ceciderunt duo et ex Lettis duo,
frater Russini et frater Drivalde de Astijerwe, comes iuvenis de fa-
milie episcopi milesque ducis unus“.

3) Кейслеръ. Оконч. первон. русск. владыч. стр. 111.

слова Летляндъ и производнаго отъ него прилагательнаго.

При рѣшеніи вопроса о происхожденіи Генриха, вслѣдствіе отсутствія другихъ данныхъ, на основаніи самого текста Хроники и душевнаго настроенія Генриха, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, возможно спокойнѣе, безъ предвзятой мысли, разсмотрѣть доводы филологическіе и психологическіе. Предлогъ *de* Генрихъ употребляетъ при указаніи мѣстожителства, родины, происхожденія: *Estones de cunctis provinciis* (29, 7), *Estones de tota Ungaunia* (13, 5), *Lethi de Beverin* (15, 7), *Bertoldum quasi primum de suis* (12, 6), *aliquis de Theutonicis et quidam de Danis et de Normannis et de singulis populis* (1, 11), *Petrus Kakuwalde de Vinlandia* (19, 4). Иногда существительное съ предлогомъ *de* указываетъ только на мѣсто дѣятельности или поселенія: *Bertoldus de Wenden* (13, 5), *Theodoricus de Thoreyda* (1, 12). Возможно, что *Henricus Letthorum minister de Ymera* (24, 2) и *Letthorum de Ymera sacerdos* (24, 5), указываютъ только на мѣсто дѣятельности и значать: Генрихъ, латышскій священникъ изъ Имеры. Но предлогъ *de* съ именемъ народа несомнѣнно указываетъ на родину: когда ливы въ Торейдѣ хотѣли захватить насильно епископа Филиппа, то ихъ удержалъ отъ такого поступка „священникъ его и переводчикъ Генрихъ изъ латышей — *sacerdos ipsius et intepres Henricus de Lettis* (16, 3)“. Тутъ Генрихъ указалъ на свою временную службу при епископѣ Филиппѣ словами: священникъ его и переводчикъ; прибавка же опредѣленія *de Lettis* сдѣлана имъ очевидно для указанія родины, а не круга и мѣста дѣятельности. Умалять значеніе этого опредѣленія ссылкой на то, что Генрихъ сказалъ бы *de gente Lettorum*, еслибы имѣлъ въ виду указать свое происхожденіе подобно тому, какъ онъ выразился о другомъ переводчикѣ Филиппѣ литовцѣ¹⁾, значитъ игнорировать

1) Chr. 15, 10: *Philippus de gente Lettonum et in curia episcopi enutritus.*

аналогичныя выраженія въ Хроникѣ, гдѣ *de* съ именемъ народа прямо указываетъ на происхожденіе: „нѣкоторые ¹⁾ изъ тевтоновъ, кое-кто изъ датчанъ, норманновъ и отдѣльных народовъ“. Употребивъ *de Lettis* для указанія своего происхожденія, Генрихъ выразился грамматически правильно подобно тому, какъ и въ другомъ мѣстѣ, употребивъ имя народа вмѣсто земли: „господинъ ²⁾ легатъ прибылъ въ латышскую область, а отъ латышей направился въ Саккалу“. Не можетъ быть доказательствомъ нѣмецкаго происхожденія Генриха также употребленіе имъ слова *нашъ*, которое встрѣчается у него въ различныхъ значеніяхъ и указываетъ прежде всего на то, что самъ Генрихъ находился среди лицъ, которыхъ онъ называлъ нашими: такъ, въ выраженіи: „прибылъ ³⁾ многочисленный отрядъ русскихъ на помощь нашимъ“ — значитъ всѣмъ, бывшимъ на сторонѣ рижанъ. Рассказывая о нападеніи въ 1210 г. куровъ на Ригу, Генрихъ называетъ „нашими“ всѣхъ защитниковъ Риги безъ различія національности; себя и другихъ, бывшихъ въ это время въ Ригѣ, онъ объединяетъ словомъ *мы* ⁴⁾. Вообще употребляя слово *наши* — *nostri*, авторъ чаще всего имѣетъ въ виду не народность, а католиковъ, состоявшихъ подъ непосредственной властію епископа и признававшихъ его распоряженія обязательными для себя, какъ показываютъ слѣдующія мѣста: „ливы и латыши ⁵⁾ поторопились поскорѣ

1) Chr. 1, 10: aliqui de Theutonicis et quidam de Danis et de Normannis et de singulis populis.

2) Chr. 29, 7: domnus legatus venit in Letthorum provinciam et de Lettis in Saccalam.

3) Chr. 14, 10: venit maxima turba Ruthenorum nostris in auxilium.

4) Chr. 14, 5: quidam ex ipsis — civibus occisi sunt et alii ad nos evaserunt.

5) Chr. 14, 8: Lyvones et Letti ad persequendum illos festinanter acceleraverunt, dicentes se Rigensium nequaquam posse moram expectare. Sed Caupo cum theutonicis: expectemus, inquit, fratres nostros . . .

преслѣдовать востовъ, заявляя, что они никоимъ образомъ не могутъ ждать замѣшкавшихся рижанъ, а Каупо и тевтоны (здѣсь подъ тевтонами онъ разумѣетъ меченосцевъ) говорили: подождемъ нашихъ братьевъ (рижанъ); но тѣ не послушались, и скорѣе желая погибели тевтоновъ (меченосцевъ), преслѣдовали востовъ“. Въ данномъ отрывкѣ выраженіемъ наши братья объединяются всѣ хрістіане, а чистокровный ливъ Каупо противопоставляется другимъ ливамъ и является какъ бы членомъ тевтоновъ. При описаніи битвы хрістіанъ съ язычниками вѣстами у деревни Каретенъ въ 1220 г. Генрихъ еще яснѣе даетъ намъ понять, что словами мы и наши онъ отмѣчаетъ не національность и происхождение, а принадлежность къ епископскимъ подчиненнымъ или къ его вѣрнымъ сторонникамъ: „нашъ путь ¹⁾), говоритъ онъ, былъ затруднителенъ вслѣдствіе обледенѣвшаго снѣга; мы шли гуськомъ; поѣтому тевтоны, далеко слѣдовавшіе въ тылу, еще не подошли, и намъ, бывшимъ впереди, было въ тягость ихъ замедленіе; полагаясь на Господа, мы построили латышей налѣво, а тевтоны, подходившіе поодиначкѣ, становились направо“. . . „изъ нашихъ пали (въ битвѣ) двое и изъ латышей двое: братъ Руссина и братъ Дривинальде изъ Астіерва, молодой графъ изъ епископской дружины и одинъ воинъ герцога“. Въ началѣ этого отрывка авторъ очевидно подъ словомъ мы отмѣчаетъ тѣхъ, которые были въ распоряженіи епископа, въ отличіе отъ меченосцевъ и ихъ подчиненныхъ. Это же различіе онъ отмѣняетъ, хотя неясно, и въ концѣ отрывка, на который Кейсслеръ ссылается, какъ на вѣрное доказательство нѣмецкаго происхожденія Генриха; Генрихъ, противо-

1) Chr. 23, 9: erat autem arcta via nostra pre congelatione nivis et unusquisque post alium sequebatur. Et ideo Theutonici de longe post tergum sequentes, adhuc nondum venerant et erat nobis primis eorum mora gravis. . . ex nostris vero ceciderunt duo et ex Letthis duo, frater Russini et frater Drivalde de Astijerwe, comes iuvenis de familia episcopi milesque ducis unus (изъ крестеносцевъ).

полагая здѣсь латышей нашими, называетъ и имена латышей, но послѣдніе принадлежали къ той мѣстности, которая была подъ властію меченосцевъ, а не епископа, слѣдовательно, не признавали надъ собою власти его. Слова *suus proprius* ¹⁾ въ выраженіи: *invento sacerdote suo proprio . . . munera contulerunt* — Генрихъ употребляетъ о себѣ для обозначенія своей принадлежности къ латышамъ, какъ соплеменникамъ, а не для указанія круга и мѣста своей дѣятельности, которая въ тѣсномъ смыслѣ была только въ мѣстности у Имеры, между тѣмъ какъ городокъ Беверинъ, въ которомъ ему поднесли латыши подарки, находился въ латышской мѣстности Толовъ, подвластной Пскову. По порученію епископовъ, Генрихъ выступалъ также въ разныхъ округахъ Эстоніи проповѣдникомъ слова Божія и крестилъ тамъ народъ, но онъ ни слова не говоритъ о своей близости къ эстамъ и какой-нибудь связи съ ними. Укажу еще на слѣдующее, быть можетъ, случайное явленіе въ языкѣ Генриха: онъ ставитъ различное названіе Дерпта ²⁾, смѣшивая звуки д и т, слѣдовательно, допускаетъ въ иностранныхъ словахъ то же неумѣнье различать эти звуки, какое приходится наблюдать и теперь среди учащихся изъ латышей. Въ Хроникѣ упоминается до 10 священниковъ, но ни одного изъ нихъ Генрихъ не называетъ латышскимъ, либо эстонскимъ, либо ливскимъ, хотя они имѣли приходы и извѣстный кругъ дѣятельности, о себѣ же онъ неоднократно упоминаетъ какъ о латышскомъ священникѣ: *Henricus Letthorum minister de Imera* (24, 2), *Lettorum de Imera sacerdos* (24, 5), *Letthorum sacerdos* (24, 6).

Уже въ 1207 г. выступая проповѣдникомъ евангелія среди латышей и эстовъ и переводчикомъ, могъ ли Генрихъ,

1) Chron. 12, 6: *invento sacerdote suo proprio . . . munera contulerunt*.

2) Tharbete 15, 2; Dorbete 24, 1; Tharbata 26, 7; Tarbata. Darbeta, 27, 5; Darbeten 27, 6.

если онъ былъ нѣмецъ родомъ, такъ скоро усвоить мѣстные языки, такъ хорошо познакомиться съ топографіей страны, съ національными свойствами и особенностями ея обитателей? Защитники нѣмецкаго происхожденія Генриха ссылаются главнымъ образомъ на его постоянное сочувствіе мужеству и храбрости германцевъ, энергіи, предусмотрительности и изворотливости епископа Альберта; но это сочувствіе зависѣло отъ того, что онъ самъ былъ христіанинъ и христіанскій священникъ и проповѣдникъ, обязанный своимъ воспитаніемъ и положеніемъ нѣмцамъ и въ частности еп. Альберту, своему наставнику (Chr. 11, 7), котораго онъ старается всегда представить съ хорошей стороны, оправдать и прославить его дѣйствія, осторожно обходя факты, свидѣтельствующіе о разладѣ и враждѣ Альберта съ орденомъ, замалчивая о своекорыстныхъ и неблаговидныхъ поступкахъ его. При опредѣленіи отношенія Генриха къ нѣмцамъ необходимо также имѣть въ виду причины и обстоятельства, побуждавшія его написать Хронику, а равно и цѣль Хроники, чтобы не увлекаться частію деликатными, частію пристрастными замѣтками его о дѣйствіяхъ меченосцевъ и еп. Альберта. Но какими основательными причинами объяснить похвальный отзывъ Генриха о латышахъ, его явное пристрастіе къ латышамъ, соперничающимъ съ нѣмцами въ мужествѣ и въ усердіи къ распространенію христіанской вѣры и проявляющимъ разныя прекрасныя нравственныя свойства? Латыши даже за подарки, предложенные имъ русскими ¹⁾, не согласились напасть на германцевъ; они съ радостію приняли священниковъ, прибывшихъ къ нимъ для проповѣди христіанства и поняли важное значеніе христіанства для ихъ мирной жизни ²⁾, добровольно и не испытавъ никакихъ бѣдствій войны, они раньше всѣхъ приняли христіанство, всегда сохраняли вѣрность и постоянство въ вѣрѣ и не отвергали,

1) Chr. 10, 3.

2) Chr. 12, 6.

подобно ливамъ и эстамъ, таинства крещенія; со смиреніемъ, терпѣніемъ и радостію они распространяли вѣру во Христа среди эстовъ и другихъ народовъ, и многіе изъ нихъ за нее погибли на войнѣ ¹⁾. О враждебномъ отношеніи латышей къ германцамъ ²⁾ и возстаніи противъ пришельцевъ ³⁾ Генрихъ говоритъ очень осторожно и какъ бы мимоходомъ: въ 1212 г. ливы и латыши, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ притѣсненій и грабежа со стороны меченосцевъ, рѣшили оружіемъ дѣйствовать противъ угнетателей и стали укрѣплять свои городки, чтобы засѣсть въ нихъ послѣ уборки съ полей хлѣба и начать войну противъ тевтоновъ; но Генрихъ, описывая подробно ходъ борьбы ливовъ съ тевтонами, только вскользь упоминаетъ, что латыши согласились ⁴⁾ принять участіе въ возстаніи, что старшина ихъ Русинъ ⁵⁾ былъ убитъ непріятельской стрѣлой и что латыши, принимавшіе прямо или косвенно участіе въ возстаніи, были присуждены къ денежному штрафу своими фохтами.

Относительно жизни и дѣятельности Генриха мы можемъ составить представленіе только по случайнымъ замѣткамъ и намекамъ его въ самой Хроникѣ. Генрихъ называетъ себя ученикомъ епископа Альберта, слѣдовательно, онъ получилъ воспитаніе и образованіе непосредственно подъ руководствомъ Альберта, а не при дворѣ епископа Альберта, какъ это выпало на долю какого-то пере-

1) Chron. 29, 3.

2) Chron. 11, 9 въ концѣ и 16, 3.

3) Chron. 16, 3—5.

4) Chron. 16, 3: mittentes ad omnes Livones et Lettos ut haberent consilium, et consenserunt omnes.

5) Кейсслеръ (стр. 45) не признаетъ участія Русина въ возстаніи потому, что Русинъ, стоя на городскомъ валу безъ шлема, назвалъ находившагося предъ валомъ Венденскаго магистра Бертольда своимъ другомъ и предлагалъ ему жить съ нимъ по прежнему въ мирѣ и дружно; но у Генриха (25, 2) есть ясное указаніе на участіе Русина въ возстаніи: прославляя Божію Матерь за защиту Ливоніи и за пораженіе всѣхъ главнѣйшихъ враговъ послѣдней, онъ причисляетъ къ нимъ и Русина.

водчика Филиппа изъ литовцевъ. Ставъ епископомъ ливонскимъ, Альбертъ посвящалъ свое время болѣе широкимъ и разностороннимъ задачамъ сравнительно со скромной учительской дѣятельностью. Съ другой стороны, основательное знаніе Священнаго писанія, знакомство съ древними авторами, съ латинской грамматикой и стихосложеніемъ, требовали систематичности въ подготовкѣ, а это могло случиться только въ правильно организованной школѣ; поэтому мы имѣемъ основаніе предположить, что Генрихъ еще въ дѣтствѣ былъ отправленъ Мейнгардомъ въ Зегебергскій монастырь въ Голштиніи, подобно бывшему въ Хольмѣ священнику Іоанну, родомъ изъ Вироніи, который въ дѣтствѣ былъ захваченъ въ плѣнъ язычниками, но благодаря Мейнгарду освободился изъ плѣна и былъ отправленъ имъ для изученія Священнаго писанія въ монастырь Зегебергскій, откуда, послѣ значительныхъ успѣховъ въ наукахъ, былъ взятъ епископомъ Альбертомъ въ Ливонію и затѣмъ назначенъ священникомъ въ Хольмъ ¹⁾. Прибывъ съ Альбертомъ въ Ливонію, Генрихъ выступилъ впервые въ 1207 г. въ санѣ священника проповѣдникомъ евангелія среди латышей, жившихъ у р. Имеры (теперь Зедде, впадаетъ въ Буртнекское озеро) и скоро сталъ приходскимъ священникомъ въ этой же мѣстности; но отсюда онъ часто отлучался либо для участія въ предпріятіяхъ епископа, либо въ Ригу; такъ, въ 1208 г. онъ сопровождалъ епископа въ походѣ на Куkenойсъ, затѣмъ, во время распри латышей съ эстами, онъ выступилъ со стороны епископа посредникомъ по улаженію распри. Послѣ неудачныхъ переговоровъ между обѣими сторонами, Генрихъ, съ наступленіемъ враждебныхъ дѣйствій, оказался вмѣстѣ съ епископскимъ отрядомъ и венденскимъ рыцаремъ Бертольдомъ въ латышскомъ городкѣ Беверингъ ²⁾, который осадили эсты. Сдѣлавъ вылазку, латыши причинили значительный уронъ

1) Chron. 10, 7.

2) Въ Валкскомъ уѣздѣ близъ имѣнія Трикатенъ.

осаждавшимъ и, по возвращеніи въ городокъ, вмѣстѣ со своимъ священникомъ Генрихомъ¹⁾ благодарили Бога за побѣду. Во время новаго приступа вѣстовъ, Генрихъ всходитъ на валъ и въ то время, какъ другіе сражались, онъ подъ звуки музыкальнаго инструмента поетъ молитвы²⁾ о дарованіи побѣды. Какъ священникъ, онъ не поднимаетъ меча противъ враговъ, но старается молитвой помочь осажденнымъ. Отразивъ вѣстовъ отъ Беверина и опустошивъ южную часть Эстоніи (уѣздовъ феллинскаго и юрьевскаго), латыши отдѣляютъ изъ всей своей добычи подарки своему собственному священнику, а также войнамъ — стрѣлкамъ епископа, и Бертольду Венденскому, находившимся въ это время въ городкѣ Беверинѣ. Въ 1210 г. Генрихъ былъ въ Ригѣ среди горожанъ во время нападенія куровъ на городъ³⁾; въ слѣдующемъ 1211 г. вѣсты изъ Саккалы сожгли его приходскую церковь у Имеры, истребили все его добро, а приходъ сильно разорили. Въ 1212 г. Генрихъ сопровождаетъ въ Торейду — Трейденъ — епископовъ Альберта и Филиппа рацебургскаго, отправившихся сюда для разбора жалобъ ливовъ и латышей на меченосцевъ изъ-за чрезвѣрнаго грабежа — послѣдніе отняли у ливовъ пашни, луга и деньги, а у латышей также бортья; своимъ удачнымъ вмѣшательствомъ онъ спасаетъ епископа Филиппа отъ насилія со стороны ливовъ. Въ 1213 г. Генрихъ, приходъ котораго входилъ въ составъ судебного округа князя Владиміра⁴⁾, посылаетъ послѣднему подарки и дань хлѣбомъ. Въ слѣдующемъ году Генрихъ, по приказанію еп. Альберта, отправился въ Толову для наставленія въ католичествѣ сыно-

1) Chron. 12, 6: recurrentes in castrum ad suum sacerdotem . . . semul cum ipso Dominum . . . omnes benedicebant.

2) Тамъ же: ipse musico instrumento canebat Deum exorando.

3) Chron. 14. 5.

4) Chr. 16, 7: transivit rex Woldemarus cum eisdem Lettis in Antine et fuit cum eis, procurans advocatiorem eorum.

вей латышскаго старшины Талибальда ¹⁾, которые отнали отъ православія и просили еп. Альберта принять ихъ подъ свою власть. Имъ епископъ Альбертъ обѣщалъ свою защиту въ мирное и военное время, принялъ ихъ подъ свою власть и обязалъ ихъ платить ему ежегодно дань по мѣркѣ зерна съ каждой пары лошадей. Малый размѣръ дани и надежда на защиту отъ другихъ народовъ, по мнѣнію Генриха, побудили латышей перемѣнить православіе на католичество. Но скорѣе всего на ихъ отступничество отъ православія слѣдуетъ смотрѣть какъ на результатъ искусной католической пропаганды самого Генриха, съумѣвшаго посулами матеріальныхъ выгодъ привлечь на сторону епископа латышей Толовы, которые до этого времени платили дань псковичамъ. Въ 1215 г. онъ отправился вмѣстѣ съ епископами Филиппомъ рацебургскимъ и Теодорихомъ эстонскимъ на соборъ въ Римъ, вслѣдствіе сильной бури въ рижскомъ заливѣ былъ отнесенъ вмѣстѣ съ прочими къ Эзелю, гдѣ на нихъ напали эзельцы, едва не истребившіе небольшой нѣмецкій флотъ; послѣ счастливаго отраженія эзельцевъ, путешественники простояли у Эзеля три недѣли въ ожиданіи попутнаго вѣтра для продолженія пути. Въ Веронѣ Генрихъ присутствовалъ при похоронахъ скончавшагося епископа Филиппа и затѣмъ уже вмѣстѣ съ Теодорихомъ, еп. эстонскимъ, отправился въ Римъ и присоединился здѣсь къ епископу Альберту, съ которымъ въ апрѣлѣ 1216 г. вернулся въ Ливонію; здѣсь онъ вскорѣ принялъ участіе въ походѣ ливонцевъ въ Гаррію, Ервень и Виронію (1217 г.) и уже съ этого времени началъ свою миссіонерскую дѣятельность въ Эстоніи; въ 1218 г. онъ вторично подвергся разоренію, на этотъ разъ со стороны русскихъ, которые опустошили землю у Имеры и сожгли его приходскую церковь. Въ 1219 г. онъ снова сопровождалъ ливонцевъ подъ начальствомъ магистра Волквина въ походѣ

1) Талибальдъ, старшина городка Беверина принялъ также католичество 19, 3: christianus fuit et de fidelium Lettorum numero.

на ревельскую область, затѣмъ въ Виронію и крестилъ здѣсь нѣкоторыхъ эстовъ. Въ 1220 г. онъ находится при епископѣ Альбертѣ, осаждавшемъ семигальскую крѣпость Мезотенъ; затѣмъ сопутствуетъ ливонцамъ въ походѣ на Гаррию, присутствуетъ при пораженіи ими эвельскихъ эстовъ въ Ервенѣ у деревни Каретенъ и при опустошеніи Гаррии; въ этомъ же, 1220 г., Генрихъ вмѣстѣ съ другимъ священникомъ Петромъ Какувальде отправился въ сѣверо-восточную часть Унгани для обращенія въ католичество эстовъ, жившихъ по обѣ стороны Эмбаха, перешелъ съ той же цѣлью въ Вайгу (Клинъ въ русск. лѣтоп.), отсюда въ Виронію, гдѣ окрестилъ 14 деревень въ волости Пудивуру; но въ другихъ волостяхъ Вироніи этихъ миссіонеровъ не приняли, потому, что датчане уже окрестили здѣсь жителей; поѣтому миссіонеры отправились въ Ервенъ, но и здѣсь помѣшалъ ихъ дѣятельности священникъ датскій Вольтеръ, на котораго Генрихъ пробовалъ было пожаловаться въ Ревель архіепископу Лундскому Андрею, но безуспѣшно. Спустя нѣкоторое время, Генрихъ вторично отправился въ Эстонію съ другимъ священникомъ Теодорихомъ и обратилъ въ католичество обитателей Саккалы, Нормегунде, Вайги, у озера Вириерви и по обѣ стороны Эмбаха. Въ третій разъ онъ отправился въ Эстонію въ 1221 г. съ цѣлью крестить жителей на востокъ отъ Юрьева по сосѣдству съ Псковской областью; вся Эстонія, по словамъ Генриха, была окрещена¹⁾ въ этомъ году. Въ 1224 г. онъ присутствовалъ при завоеваніи Юрьева ливонцами; въ 1225 и 26-омъ годахъ, вѣроятно, участвовалъ въ свитѣ легата Вильгельма при его обзорѣни Ливоніи.

Въ самой Хроникѣ Генрихъ излагетъ событія по годамъ епископства Альберта, начало которыхъ почти совпадало съ началомъ гражданскаго, такъ называемаго Маринскаго, года (съ 25-го марта — дня Благовѣщенія), но написалъ

1) Chron. 24, 7.

первыя 29 главъ ея только во время пребыванія легата Вильгельма въ Ливоніи, въ 1225 и 1226 гг., а глава 30-ая, въ которой разсказывается о завоеваніи острова Эзеля, написана имъ въ началѣ 1227 г. подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія. Такой выводъ о времени составленія Хроники вытекаетъ изъ разсѣянныхъ въ первыхъ 27 главахъ ея намековъ на событія, болѣе позднія сравнительно съ описываемыми Генрихомъ въ томъ или другомъ году: такъ, разсказывая въ первой книгѣ приблизительно подъ 1190 г. о сотрудникѣ епископа Мейнгарда по распространенію католичества, священникъ Теодорихъ (1, 10), Генрихъ отмѣчаетъ, что Теодорихъ въ послѣдствіи (въ 1211 г.) сталъ епископомъ эстонскимъ. Осаду города Феллина (15, 1) въ 1211 г. Генрихъ называетъ первой, намекая такимъ образомъ на вторую, послѣдовавшую только въ августѣ 1223 г. (27, 2). Прославляя подъ 1221 г. (25, 2) милость и благоволеніе Божіей Матери къ Ливоніи, Генрихъ отмѣчаетъ, что „князь Вячко, истребившій въ Куkenойсѣ епископскихъ воиновъ, въ послѣдствіи, какъ о томъ далѣе будетъ сказано, погибъ въ Тарбете ужасной смертью“ (въ сент. 1224 г.). Составляя свою объемистую Хронику въ такое короткое время, Генрихъ, хотя самъ былъ свидѣтелемъ большей части описываемыхъ имъ событій, не могъ все-таки, полагаясь только на память, погодно воспроизводить съ изумительной подробностію все, случившееся въ періодъ 1201—1225 гг. Безъ сомнѣнія онъ имѣлъ подъ рукою подходящія пособія, а именно: донесенія священниковъ и другихъ очевидцевъ событій¹⁾, проповѣди духовныхъ лицъ²⁾.

1) Chron. 9, 5. Referebat sacerdos quidam и т. д.. 11, 4: sicut a quibusdam relatum est; 15, 4: ut ipse saepius retulit.

2) По крайней мѣрѣ прославленіе Богородицы (гл. 25, 2) и по формѣ, представляющей обращеніе къ слушателямъ, и по содержанію, и по пламенному воодушевленію, и по самому заключенію рѣчи, безошибочно можно признать за похвальное слово Богородицѣ, принадлежащее лицу болѣе даровитому, чѣмъ Генрихъ.

Кромѣ того Генрихъ пользовался разными государственными актами и папскими буллами, какъ видно изъ намековъ его на права ордена меченосцевъ и на полномочіе еп. Альберта, на дѣятельность латеранскаго собора (1215 г.), на условія зависимости князя Герцике отъ еп. Альберта; но всѣ эти документы Генрихъ могъ прочитывать въ епископскомъ архивѣ, безъ сомнѣнія, съ разрѣшенія епископа Альберта, и, быть можетъ, по его указанію, такъ какъ написалъ свою Хронику столько же по собственному влеченію, сколько и „по просьбѣ¹⁾ господъ и сослуживцевъ для того, чтобы слава великихъ дѣяній не пришла впослѣдствіи въ забвеніе и чтобы потомки прославляли Господа Иисуса Христа“ и Его Матерь, которой были посвящены всѣ, недавно обращенныя въ католичество, земли Ливоніи. Слѣдовательно, забота о прославленіи дѣяній тѣхъ лицъ, которыя въ этотъ періодъ распоряжались Ливоніей, была для Генриха главнымъ внутреннимъ побужденіемъ къ этому труду, а просьба господъ и сослуживцевъ объ увѣковѣченіи въ письменномъ памятникѣ милости Иисуса Христа и его Матери по отношенію къ распространителямъ католичества въ покоренныхъ ими странахъ послужила для Генриха вѣншнимъ поводомъ къ работѣ.

Кого же Генрихъ подразумѣвалъ подъ господами и подъ сослуживцами? По мнѣнію Вильгельма Арндта и Герм. Гильдебранда, Генрихъ написалъ Хронику по предложенію меченосцевъ, епископа и сослуживцевъ священниковъ; по толковенію Паста²⁾, Генрихъ въ данномъ мѣстѣ употребилъ слово *г о с п о д а* въ общемъ значеніи владѣтелей страны (*Landesherrn*). Генрихъ, дѣйствительно, называетъ титуломъ *domini*, во-первыхъ, тѣхъ, которымъ принадлежитъ *dominium* — господство надъ извѣстной страной или народомъ; господами онъ называетъ меченосцевъ относительно подчиненныхъ имъ

1) Chron. 29, 9: *rogatu dominorum et sociorum humili scriptura conscribere et posteris relinquere ut et ipsi laudem Deo tribuant.*

2) Къ гл. 29, 9 прим. 7.

ликовъ ¹⁾ и эстовъ ²⁾; въ этомъ смыслѣ и епископы, въ качествѣ владѣтелей извѣстной части страны, были также *domini* ³⁾. Далѣе, слово *domnus* Генрихъ прилагаетъ къ духовнымъ сановникамъ изъ почтенія, какъ высшимъ начальникамъ надъ священниками: *domnus pape*, *domnus legatus*, *dominus venerabilis Lyvonensis episcopus* ⁴⁾ и просто *domnus episcopus* ⁵⁾. Могъ ли Генрихъ сопоставить *domni* съ сослуживцами, если бы онъ подразумѣвалъ подъ *domini* вообще владѣтелей страны, а не епископовъ Альберта, Германа, Бернарда и, быть можетъ, легата Вильгельма? Рѣшился ли бы онъ назвать господами относительно себя меченосцевъ, которымъ онъ не былъ подчиненъ, корыстолюбіе и грабительство которыхъ онъ довольно смѣло порицаетъ (гл. 29), необузданное своеволие которыхъ онъ не постѣснился отмѣтить въ своей Хроникѣ (гл. 18, 3)? Болѣе правдоподобно допустить, что Генрихъ подъ господами, по просьбѣ которыхъ онъ приступилъ къ составленію Хроники, разумѣетъ не меченосцевъ и епископа Альберта, а вообще высшихъ духовныхъ лицъ: епископовъ Альберта, Германа, Бернарда и, быть можетъ, ревизора Ливоніи папскаго легата Вильгельма. Лично для Генриха были господами только эти духовные сановники, а не меченосцы. При такомъ объясненіи будетъ понятно, почему Генрихъ согласился изложить во славу Иисуса Христа и его присноблаженной Матери, покровительницы Ливоніи, случившіяся здѣсь важныя событія, ко-

1) Chron. 16, 4: *fratres militie, dominos vestros*.

2) Chron. 23, 3: *dominos suos. . . expulerunt*; 28, 7: *equos et munera dominis attulerunt*.

3) Chron. 28, 2: *Ugaunenses quoque similiter de dominio episcopi Hermannii gaudebant*.

4) Chron. 11, 3: *petebant (fratres militie) a domno episcopo terciam partem totius Livonie*. 30, 3: *conveniunt omnes Theutonici, Rigenses, Lyvones cum Letthis et Estonis sequentes dominum venerabilem Lyvonensem episcopum*. 29, 4: *predicatorem domni legati secum in Semgalliam admisit*; 18, 8: *auctoritate domni pape*.

5) Chron. 10, 1, 16, 2: *Lyvoniam totam domno episcopo liberam reliquit*.

торыя „должны напоминать потомкамъ о томъ, чтобы они возлагали всѣ свои надежды на Господа, не забывали дѣлать Его и поступали по заповѣдямъ Его“ точно также, какъ поступали первые насадители католичества въ Ливоніи; Генрихъ поэтому въ своемъ произведеніи особенно выдвигаетъ факты, свидѣтельствующіе объ усердіи слугъ Христовыхъ въ распространеніи вѣры, хотя бы путемъ насилія, такъ какъ западная церковь, согласно наставленію блаженного Августина *compelle intrare*, признавала похвальными всякіе способы распространенія Христіанства между язычниками. Описывая опустошительные походы подчиненныхъ Альберта, Генрихъ съ гордостію замѣчаетъ, что рижане „никогда не возвращались безъ побѣды и безъ добычи“ ¹⁾ потому, что конечной цѣлью всякаго ихъ похода было обращеніе язычниковъ въ христіанство. Благая цѣль походовъ, предпринимавшихся подчиненными Альберта, составляетъ отличительную черту ихъ сравнительно съ походами русскихъ князей, которые не завоевали „ни одного городка“ ²⁾ для христіанской вѣры“ и „которые стараются подчинять себѣ земли для взиманія дани, а не для распространенія христіанской вѣры“. Руководитель и глава Ливоніи, епископъ Альбертъ, неослабно трудится надъ изысканіемъ средствъ къ распространенію вѣры; во всѣхъ его дѣйствіяхъ Генрихъ старается отмѣтить только хорошія стороны, указать на уваженіе и даже преклоненіе предъ нимъ мѣстныхъ обитателей; такъ, эсты приморской области Вика, пока считались подданными датскаго короля (въ 1222 и 1223 гг.), не платили дани датчанамъ; но лишь только Викъ достался рижскому епископу, обитатели его, изъ уваженія къ епископу, поспѣшили внести ему дань даже за тѣ годы, въ которые они числились подъ властію датчанъ ³⁾.

1) Chron. 28, 2.

2) Chron. 28. 4.

3) Chron. 24, 2: *tributa duorum annorum, que propter Danorum impugnationem neglexerant, integraliter solvebant.*

Особенно прозрачна цѣль Генриха оправдать Альберта предъ католическимъ міромъ отъ обвиненій со стороны датчанъ въ обманѣ и захватѣ принадлежащей имъ Эстоніи: рассказывая о походахъ ливонцевъ въ Эстонію и распространеніи здѣсь христіанства, Генрихъ искусно, по опредѣленному плану, старается выяснитъ преимущественное предъ датчанами право тевтоновъ на владѣніе этой страной. Также въ дѣятельности другихъ духовныхъ лицъ Генрихъ выдвигаетъ ихъ труды по умиротворенію новаго края и распространенію христіанства, а на походахъ ливонцевъ онъ останавливается скорѣе потому, что видитъ въ нихъ хорошее средство къ скорѣйшему достиженію главной цѣли — обращенію язычниковъ въ христіанство. Прослѣдуя оправдательно - хвалебныя цѣли, Генрихъ, не ради временныхъ личныхъ выгодъ ¹⁾ и не изъ лести своимъ духовнымъ начальникамъ написалъ свой трудъ, а потому, что рассчитывалъ, какъ ему внушили его руководители, на отпущеніе грѣховъ за прославленіе церкви.

Изложивъ въ своемъ трудѣ только то, что „видѣлъ собственными глазами или же о чемъ узналъ отъ тѣхъ, которые видѣли и слышали“, Генрихъ, частію умалчивалъ, частію слегка касался тѣхъ фактовъ, которые повредили бы славѣ католической церкви и ея представителей въ Ливоніи; поэтому сообщенія его о захватѣ тевтонами русскихъ княжествъ: Герцике, Куkenойса и Юрьева, о борьбѣ съ русскими изъ за власти надъ восточной Эстоніей и сѣверо-восточной частію латышской земли отличаются противорѣчіемъ и пристрастіемъ; его рассказъ о походахъ тевтоновъ въ остальныя части Эстоніи и о крещеніи эстовъ явно свидѣтельствуетъ объ его усиліи опровергнуть претензіи датчанъ на господство надъ Эстоніей; приводя въ пользу тевтоновъ данныя, опирающіяся частію на грубую

1) Chron. 29, 9. Non adulationis aut lucri temporalis gratia conscripsimus, sed potius in delictorum nostrorum remissionem ad laudem ipsius domini nostri Iesu Christi et beate virginis Marie.

силу, частію на предупрежденіе во времени, онъ замалчиваетъ о нравственно-правовыхъ основаніяхъ датчанъ. Но въ сообщеніяхъ Генриха возможно отыскать истину частію путемъ сравненія однихъ мѣстъ Хроники съ другими, частію сопоставленіемъ его сообщеній съ другими сохранившимися источниками. Но какъ бы ни были пристрастны или узки сужденія Генриха, его Хроника имѣетъ несомнѣнное историческое достоинство для исторіи прибалтійскаго края по обилію разностороннихъ историческихъ фактовъ, а для исторіи удѣльнаго періода Россіи она цѣнна какъ потому, что дополняетъ лѣтописныя свѣдѣнія, такъ и потому, что представляетъ единственный сохранившійся источникъ по исторіи княжествъ Кукенойса и Герцике.

Н. Кипріяновичъ.

Къ исторіи византійской отреченной письменности.

А. И. Алмазовъ. Апокрифическія молитвы, заклинанія и заговоры¹⁾.
Одесса. 1901. Стр. 120. Ц. 65 к.

Авторъ извѣстнаго капитальнаго труда „О тайной исповѣди“ проф. А. И. Алмазовъ издалъ въ свѣтъ новую весьма интересную работу, подъ заглавіемъ „Апокрифическія молитвы, заклинанія и заговоры.“ На эти три вида подраздѣляетъ проф. Алмазовъ изданныя имъ (въ концѣ книги, на стр. 83—120), на основаніи греческихъ рукописныхъ памятниковъ (главнымъ образомъ на основаніи сборника XV—XVI в. Парижской національной библіотеки № 395 и на основаніи сборника тоже литургическаго содержанія XVI в., библіотеки Barberini, въ Римѣ № 449), 75 греческихъ формулъ весьма любопытнаго содержанія. По цѣли ихъ назначенія, г. Алмазовъ подводитъ всѣ тексты подъ четыре главныя группы, а именно: а, формулы вообще предохранительныя для человѣка самого въ себѣ и въ отношеніи всего его внѣшняго благосостоянія (особенно интересны формулы, имѣющія цѣлью оказать противодѣйствіе зависти — формула № 3, съ надписаніемъ: *Περὶ: Λέων καὶ Νίκανδρος ἐκ φθόνου* — и

1) Слово „апокрифъ“ съ греческаго означаетъ „сокровенный“ и противоположно слову „публичный, общеизвѣстный.“

„дурного глаза“, или иначе „сглаза“ — формула № 4, съ надписью: *Αφορισμός περί χακοῦ ὀφθαλμοῦ*); б) формулы медицинскаго назначенія, т. е. врачевательныя, по преимуществу отъ спеціальныхъ и порою исключительныхъ болѣзней (какъ болѣзней, поражающихъ человѣческій организмъ въ его цѣломъ, такъ и болѣзней отдѣльныхъ его принадлежностей, отдѣльныхъ органовъ — головы, глазъ, кровотеченія изъ носа, груди, почекъ, сердца, желудка, между прочимъ, сосцевъ у женщины — матери и др.); в) формулы, предназначенныя къ домашнему и семейному благополучію человѣка (между прочимъ, заговоры противъ лишенія путемъ волшебныхъ дѣйствій способности супруговъ имѣть дѣтей, формулы на предохраненіе младенца при свиваніи и при няньченіи ребенка и др.); наконецъ, г) формулы предназначенныя способствовать успѣху человѣка въ различныхъ его занятіяхъ (въ земледѣліи, садоводствѣ, скотоводствѣ и т. п.). Особенно интересна формула, представляющая любопытный примѣръ заговора — увѣщанія (съ характеромъ церковности), произносимаго самимъ владѣльцемъ животнаго (именно вола) на его послушаніе въ работѣ. „Послушай, волъ — земледѣльче, возлюби ярмо, — Господь нашъ І. Христосъ былъ распятъ подъ ярмомъ оправданія для спасенія міра, такъ и ты, волъ — земледѣльче, возлюби ярмо да вовдѣлываешь землю и приносишь многіе хлѣба, да вознесемъ и мы благодареніе Господу Христу и Пресв. Богородицѣ и всѣмъ святымъ. И какъ Господь нашъ І. Христосъ возлюбилъ честный и животворящій крестъ, такъ и ты, земледѣльче, возлюби ярмо со всякою любовью и готовностью, да не продамъ тебѣ гуртовщику, гуртовщикъ же мяснику и пр.“ (стр. 73).

Время, съ котораго получили мѣсто въ греческомъ христіанскомъ обществѣ апокрифическія молитвы — не позднее; къ концу VII вѣка онѣ уже были (см. Трулльскаго собора пр. 63). Заклинанія существовали уже въ до-христіанскомъ греческомъ мірѣ, а употребленіе заговора констатируется въ первый разъ въ IV вѣкѣ (Анкир. соб. пр. 24.)

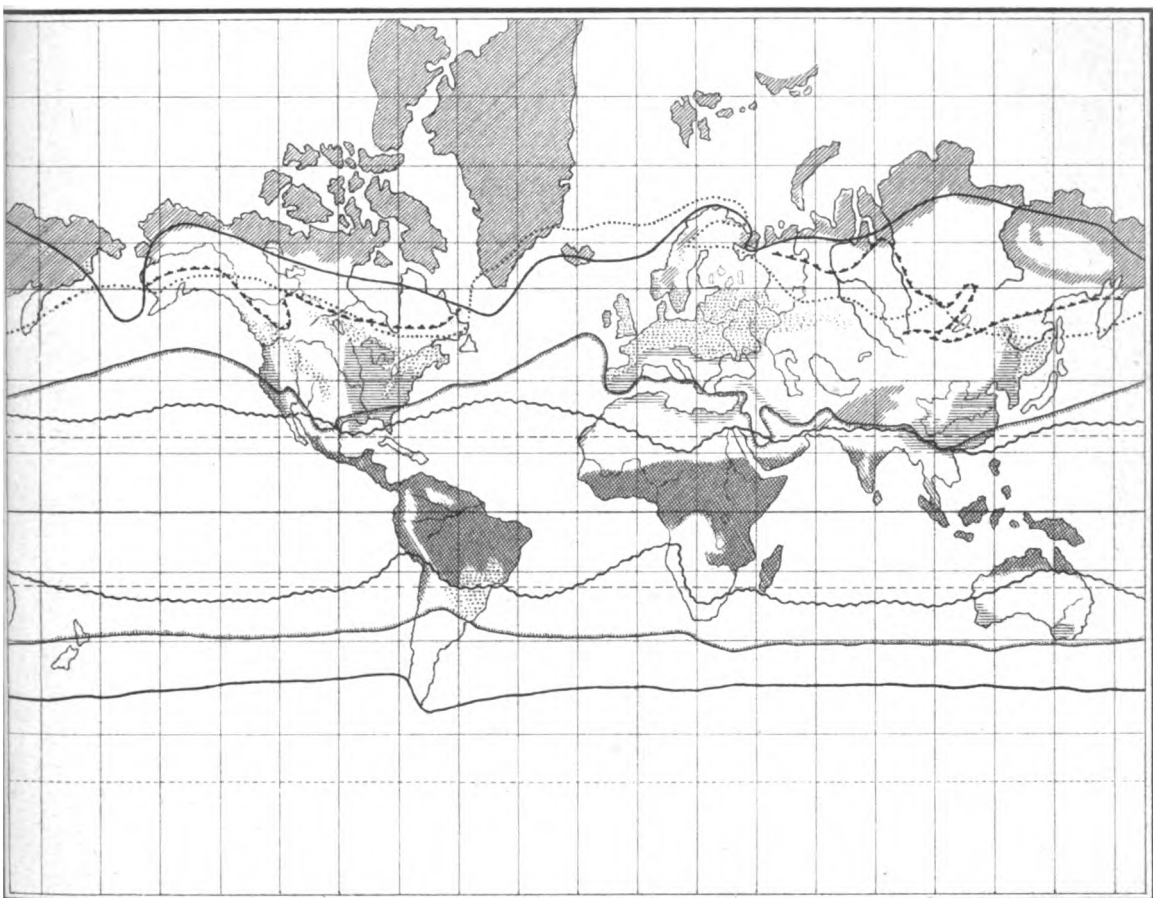
Наиболѣе существенное различіе русской формулы отъ византійской заключается въ томъ, что въ содержаніи первой преобладаетъ не церковный элементъ, а народныя воззрѣнія и представленія. Въ то время какъ византійская формула, почти въ каждомъ ея представителѣ, имѣетъ соприкосновеніе съ христіанскими понятіями, — русская формула, наоборотъ, стоитъ несравненно далѣе отъ этихъ понятій (стр. 81).

Каноническія правила, говоритъ проф. Алмазовъ, смотрѣли на такія формулы отчасти снисходительно, — смотрѣли на нихъ, какъ на неизбежное ненормальное явленіе въ массѣ темнаго народа, и считали дѣломъ, тяжко преступнымъ съ церковной точки зрѣнія, собственно формулы, въ которыхъ дѣйственность усвоялась темнымъ силамъ, а не силѣ имени Бога (стр. 80.).

Даже этихъ краткихъ словъ достаточно, чтобы судить, какимъ цѣннымъ подаркомъ для византологовъ является эта работа А. И. Алмазова. Можно только пожелать, чтобы всѣ помѣщенные въ книгѣ проф. Алмазова греческіе тексты формулъ (стр. 83—120) были переведены на русскій языкъ.

М. Красноженъ.

Климатическія зоны и линіи по В. П. Кёппену.

Лит. Е. Якиманъ Юрьевъ.

- Зона безлѣся.
- Жаркая зона съ температурою самого холоднаго мѣсяца не ниже 18° .
- Субтропическія зоны.
- Области дуба.
- Изотерма 10° самого теплаго мѣсяца.
- " 10° " холодн. " (на ур. мѣста).
- " 10° " " " (на ур. моря).
- " 0° средней годовой температуры.
- Граница вѣчно мерзлой земли.

1822

Am 549100

Digitized by Google

Цѣна 2 рубля.

Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при
ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ Т. I
(1898), Т. II (1899) и Т. III (1900) Ученымъ Комитетомъ
Министерства Народнаго Просвѣщенія „рекомендованъ
для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учеб-
ныхъ заведеній, какъ всѣхъ вообще, такъ и въ осо-
бенности Рижскаго учебнаго округа“.

Съ требованіями обращаться въ Учено-Литературное Общество
при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.